Балтиморская матрёшка

Иван Тропов

SHOUT
SHARE
IT

- Иван Тропов
  - 1. Паучки на петличках
  - 2. Compушки
  - 3. Кукушка Langfordi
  - 4. Лицом к лицу

Иван Тропов
БАЛТИМОРСКАЯ МАТРЕШКА

Светлой памяти эры пиратских дисков

1. Паучки на петличках

Генералы всегда готовятся к прошедшей войне.

Если этот столетний штамп все еще на вооружении у журналистов, значит наша контрразведка не зря ест свой хлеб.

Бригадный генерал Теодор О. П. Андеркавер, DARPA

(плакат в административном секторе Ковчега)

Лампа нацелена мне в лицо, свет режет глаза.

— В какой вариант вы играли? Звук был родной, кустарный перевод или полная локализация?

— Перевод.

— Раньше вы говорили: «перевод, кажется».

— Я столько раз говорил про этот перевод, что мне уже не кажется! Я уже сам верю, что это был перевод, даже если на самом деле звука вообще не было!

— На два тона ниже. И впредь потрудитесь выражаться предельно четко. Это ясно? Не слышу ответа.

— Ясно!

— Хорошо… Не отводить лицо от света! Диск был родной, лицензионный или пиратская копия?

— Пиратка… «Пиратка, само собой», как я отвечал раньше!

— Разговорчики! Постарайтесь вспомнить до мелочей, как был оформлен диск. Начните с описания вкладышый. Что было на лицевой стороне?

Мне хочется выть, рычать и рвать зубами, причем одновременно! Я же ему уже тысячу раз говорил, как выглядел диск! И тот конкретный, и вообще все диски! К каждой игре, в какую я когда–то играл или просто брал в руки подержать! Бесконечные часы, под этой нестерпимой лампой, свет режет мои глаза, буравит виски, выедает мозг…

— Не отвлекаться! Глаз не закрывать! Начинайте описывать. Подробно и четко, важна каждая мелочь.

***

И темнота. Полная, стирающая глаза темнота. Я никогда в жизни не видел такой темноты, пока не попал сюда. Когда даже не можешь понять, закрыты глаза или открыты?

Темнота и тишина. Они размывают мои глаза, мое сознание, меня самого. Никогда в жизни… Была ли вообще эта жизнь? Вся моя прошлая жизнь кажется такой странной, нереальной…

Память о ней есть. Но память — это не прошлое. Эту память в мою голову записывает специальная машина. Когда я засыпаю, машина стирает все, что было в моей голове, и записывает туда вымышленный кем–то мираж. Это миг, когда я просыпаюсь, уверенный, что у меня была жизнь. Полная красок жизнь до того, как я попал в это черно–белое место. И время, которое я провел уже здесь, бесконечные мучительные дни, которых на самом деле не было, потому что в действительности все мои дни одинаковые: каждый день повторяется одно и то же: миг назад я проснулся, и знаю только то, что есть в моей памяти… Могу ли я верить, что все это в самом деле было со мной, а не записано в меня миг назад?

Такой машины не может быть. Мозг устроен не так, как компьютер. Мозг — это слитые вместе и память, и процессор. Ассоциативная иерархия с обратными связями. Память–процессор, одно целое, которое нельзя разъять на составные части, не уничтожив. Если стереть всю память, пропадут и все процессорные ядра.

Эта мысль какая–то инородная, выбивает меня из колеи. Лишь теперь я понимаю, что это не моя мысль, а чужой голос. Разные голоса.

— А если убежденность в том, что мозг устроен вот так, это всего лишь одна из выдумок в том сейве, который машина записала в тебя минуту назад? Как и все прочие воспоминания? Про учебу в школе, уроки физики, биологии и истории. А на самом деле ничего этого никогда не было. Ни уроков, ни самих Ньютона с Карлом Великим. Мир устроен иначе, совсем иначе, ты даже не можешь вообразить, насколько…

Это Туз. С трудом, как сороконожка, задумвшаяся о своих ножках, я наконец расплетаю, где мои мысли, а где чужие голоса.

— Это называется солипсизм, — голос Батыя. — Логически непротиворечиво, но практически бесполезно.

— Если только уверенность в том, что это практически бесполезно, не еще одна выдумка искусственной памяти, — звучит в темноте голос Лиса.

Туз, Батый, Лис. Все в сборе, не считая Пацака. Но того такие разговоры как раз усыпляют.

— Но зачем? — возразил Батый.

— Чтобы мы верили всему тому, что есть в нашей памяти, — сказал Туз. — Чтобы вели себя так, куда подталкивает нас эта память.

— Все это вместе — зачем? Кто–то создал сложнейшую машину памяти, это невероятное место, поместил нас всех сюда — и все это только для того, чтобы затем гонять нас бесконечно по петле одних и тех же ощущений? Не слишком ли неправдоподобно?

— Неправдоподобно — это то, что ты нам рассказывал о своем якобы прошлом! — огрызнулся Лис. — Вот уж во что ни один нормальный человек никогда бы не поверил, а ты веришь, да еще и нам на уши вешаешь!

Я разлепил губы:

— А ты сам, Лис?

— О, Месир с нами! Что?

— Разве у тебя в воспоминаниях нет никаких странностей и несуразностей?

— Ну вот только не надо! Я из вас всех здесь самый нормальный.

— Да? Ну и почему же ты тогда оказался здесь?

Лис фыркнул в темноте.

— Да я бы почти и не попался… Этот их пункт… Да мне тот пункт сразу не понравился! Что я, призывных пунктов не видел? Обшарпанные стены, на полу бугристый линолеум, скамейки из драного кожзама, да пара стареньких иномарок перед входом — много ли на мелких взятках насобираешь? В нашем Волоколамске именно такой. И я уже почти откосил, все готово было, только конвертик отдать.

Дежурный бубнит: «…захОдите, становитесь на коврик по стойке смирно и представляетесь: призывник такой–то…», а я от нетерпения пританцовываю, рука уже в кармане. Отдать конвертик — и привет, армия. Я тебя тоже очень люблю, любовью святой и платонической, и чем ты дальше, тем крепче наша любовь. Берусь я за ручку двери в кабинет комиссара…

Вот тут–то он и появился. Прилизанный такой очкарик с залысиной. По виду — ну натуральный маменькин сынок в годах. Шея тоненькая, линзы с палец толщиной, лупы! А на плечах — по звездочке меж двух полосок. Нормально, да? А он уже пачкой листов машет:

— Господа, господа! Внимание! Маленькое статистическое исследование! Прошу вас, присядьте, достаньте ручки.

Раздал всем бумажки. Вроде тестов на ай–кью, только какие–то странные.

Я даже не заметил, как полчаса пролетело. Честно все прорешал, хотя и не собирался. Интересные тесты. Умные. Но у меня тут дело есть, да? Отдал я майору тест, и к двери, чтоб конвертик отдать, получить свою полную непригодность к строевой, и распрощаться с этим клоповником на пару лет, до следующего конвертика. Берусь я за ручку двери…

— Подождите, молодой человек, — майорчик говорит.

Сам в мой тест смотрит. И не просто глядит, чтобы проверить, что я все галочки расставил, а по–умному так смотрит. Явно разбирается, где какие ответы должны быть. Потом на часы глянул, присвистнул, и радостно так на меня смотрит:

— А может быть, вы еще и компьютерные игры любите?

В глазах надежда светится. Ну, я, конечно же, отвечаю:

— Я? Что вы! Вообще не играю.

— Как? — он прямо завял. — Совсем–совсем?

— Увы. Терпеть не могу.

И еще не успел договорить, как понимаю, что попался, как лох на каменном перекате. Слетела с майорчика напускная грусть.

— Отлично! — говорит. И за руку меня хвать. — Идите–ка за мной!

И тянет в кабинет комиссара. Входит без стука.

— Господин… э–э… — Тут мой майорчик пальцами так на комиссара щелкает, будто от официанта подсказки ждет. — Дайте–ка мне его бумаги, а в отчете проведите по нашему ведомству. Вас должны были предупредить.

И что я вижу? Дают этому очкарику мое дело без единого вопроса. Он меня ведет к выходу, но не к обычному, а во двор. А там среди стареньких иномарок — красуется глянцевый, как рояль, «мерин» с черными номерами и синей мигалкой. Салон кожаный. Пока я пытался все это вместе сложить во что–то осмысленное — с каких это пор призывников развозят на распределительные пункты на таком вот? — мы уже до Москвы домчались. На Зеленоград сворачиваем.

Тут мне мигом припомнились разные побасенки, которым я, конечно, никогда не верил — как человек разумный… но тут чую, надо рыпаться. Бултыхаться, пока не засосало и битум не застыл.

— Гм–гм! Простите, а с кем имею честь?

Майор медленно так ко мне оборачивается. Удивлен так, будто с ним мышь заговорила. Вдруг улыбается, кивает поощрительно:

— Любопытство — залог развития интеллекта.

И сует мне удостоверение. Не просто показывает — а прямо в руки дает.

Беру. Странное какое–то удостоверение. Ни черта не понять. Куча сокращений, печатей, а ничего путного не выудить… И тут я понимаю, что забирать свое удостоверение майор не спешит. Вообще как забыл про него. На меня даже не смотрит. Будто перевозит не человека, а обезьяну. Ну вот и сунул ей игрушку, чтобы занять. Чтобы не суетилась, пока в машине, не приставала с глупостями…

Машина тормозит. Приехали.

Да, их «распределительный пункт» мне сразу не понравился. Мраморная облицовка, тонированные стеклопакеты, кондики под каждым окном, колонны перед входом — и ряды, ряды, рады черных меринов с черными номерами и синими мигалками на стоянке.

Майорчик мой четырехглазый улыбается мне ласково и на крыльцо подталкивает, а у меня ноги ватные и коленки дрожат. Страшно! Черная тоска с головой накрыла. Я, вообще–то, в это время должен был уже отсылать сборку шефу, а через час меня ждал маленький праздник, с пивом и креветками. Для того и конвертик в кармане. Только в конвертике том — какая–то жалкая штука гринов, потому что целился я на расценки нашего обшарпанного призывного пункта. А тут — мерины, кондики, мрамор…

Тут у меня перед глазами запрыгало, так бы я в обморок и грохнулся, но майорчик меня под руку подхватил. Дальше тянет. Как в тумане бреду за ним. Второй этаж, по широким коридорам, стены в дубовых панелях, под ногами ковровая дорожка по навощенному паркету… Мамочка моя родная, и чего я выпендривался и в нормальный институт с кафедрой не устроился? Кодерство и матаны всякие с теорверами я и так знаю, а все остальное можно было бы с таким же успехом конвертиками досдать. В сумме дороже, чем если сразу военному комиссару конвертик, да. Но зато насколько надежнее! Доумничался, умник…

… да не помогла бы нашему Лису кафедра.

У меня кафедра была. И что? В один прекрасный день в аудиторию входит не наш привычный капитан, а молодой подполковник. Объявляет нам, что капитан снят за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, понимай: за поборы со студентов, и результаты последних зачетов недействительны. Перепроверять будет он.

Правда, началась перепроверка со странных тестов. Проглядел подполковник наши листочки, выбрал мой. Уточнил, а как у меня с компьютерными играми? Кивнул довольно, остальных отпустил с миром, мне же зачесть старый зачет

отказался. Повез на дополнительную проверку, если я не хочу отправиться в обычный военкомат и далее с последствиями… Лис продолжал:

… входим в зал. Актовый. Кафедра — огромный стол красного дерева, за ним экран из шести панелей. В зале ряды кресел зеленой кожи, перед каждым отдельная парточка, крошечная и резная, будто только из антикварного…

— Садись, — майорчик меня подтолкнул, и тут же вышел.

В зале сидят ребята, человек за полсотни.

Огляделся я еще раз… На весь это гламурный псевдоантиквариат в зале… дорогущие панели вместо доски и простыни киноэкрана… за окнами ряды меринов под синими мигалками… Конвертик еще раз в кармане пощупал — тоненький, чахленький. Ох! Здесь и десяти таких конвертиков не хватит!

Вздохнул я, снова на ребят гляжу. На этот раз внимательнее. Призывники, как я? Служить вместе будем?

Выбрал самого крупного, да и подсаживаюсь к нему. Улыбаюсь радостно. Типа, он мне сразу понравился.

А куда деваться? Пора окапываться, если отцы родные за спиной мост сожгли и отступать некуда, велика Россия, да впереди одна казарма маячит, и скоро меня дедушки на героя родины дрессировать будут…

Я боялся, как бы этот здоровяк не фыркнул — может, он уже сам приглядел, с кем сбиваться в стайку? Самых крупных и наглых… Нет, ни фига. Улыбается мне. Открыто так, с душой. Деревенский, что ли? Это они обычно на улыбки отзывчивые. Думают, в городе сладкими улыбочками и батистовыми платочками улицы мостят, а на углах бесплатный сыр раздают, ага. Мне его даже жалко стало. Вот ведь соль земли, блин! Добрый и доверчивый. И здоровяк. И морда симпатичная, хотя явно не из рязанских. И даже не татарин. Из бурят каких–нибудь.

— Леха, — я ему руку протягиваю. — Алексей Рыжов, для друзей просто Лис. Из области. А тебя как–откуда?

— Руслан, — отвечает. И по выговору ясно, что и правда откуда–то из–под Внутренней Монголии, где и по–русски–то почти не говорят. — Из Парижа.

Я чуть не поперхнулся.

— Откуда?..

— Из Парижа, — Руслан говорит и краснеет. — Остров Медный. Это Командорские острова. У нас так зовется поселок на западной оконечности. Я же не виноват?

Говорит он еще смешнее, чем мне вначале показалось. Будто английский актер, который русского не знает, но выучил в

транскрипции несколько фраз и старательно проговаривает каждый звук. Парижанин из–за Камчатки…

И вовремя я подсуетился. К моему парижанину с другого бочка еще один тип пристроиться норовит. Доходягя–доходягой, но морда острая и хитренькая такая, — ну прямо вылитый хорек.

Или я в зеркале.

И этот хорек обворожительно улыбается:

— Привет. Я Михаил, но лучше просто Миша. Все друзья так зовут.

Друзья… Тамбовский волк тебе друг! Я уже собрался отшить его, да погрубее. Пока я моего Русланчика к рукам не прибрал и закадычного дружка из него не выковал, мне конкуренты не нужны. Тем более с такими хитрыми рожами. Оглянуться не успеешь, как в сторону ототрут! Но только я рот открыл — в зале включился дополнительный свет.

Это мой майорчик вернулся. Да не один. За ним идут офицеры, сначала старшие, а потом и высшие. И главное, все очкарики. И чем крупнее звезды, тем толще линзы. Выстроились за кафедрой, нас обозревают.

— Так, — говорит очкарик с генеральскими звездами на погонах. — Все в сборе? Отлично. Приступим! — И за кобуру хватается.

Зал охнул, половина тут же растопырили руки перед собой, ладони горсточками вниз, — не то сурков на посту изображают, не то нащупывают что–то перед собой, от нетерпения оскалившись.

А у генерала не кобура, чехол палма. Пощелкал пером, снова в зал смотрит:

— Где наши шахматисты от клавиатуры?

— Да вон… — мой майорчик ему подсказывает.

— Ага… Орканоид, Даркхантер. Не вставайте, вижу. А там биатлонисты? Магнумспешл Шарк, Магнумспешл Фокс, Магнумспешл Вулф…

Что шахматисты, что биатлонисты — изнуренные жерди. В гроб краше кладут. Генерал вздохнул.

— Что ж… В общем–то, такими я вас и представлял… Так, а эти кто? — указывает на нас с парижанином.

— Контрольная группа.

— А они нам вообще нужны?

— Обязательно.

— Ладно. Ну–с, господа рилнеймовые… — Генерал на нашу троицу смотрит, и вдруг в другой конец зала. Там сидит выдающаяся парочка. Поздоровее прочих, но морды, морды… — Я так понимаю, нижний предел ка–и — это вот те?

— Так точно.

— А эти, значит, — генерал на нас кивает, — верхний предел?

— Так точно. Сто тридцать, сто тридцать пять и сто пятьдесят.

— Сто пятьдесят? — Генерал изумился. — Где это вы такого откопали?

И переводит взгляд с меня на Миху, и обратно. Сам пытается угадать.

Только я–то знаю, что у меня в лучшем случае сто тридцать пять могли насчитать, но никак не полторы сотни… Ох, надо, надо этого хорька отшить, пока он меня от Русланчика не оттер! Хотя Русланчик–то тоже, похоже, не так прост. Не столичный, но не тупой. Сто тридцать — это прилично.

Миха тоже на меня косится неласково. Видно, сообразил, что я не просто так возле парижанина оказался?

— И который из них?

— А вон тот, крупный. Руслан Белкин. С Командорских островов, поселок алеутов. Его в пограничники отправляли, в Калининград, но он по–русски совершенно не понимает, так что с удовольствием нам отдали.

— Совсем не говорит?

— По бумагам — совсем. Но мы проверяли, кое–что понимает.

Вижу, как у хорька, что по другую сторону от моего Парижанина сидит — глазенки округляются от удивления.

Как в зеркало гляжусь.

Потому что мне самому впору челюсть рукой придерживать. Синхронно к Парижанину поворачиваемся. Сто пятьдесят?..

— Что вы, ребята? — он краснеет, как девица. — Я не обманывал, честное слово. В нашем селении никто по–русски не говорит. Я до призывной комиссии по–русски только читал. Мой дед возит почту с осторова Беринга. А говорят у нас только по–алеутски…

— А телевизор? — Миха пытает. — Радио?

— Радио есть, конечно. На английском и корейском я говорю свободно, на японском чуть хуже. Понимаю по–китайски, если нужно. А больше у нас ничего не ловится. На русском только почта и старые книги. Разобраться в устной речи получилось не сразу, я только в дороге начал…

— Тихо в зале! — гаркнул генерал. — Озвучьте им.

Сам присел, майорчик поднялся. И озвучил, да. По–другому и не скажешь. Паровозики отглагольных существительных, шипящие клубки причастий, — ну, тот нерусский русский, на

котором у нас все официальные бумаги составляют, — но если напрячься, смысл выловить можно. Присягу мы прямо сейчас дадим, а далее будем строго соблюдать режим секретности. И невыездные на пять лет после окончания службы…

— Ха! — с галерки раздается. — Мы что, идиоты, такое подписывать? Пять лет без выезда… Не! Я без Багамы–мамы и Нью–Йорка–папы пять лет не могу. Несогласный я!

— Да, — его поддерживают, — а кто не подпишет?

Майор делает брови домиком.

— А разве кто–то не подпишет? — Тут он в свои листочки поглядел так, будто только что получил. Перелистал, и головой мотает, отказывая: — Врешь, не уйдешь. Тут все подписано, по всей форме… — Тут он галерку глазами обвел, и ухмыляется. — Вам, что ли, такое ответственное дело доверять? Да у вас, молодых, почерк как у курицы лапой. Да и ручек–то, поди, нет… Короче! Сейчас выходите, в коридоре строитесь, и в автобус марш–марш!

Я, в принципе, почти и не удивился. Еще раньше понял, что влип не по–детски. Уже разглядел, что у них в петлицах: золотые паутинки. Я–то думал, это только байки. А вот поди ж ты. Оказывается, и у нас есть свое No Such Agency…

На выходе уже железная рама появилась, майорчик лютует:

— Сотовые, палмы, плееры! Все сдать. Живее, живее! Родина заждалась своих героев!

***

Вывели нас, грузят в четыре автобуса.

Майорчик сел на входе, чемпионы по отстрелу виртуальной фауны ломанулись на галерку, и нашего Парижанина чуть не затянуло с общим потоком тел — но прежде чем выпускать его в общую стаю, надо чтобы он сначала к нам привык–придышался как к родным, верно? Поэтому я его из потока — цап, и вбок, на место сразу за майорчиком. Парижанина к окну, сам у прохода. Оглядываюсь, где Миха.

Миха прямо за нами, но на нас не глядит. Назад смотрит. На пятиместную галерку и задние сиденья, где биатлонисты сгрудились.

Тут и я сообразил. Автобусы–то — мерседесовские, черные и глянцевые, будто в рояльном лаке, тонированные стекла, да и внутри все гламурненько.

— Похоже, везут нас не в обычную военную часть, где

дедушки, дети гор и прочие жители нестоличных регионов?

— Угу, — Миха кивает, а сам все к биатлонистам приглядывается. — При таком раскладе нам одного Парижанина будет маловато…

Быстро он сообразил. Мне даже обидно стало. А Миха уже и выбрал:

— Вон тот? — подбородком дергает. — Вроде, поумнее прочих. Гыгыкает меньше, шутит тоньше.

Ладно, мы тоже не пальцем деланные! Кое–что умеем.

— Roger that, commander! — говорю и в проход соскакиваю. — Кстати, хороший выбор. Видал я пару раз его демки…

Плыву по проходу назад, прикидывая подходцы. Настраиваюсь. Балласт выпустить, репризы к бою…

…поэтому и пропустил самолетик, наверно. Прямо над головой Лиса прошел — и точно майору в шею. Клюнул так, что майор чуть из кресла не выскочил. Крутанулся, схватил, скомкал… да не швырнул. Расправил обратно. Вгляделся, и пошел красными пятнами. За толстыми линзами глаза плавают, как вареный яйца в аквариуме.

С галерки сдавленные смешки.

— Во! Теперь еще лучше, чем на картинке… Один в один перископ!

— Вздеть бинокля над поверхностью!

Тут уж вся галерка грянула. Майор потемнел лицом.

— Это чьи почеркушки? — листком трясет, а у самого даже голос изменился. — Кто этот дисней доморощенный? Я спросил, кто?!

Но галерка своих не выдает. Только еще больше веселья, и на разные шепотки повторяется: «Дисней! Дисней!» Все, крестил кого–то наш майор.

— Ладно, попляшете вы у меня…

А Лис уже заарканил биатлониста. От своих отбил, к нам тащит.

— Знакомьтесь! — хлопает по плечу улов. — Давайте сразу без официоза и дурацкой скромности. По факту: лучший из лучших. Так что — просто Туз.

Я не ошибся. Парень оказался нормальный. И шутки понимает, и сам к месту зубоскалит. Даже странно, как это Лис так шустро его уболтал. Дельный паренек этот Лис, надо признать. Присмотрелся я к нему внимательнее.

— Лис, Лис… Сдается мне, это вовсе не из–за Лехи с рыжиной?

— В яблочко, мессир!

Мессир? А впрочем, не возражаю. По мне размерчик.

— А почему нас везут обратно? — вдруг спросил Парижанин.

— Разве? — удивился Туз. — Мы здесь не проезжали. Нет, точно. У меня зрительная память идеальная.

— Дорога другая, но едем обратно. Вон солнце. А когда выезжали, было с той стороны.

— Уверен?

И правда, солнца–то почти и нет. Все тучами заволокло.

Но слышу, на галерке тоже кто–то возмущается:

— Да у меня тут дача рядом, я здесь все проезды знаю! Никуда мы не едем, крутимся вокруг Зеленограда!

Между кресел мордочка Лиса:

— Может, стоит его выпотрошить? — на майора кивает. — Узнать, что да как?

— Попытка, конечно, не пытка… а мозоли?

— Обижаете, Мессир! Да мы его щас в один укус!

— А не пошлет он тебя? — спросил Туз. — Сейчас обложит, и потом весь год будет наряды дарить…

— Думаешь? — Лис оглянулся на майора. — Да вроде, это ж не пехотный прапор, а майор кибервойск… Это ж ближе к ФАПСИ всяким, чем к сермяжной армии? Ему до прапоровых замашек скатываться — все равно что тебе в зоопарке сесть перед клеткой мартышек, навалить кучу, и закидать мартышек дерьмом, чтобы не дразнились… Себя не уважать.

— Да? А гаркал нехило…

— Только играет в солдафона, — сказал я. — На самом деле, белая косточка. Может, вообще бывший научник…

— Ну! — сказал Лис. — Я про что!

Опять ныряет в проход, но я его за руку прихватил.

— Подожди, Лис.

— Что?

— Пропусти вперед пехоту… пусть разминируют.

Ребята на галерке дозрели. Самый смелый уже вперед выдвигается.

— Тут у нас вопрос возник, товарищ майор!

— Приличный?

— Нас тут со всей страны собрали лучших игроков. Зачем? И куда нас везут?

— Считай, вытянули свой счастливый билет.

— Правда? — парень ухмыляется. — И поэтому у нас отобрали телефоны? Как–то не очень вяжется, товарищ майор. Нет?

— Новые дадут. С логотипом спонсора и символикой клуба.

— Спонсора?.. Клуба?.. Какого клуба?

— Нашего! Армейского! Что вы как дети, ей–богу? Вы теперь

сборная страны. Будете отстаивать честь родины на международной арене. Радоваться должны! Знаете, сколько на вас уже выделили миллионов? Тренажеры, мед–центр, коттеджи… Телефоны, компьютеры, костюмы — все выдадут, как доедем. Там же и менеджер будет, все вопросы решит, с ним и сумму контрактов обсуждать будете. Вы бы не галдели пока, а прикинули суммы, требования. Пока есть возможность спокойно посидеть и подумать. Чего зря время теряете?

Парень, прибалдев, только по–рыбьи разевал рот. Потом развернулся и, пошатываясь под тяжестью свалившегося счастья, двинулся по проходу назад.

Меня, правда, больше интересовал майор. Не оборачиваясь, в водительское зеркало он глядел в спину парню. И безнадежно качал головой.

То есть — отлуп? Причем подлый.

Мы с Лисом переглянулись.

— Не нравится мне, что он так легко сказки сочиняет, — пробормотал Лис. — Главное, теперь–то зачем сочинять? Все уже схвачено, все уже под контролем…

— Значит, по мнению майора, еще не все.

— Не все? — хмыкнул Лис. — Это как? Мы что, по его мнению, еще сбежать можем? От законной власти, из–под его конвоя? Из автобуса на полном ходу выпрыгнем?

— Вот это мне больше всего и не нравится, Лис… Что же тогда должно быть дальше? Там, куда нас везут?

Я дернул подбородком на майора. Лис соскочил в проход.

— Товарищ майор!

— Еще один? Я же сказал, все вопросы к менеджеру…

Лис, склонив к плечу голову, с укором взирал на майора. Майор насупился.

— В чем дело, рядовой?

— Во–первых, товарищ майор, это вы им можете про сборную, а мы — «контрольной группа». А во–вторых, зачем спортклубу армии подписка о неразглашении?

— А способы подготовки? Новейшие методы, сплошные спецразработки. Все секретно!

— А запрет на выезд? С кем будем играть, если с иностранцами запрещено общаться пять лет? С марсианами?

Майор прищурился. Вздохнул. Кивнул.

— Ладно. — На галерку покосился, и голос понизил. Даже склонился к Лису заговорщически. — Я вижу, ты парень умный… А? Умный? Ладно, честно скажу. Без прикрас. Только чур без истерик, лады? И этим, — назад кивает, — не рассказывай пока, чтобы не осложняли? Чтобы без ненужных выступлений. А то

начнут права качать, нервы портить и себе, и людям… Лады?

— Н–ну… — Лис тянет, нахмурившись.

— Так лады?

— Ну–у…

— Смотри! Договорились. Значит, правду хочешь? Что ж, получай всю, как есть, без прикрас: слониками будете.

— Не понял?

— Чего не понял? Слониками будете.

— Это как? — напрягся Лис.

— Ну как, как… Как обычно! От каждого по способностям, и всем по лопате. На генеральскую дачу едем. Сын у него. Хороший мальчишка растет, играть любит, а с кем? У отца государевы дела, сам понимаешь. Ну вот вы пока с ребенком и поиграете.

Лис обвел взглядом автобус, в котором двадцать душ. А за нашим еще три таких же катят.

— Все?

— Что значит — все? Вас здесь на роту не наберется! Мальчишка на сетевуху какую–то подсел. Свой клан ему нужен.

— А… — Лис потер лоб. — Но…

— Что?

— Ну–у… А жить мы все где будем?

— О, там такая дача! — майорчик даже глаза закатил. И вдруг нахмурился. Взглянул на Лиса с подозрением: — Да ты меня разыгрываешь никак, паря? А? Не знает, что такое генеральская дача! Да не ври. Не бывает таких умственных целок в наше время. Не верю! Все, рядовой, свободен. Кру–угом!

Смурной Лис вернулся обратно.

— Да чего вы? — шепнул Туз. — Бросьте. Ну дача, и дача… Не сборная, конечно, но тоже неплохо. Лучше, чем обычная часть.

— Да что–то меня гложут смутные сомнения, что дача… — пробормотал Лис. — Мессир?

Через зеркало водителя я пытался угадать что–нибудь по лицу майора — но на этот раз из зеркала на меня внимательно глядели майорские глаза.

— А вон там — колючая проволока? — спросил Батый.

— Где?

— Да вон, за тем кустом было…

— Так, солдаты! — вдруг рявкнуло по автобусу.

Майор поднялся и выпрямился, не вылезая в проход — и оттого казался великаном.

— А ну все, тихо! Эй вы там, на галерке! Ну–ка тоже все цыц, я сказал! Слушать сюда! Вот! — показывает стопку листов. — Анкеты важные, заполнять без ошибок!

— А чем? Ручек нет.

— Р–разговорчики! — рыкнул майор. — Тут вам армия, а не детский сад! Задницу подтирать никто не будет, сами крутитесь! Либо заполняете, либо пеняйте на себя!

Кричит, бушует. Как подменили нашего майорчика.

Анкеты странные. Все про компьютерные игры. Когда начал играть, во что, сколько, какие любимые, пользовался ли пиратскими дисками…

Смотрю, у Лиса вдруг губы задрожали.

— Что?

— Опять эти гребаные пиратки…

— Опять? — не понял Туз.

— У меня брат из–за них чуть не сдох.

— Это как? — спросил Туз. — Из–за лажового полимера? В приводе нагрелся, и парами чуть не отравил?

— Да нет… Он со своим приятелем решил сам этим заняться.

— Ого! Начал пиратки штамповать?

— Не начал… Не успел. На него так наехали, что вместе с желанием штамповать пиратки чуть почки не отбили.

— По поводу?

— Убедили, что не стоит абы кому пиратками заниматься.

— Ну и что тут такого? Дело–то житейское. Кто что охраняет, тот то и имеет. И никому не охота отдавать свой кусок хлеба за здорово живешь.

— Да нет! Ты не понял! В том–то и дело, что не в куске хлеба речь!

— А в чем тогда?

— Ну, понимаешь… Приятель брата решил заняться дисками так, для догруза. Параллельно с прочим. Так–то он контрабасил снедью и шмотками, и неплохо. Ходы–выходы знал, с ребятами из службы внутренней безопасности в бане парился, и вообще в красных понятиях сечет… И когда штамповалку провозил через таможню, все было на мази… И тут — полный кирпич. На таможню, где он всех знает, вдруг налетают, ни с того ни с сего. И не родные из внутренней безопасности, а красные корочки из самой Москвы. И накатывают они странно. Не с общей проверкой, а сразу за репликатор хватаются. Будто только ради него и ехали. Будто ждали его…

— И большой бакшиш требуют?

— Да ты не понимаешь! Никакой мзды они не просят. Отбирают репликатор, и сразу начинают отбивать почки: один вез? А когда второй термопластавтомат собирался переправлять? А кто надоумил? Ты зачем врешь, сука, а ну отвесь–ка ему еще по почкам, чтоб в мозгах прояснилось!.. Еще и накачали чем–то. Приятель потом три дня с духами предков общался, в реанимации

под капельницей…. И брата сильно задело. Оба чуть живы остались. И все из–за каких–то гребаных пираток! Понимаешь? Из–за каких дурацких дисков! Совершенно несоразмерно наехали.

— Это они для понтов. С толку сбить. А сами… Фуры–то со шмотками ведь увели?

— Да на фуры с остальным товаром они даже не посмотрели! Я же говорю, о деньгах вообще не заикались. Никто и никак. Это–то брата и добило. Они с приятелем потом год ходили, как дерганые. На кошек оглядывались, от шагов на лестнице подпрыгивали. А каждый вечер садились с бумажкой и карандашиком, и пытались понять схему, в которую угодили, кому и как дорогу перешли…

За окнами на нас наплыл еще один забор из колючки.

Приехали. Впереди пропускной пункт. За первой колючкой полоса земли, с собачьими следами, и еще одна колючка.

— На выход!

Ребята с галерки первыми на выход ломанулись. Крутят головами, высматривают огромные спутниковые антенны, шикарные коттеджи и прочие закрома родины.

Но вокруг — чахлый подмосковный лесочек, небо посерело, мерзко моросит, ветер доносит резкий собачий лай.

— А где…

— Разговорчики! Построиться по двое. Вперед, рысью, марш!

Через пункт. Дорога идет вперед — но нас в сторону. По тропинке. По кочкам. Переходя в болотце…

— А куда нас…

— Тихо там! Жабрами не шлепать, подковами звени веселей! Рысью, я сказал, не трусцой! Быстрее, пока тучи не разошлись!

Чемпионы приуныли. Не привыкли ножками, с непривычки выдохлись. Мышкой на экране все куда быстрее и проще получается, и в груди так не жжет…

— Да сколько можно?!

— Далеко еще?

— Куда нас тащат?!

Лес совсем пропал, слева и справа болото, какая–то жалкая хибарка…

— Стоять! Нале–во! К зданию шагом марш!

Первые трое нерешительно двинулись, четвертый поглядел на «здание», оглянулся на майора:

— Сколько? Мне тоже?

— А остальным куда? — из середины колонны бурчат.

— Колонна! Все! Для особо одаренных: все, каждый из вас! К зданию. Шагом. Марш!

— Всем?..

— Но там же…

Избушке на вид лет шестьдесят, все бревна серые и трухлявые. А за избушкой — только заросли молодых березок с черной рябиной.

— Да–а–а… И здесь — нам всем — полтора года сидеть?

— Сидеть? Хорошо, если просто всем встать получится.

— Прощай душ, свежая одежа и трехразовое питание… А!

Это остряку в ухо прилетело. За его спиной солдат в полевой форме и с автоматом, как из–под земли вырос.

— Еще? — шипит. — Тогда пошел! Не скапливаться на входе! Все войдете…

Откуда ни возьмись, вокруг нас еще солдат десять в полевой форме, все при оружии. Гонят к избушке, как телят на забой. Крыльцо ушло в землю, почти как колодец провалилось. И пока все втиснутся, первых как раз в угол зажмет и по стеночке размажет…

— Быстрее, быстрее!

Только внутри никаких гнилых бревен нет. Пол бетонный, и бетонные же опоры, на них блестящий стальной каркас. А уж на нем, как аппликация, гнилые стены и крыша. Посередине в полу — провал со ступенями.

— Чего замерли? — от опоры отлип еще один солдат. — Вниз! Рысью!

По ступеням вниз.

Оранжевый тусклый свет. Пыльные плафоны забраны решеткой, потолок такой низкий, что пригибаться приходится. А ступени поворачивают в сторону — в небольшой зал. Пронзительный скрип железа. Дверь вроде подвальной, еще один солдат в камуфляже.

— Быстрее, быстрее!

За дверью узкий коридор, длинный, шагов пятьдесят, не меньше, и снова ступени. Вниз. Виток раз, виток два, еще, еще, глубже, глубже, глубже…

И вдруг по глазам — яркий свет, а каждый следующий шаг — как рассыпавшаяся по паркету дробь. Эхо прыгает со всех сторон.

— Господи, что это…

Зал просто огромный. Мощные опоры идут метров на пятнадцать вверх. Ширину зала сразу не оценить, глазомер дает сбой. Только где–то далеко, по краям зала, в стенах виднеются еще выходы. Справа, слева, впереди несколько…

— Получается, — пробормотало у меня над ухом, — тут в лесочках еще полно таких развалюх?

Это Лис. Туз с Парижанином тоже тут. А из коридора выплескиваются все новые ребята. Все четыре автобуса здесь, но в

этом огромном зале — жалкая горсточка.

— Все? — майор нас оглядывает, как цыплят на рынке. — Построились по трое и за мной!

Повел к стене, где никаких проходов, только сплошной… нет, не бетон. Сталь.

Пол вздрогнул, стальная стена треснула. Затем появилось гудение… нет, не ушами: внутри, в груди все дрожит, вот–вот оборвется. Наконец стихло. Из стены выдвинулся круглый кусок, с огромными зубцами на краях. Шестеренка для заката солнца вручную… Покатился в сторону, лязгая как якорная цепь атомохода.

— Сколько же в ней в толщину–то, — прошептал Туз. — Круче чем во втором Фолле…

— Я сказал, вперед!

Но впереди — в проходе — тьма непроглядная…

Еще один солдат в камуфляже. Включил фонарь и первым шагнул в темноту. Майор хлопал по плечам ребят, подгоняя:

— Не растягиваться! Шаг влево, шаг вправо — и одной легендой о бродячем призывнике больше! Искать вас никто не будет!

Да никто и не рвется проверять… Фонарик уже далеко впереди, едва виднеется. Вокруг сплошная темнота — и провалы, которые еще темнее. И дробное эхо наших шагов. Бетонные коридоры. Целый лабиринт… А пол ощутимо идет под уклон, нас ведут вглубь, на уровень ниже, еще ниже…

***

Кажется, целую вечность шли. И вдруг вывалились в освещенный коридор. По бокам двери.

— Как идти в столовую — здесь! — майор ткнул в план на стене. — Получить форму, выбрать каюту, заселиться! Сорок минут на выполнение!

«Каюты» внутри двухкомнатные. На удивление цивильные. Кровати большие и хорошие. Тумбочек нет, но есть один огромный шкаф на всех. Это в первой комнате.

В другой стоят четыре кресла — подозрительно барские для этих голых бетонных стен. Эргономичные: не только спинка настраивается, но и подлокотниками и подголовники. Затянуты черным кожзамом — а может, и настоящей кожей.

Только стоят эти кресла странно: спинками к центру комнаты, и иначе их никак не развернуть, основания привинчены

к полу. А в стенах, напротив, стальные дверцы, как для выдачи обедов.

— Открываются, — Лис уже пробует. — Оп–па…

Да, есть чему глазами похлопать. Роль–ставни укатываются куда–то вверх, и в каждом окошечке — монитор в метр. Клавиатура. Мышка. Беспроводная, но массивная, тяжелая, в руках держать приятно, и кнопки — тоже большие, из специальной нескользящей резины. Машинки для настоящих игроков.

— Мы тут служить будем, или играть?

— Спать… — задумчиво пробормотал Туз.

Это он вскрыл запечатанный пакет с формой. Снаружи на черном пакете только бирка с размером — а внутри…

— Это что, пижама?

Рубашка цветастая до ряби в глазах, как гавайка. Да и сделана как гавайка, только с длинным рукавов. Штаны под стать. Свободные, легкие и такие же цветастые.

В остальных пакетах оказались тоже гавайские костюмы, только иных расцветок. Вместо пальм — фламинго, ракушки, рыбки и закат. И у всех в левых рукавах, вроде часов, вшито по крошечному… пэйджер, не пейджер? Крошечный экран, под ним две кнопки, со стрелками вперед и назад. Только нажимай, не нажимай — глухо.

— Электронные dog tag'и? Если потеряемся или что–то случится, вся королевская конница бросится нас спасать?

— Нас сюда что, развлекаться привезли?

— Что родина прикажет! — майор уже тут как тут, проходится по нашей каюте. Оглядывает нас четверых, а потом в коридор: — Цаплин! Иди сюда!

На цыпочках, ссутулившись, входит затравленный крысеныш.

— О, нет… — простонал Лис.

— Не нет, а так точно, солдат! А то ишь, хорошо устроились… Соль земли… А отруби? Вот вам подшефный.

Майор вышел, подшефный с ужасом глядел на нас. Медленно пятясь в угол. Подальше от Парижанина.

— Да не дрожи ты, — сказал Туз. — Никто тебя бить не будет… Ц–цаплин.

Цаплин шумно сглотнул, оглянулся на дверь и прошептал:

— А это правда, что нас будут сращивать с железяками?

— Чего?

— Брать наш мозг, и совать вместо процессоров в боевых роботов…

— Роботов?.. Каких еще роботов?

— Огромных… Человекоподобных…

Мы с Лисом переглянулись.

— Нахрена? — спросил Лис.

— Границу охранять…

— Ну вообще–то, — заметил Лис, — один такой робот, да еще срощенный с мозгом, — это нужны технологии подороже, чем вся Сибирь с хребтом Ломоносова в придачу.

— Да не здесь границу, на луне… Охранять нашу зону влияния. И воевать…

— На луне?.. Воевать?.. С кем?!

— Ну с такими же роботами, только пиндосскими…

— Да ради чего?!

— Ну как же… А залежи гелия–три?..

— Да этот гелий–три!..

— Подожди, Лис, — вклинился я. — Про роботов, это вам в автобусе рассказали, пока сюда везли?

— Да. Капитан. Когда мы заметили колючку, и…

— Ц–цаплин… — процедил Лис, с презрением разглядывая подшефного. — Вот что, Пацак. Правила в нашей комнате такие: продуктами умственного несварения воздух не отравлять. Это ясно?

— Чего?..

— Вслух не спамить! Так понял?

— Да… А в роботов нас…

— Правда, правда! — процедил Лис сквозь зубы. — Все правда! Кто же еще будет защищать родину, если не огромные роботы, генномодифицированные хомячки и клоуны вроде тебя?

— Так это…

— Кончай трындеть, я сказал, пока в ухо не дал!

— А–атставить! — из коридора майор заглядывает. — Это что еще за дедовщина? Я сказал, беречь, холить и лелеять. А ну шустро в коридор на построение. Объясняю задачу!

***

Объяснил — и понеслась…

Поначалу мы даже не поверили, что родине от нас так мало понадобилось. В коридор выглянешь, и на лице у каждого написано: это все классно, но не пойму, в чем прикол?

Это тут что? Вроде пансионата, что ли? Как сыр в масле катайся? Играй, не хочу?

Шутеры такие, шутеры сякие… Четыре часа утром, перерыв на обед, и еще четыре часа. Полдник, сорок минут на сиесту, и

еще три часа игры… Один день в другой перешел, обеды–ужины сливаются, игра, завтрак, игра, игра, игра… Сетевая в одиночку, сетевая командная. Матчи на вынос, на счет, на удержание флагов…

Дни сливаются. Если бы Лис не догадался черточки на стене ставить, то и со счета дней сбились бы.

До того дошло, что мы уже начали сомневаться — не лучше была бы нормальная служба? С покраской травы, подметанием двориков и хождением на стрельбище раз в три месяца. От игр — уже никакого ощущения дуракаваляния и халявы. Только усталость и раздражение. Натурально тошнит.

И злость, особенно первые дни. Мы постоянно проигрывали. В других каютах собрались прогеймеры — а у нас что? Контрольная группа, одно слово. Я с Лисом еще туда–сюда. Пацак — ну он и есть Пацак. А Парижанин вообще мышку взял в руки первый раз в жизни. Туз, конечно, старался, но много ли он один может? Стал нехорошо коситься на Лиса. Если бы не Лис, Туз бы сейчас был как все остальные профи. Сбился в стайку с такими же мастерами по массовому покосу монстров. Может быть, в сильнейшей команде сидел бы.

Но главное — мысли. Разные мысли. Про сыр в масле. И про сыр бесплатный. И про то, где такой сыр бывает…

Вечером, уже после отбоя, когда свет в каюте погас, но сон еще не сморил, в темноте раздается голос Туза:

— А кто–нибудь помнит, что именно мы подписывали?

— Ой, а когда? — тут же Пацак. — Я ничего не подписывал!

— Да не реально подписывали, тормоз! Якобы. Ну, что нам зачитывали с бумажки? Еще на том свете?

— Про пять лет без права переписки?

— Нет, вот про это я и сам помню. А почему? Что мы тут вообще делаем–то? Как это там формулировалось?

— Не помню…

— Да–а–а… — Лис из угла скептически тянет. — Картина маслом: приплыли.

— Лис, кончай выпендриваться! Помнишь — скажи, а не знаешь — не трынди!

— А с чего вопрос–то возник?

— Да мне кажется… — Туз замялся. — Ну, что–то здесь не так…

— Что?

— Да все не так, как майор говорит!

— Да–а–а… — Лис тянет. Потом говорит, как ярлычок на консерве зачитывает: — Муму!

— В смысле?

— В смысле вечер, река, лодка. Герасим пускает скупую слезу, но гребет на середину. Муму внимательно глядит на Герасима. Смотрела, смотрела, смотрела, а потом вдруг и говорит: сдается мне, Герасим, чего–то ты не договариваешь…

— Да достал, Лис! Я же по делу спрашиваю!

— А я по делу и отвечаю.

— Да?! Ну и к чему это было?!

— К тому, — я влезаю, пока они всерьез не перегрызлись, — что можно было и раньше сообразить, что дело нечисто. Чтобы играть в игры, бункер не нужен. Очевидно, он нужен для другого.

— Очевидно… — передразнил Туз. — Ну и для чего?

— Чтобы изолировать нас на тот случай, если что–то нехорошее выйдет, дубина! — Лис опять звереет от чужой тупости.

— А что может выйти? — Пацак спрашивает.

Но молчание ему ответом. Мы и так каждый об этом думаем.

— Да ладно тебе, Лис, — наконец прошептал Пацак. — Ты ведь пошутил? Ну правда же, пошутил? С нами ведь ничего не случится? Это ведь просто случайность, что нас сюда привезли? Просто совпадение? Могли бы и в другое место, просто здесь им удобнее. Правда?.. Мессир!

— Не совпадение, — сказал я. — Что–то случится. По крайней мере, кто–то ждет, что что–то произойдет. Потому и готовится…

Туз нервно заворочался.

— Из чего сие следует, Мессир? Какие ваши доказательства?

— Кровати.

— И что?

— А то, дубина, — опять завелся Лис, — что их пять!

— Ну, пять! И что?!

Опять мне влезать надо, но Парижанин меня опередил:

— Каюты рассчитаны на четыре койки, — сказал он очень спокойно. — Кают в этом бункере огромное множество, нас без труда могли расселить по четыре человека. И еще тысячу таких же партий. И все же зачем–то нас расселили по пять, втиснув по лишней койке.

— И очень неудачно, — подтвердил Пацак. — Моя койка хуже ваших…

— Ну и зачем? — потребовал Туз.

— Затем же, — сказал Лис, — зачем нужны нечетные числа. Чтобы не было ничьей. Чтобы решение было принято обязательно…

— Не проще тогда было одну вынести? Чем три хуже пяти?

— Возможно, — мягко заметил Батый, — необходима

достаточная свобода в принятии решения… Если три человека, и мнения разделились, то один обязательно окажется в одиночестве. Если пятеро, то мнения могут разделиться так, что никто не останется в меньшинстве…

— Парижанин! — взмолился Пацак. — Хватит этих алеутских заклинаний! Ты когда начинаешь так говорить, я перестаю понимать родные слова!

— Ну, допустим… — неохотно признал Туз. — Но что из этого следует? Что мы тут должны будем решить? Что от нас, в этой каютке, может зависеть? Настолько важное, что нас даже заперли в этом гребаном бункере на черт знает какой глубине? Будто мы опаснее ядерного взрыва?

— Не прошло и трех лет… — пробормотал Лис. — С другой стороны, лучше поздно, чем никогда. Хотя бы теперь до тебя доперло…

— Это верный вопрос номер один, — сказал я. — Но есть еще и второй: при чем тут игры?

А утром пропал первый человек.

***

— Пошел поссать и не вернулся, — шептались в столовой.

— А ну жабрами не шлепать! — покрикивал Перископ. — Вылизали тарелки, и по каютам!

Только дело было не в походе в уборную. Мы все это знали. Туалет здесь ни при чем. Туалеты и душевые — они совсем близко…

Далеко — это если идти по указкам догтэга.

Загружают в столовой. Перископ проходит вдоль столов, и у некоторых догтэги вдруг тренькают. И опять умирают. А потом, после обеда или после полдника, экран вдруг загорается, на нем таймер. Как дойдет до нуля, пора. Всем в разное время. И в разные места…

Первые уходили — веселые. Как–никак, какое–то разнообразие. А приходили — как мешком по голове трахнутые. На расспросы невнятно мычали и отмахивались: сходишь — сам узнаешь…

— Они что, темноты боится? — хмыкнул Туз.

И я даже посмеялся… Пока сам не пошел в первый раз.

Каюты, в которых нас расселили, столовая, санузел — это все рядышком. Один длинный коридор. Если это можно назвать коридором. На самом деле это вихляющая змейка, из–за чего дальше чем метров на десть не видно — выступы закрывают. Но

здесь, по крайней мере, светло. Здесь все ярко освещено. А с обеих концов — провалы в темноту…

И тебе надо идти туда.

Одному.

Первые шаги, пока только вышел из комнаты, и идешь по ярко освещенному коридору, и будешь по нему идти еще шагов пятьдесят, пока не пройдешь мимо входа в столовую… да только дети боятся темноты! Подумаешь, по коридорам пройтись! Тоже мне, приключение!

Но светлый коридор кончается. Последняя лампа остается за углом, и дальше только тусклые отблески. Шагов через двадцать, когда коридор делает загогулину, уже едва светло, а дальше все темнее, темнее, уже ничего не видно. Пропадают последние отсветы…

Идешь уже почти на ощупь…

КРАК!!!

Подпрыгиваешь, как от шлепка по спине.

Этот звук ждешь, и все равно бьет по нервам, как выстрел. Это сработало реле. Впереди вспыхнула маленькая оранжевая лампочка, не больше чем от ручного фонарика. Света от нее едва–едва. Но что–то видно. Проходишь под ней, обходишь выступ коридора — и где–то за спиной, с тихим члу–у–у–у… свет затухает.

Но прежде, чем он пропадет совсем, впереди — КРАК! Загорелся новый оранжевый светлячок, чтобы погаснуть через двадцать шагов. Члу–у–у–у… И снова КРАК! впереди. Будто это один и тот же оранжевый светлячок телепортируется, скачками сопровождая тебя. Не давая тьме сомкнуться совсем.

Теперь куда ни посмотришь — либо оранжевый отблеск на стенах, либо провалы в полную темноту. Это ответвления коридора. Целый лабиринт коридоров. Никакой четкой структуры вроде ячеек нет. Некоторые ответвления отходят не под прямым углом, а под наклоном. А бывают и пандусы, вверх или вниз. Или сам коридору вдруг начинает плавно закругляться…

И это все растворяется в темноте…

Только оранжевый светлячок, скачущий наперегонки с тобой. В его свете над ответвлениями можно рассмотреть указатель: альфа–775–168…

Это именно то, что на экране моего догтэга. Сворачиваю. И тыкаю в кнопку догтэга, чтобы узнать, какой указатель нужен мне теперь. Иду дальше, вглядываясь в указатели на стенах. За спиной умирает старый светляк: члу–у–у… КРАК! Члу–у–у… КРАК!

Пол бетонный, шаги гулко отдаются, улетают до поворота, прилетают, отраженные, перепутанные… или это кто–то крадется

сзади? Хочется обернуться.

Я знаю, что там никого. И все равно невозможно удержаться, чтобы не повернуться…

Но если остановиться — тишина становится оглушительной. В ушах начинает звенеть, так тихо вокруг. И только где–то далеко–далеко, едва слышно: крак… члу–у… крак… члу–у… Кто–то еще идет по этому лабиринту своей дорогой. Если напрячься, иногда можно расслышать и шаги. Пока все не затихает вдали…

Самое паршивое, когда щелчков реле нет, а шаги есть.

Чужие шаги. Очень далеко. Едва слышно… — сначала. Затем они становятся ближе. Еще ближе…

Теперь шаги медленнее… Они явно ближе, но не громче… Крадутся?..

Тусклый светлячок вдруг кажется ослепительным софитом. А ты сам — на сцене. Вокруг провалы черных коридоров. В них ни огонька, ни отсвета от другой лампы… Оттуда не доносится ни одного щелчка реле… И только шаги — шарк, шарк, шарк…

Почему реле, которые так точно отслеживают мое перемещение, и зажигают светляков, — почему эти реле не срабатывают на те шаги?

Стоишь неподвижно, затаив дыхание.

Отползая потихоньку прочь от лампы… Прочь с этой освещенной сцены… До жути хочется, чтобы свет погас. Чтобы не выставлял тебя напоказ, пока те шаги… они все ближе и ближе…

Уже почти выбрался из этого предательского света в тень — и вдруг светлячок гаснет с усталым чл–у–у — и тут же оглушительный КРАК! прямо над головой. Светляк прыгнул. Снова залил оранжевым светом.

На что срабатывает реле? На звук? Или на тепловое излучение тела? Или на движение воздуха от дыхания? Или на изменение объема? Давление на пол?

На что бы оно ни срабатывало, тебе его не обмануть, как ни пытайся. Как ни крадись, как ни сдерживай дыхание…

А те шаги обманывают. И они ближе.

Почему в лабиринте переходов, где нет регулярной структуры, и даже номера на переходах идут не по порядку, и без маршрута на догтэге мгновенно запутаешься — те шаги так легко находят путь без всякого света?..

А тебе от света не спрятаться. Никак. Стоишь ли ты неподвижно, или пытаешься забиться в темноту, — светлячок всегда догонит тебя. Прыгает за тобой, что ты ни делай. Ты всегда будешь на свету.

И тот, кто там шагает… Если он заметил этот свет… Если пойдет на отблески, то придет сюда. Увидит тебя. Не выходя из

темноты, он будет видеть тебя…

А если он не один? Если эти шаги — лишь чтобы отвлечь? А на самом деле их много. Просто остальные крадутся совершенно бесшумно… Их много, со всех сторон…

Можно лишь сбежать. И все равно, пока добежишь до комнаты психолога, психом станешь.

А у психолога — избавление? Как же!

***

Лампа нацелена в лицо, свет режет глаза, ничего не видно. Только голос:

— В какой вариант вы играли? Звук был родной, кустарный перевод или полная локализация?

— Перевод.

— Раньше вы говорили: «перевод, кажется».

— Я столько раз говорил про этот перевод, что мне уже не кажется! Я уже сам верю, что это был перевод, даже если на самом деле звука вообще не было!

— На два тона ниже. И впредь потрудитесь выражаться предельно четко. Это ясно? Не слышу ответа.

— Ясно!

— Хорошо… Не отводить лицо от света! Диск был родной, лицензионный или пиратская копия?

— Пиратка… «Пиратка, само собой», как я отвечал раньше!

— Разговорчики. Постарайтесь вспомнить до мелочей, как был оформлен диск. Начните с описания вкладышей. Что было на лицевой стороне?

Мне хочется выть, рычать и рвать зубами, причем одновременно! Я же ему уже тысячу раз говорил, как выглядел диск! И тот конкретный, и вообще все диски! К каждой игре, в какую я когда–либо играл или просто брал в руки подержать! Бесконечные часы, под этой нестерпимой лампой, свет режет мои глаза, буравит виски, выедает мозг…

— Не отвлекаться! Глаз не закрывать! Начинайте описывать. Подробно и четко, важна каждая мелочь.

А потом — опять в лабиринт коридоров. Если хочешь вернуться…

***

Пропал — Дисней.

— Не стоило ему на Перископа шаржики писать…

— А вертухаи чего говорят? Куда они Диснея дели?

— Да Перископ говорит, будто перевели его… В другую часть, типа… Типа, сам попросился…

— Типа?

— Ну! В одних трусах его перевели, что ли? Штаны, куртка… Все так и осталось в каюте. Как ушел вечером к психологу, так и с концами. Даже свой карандаш оставил…

— Тот механический, навороченный?

— Да… И карандаш, и блокнот, где рисовал. Все осталось…

— Да ладно! Он за свой карандаш отгрыз бы пальцы любому, кто случайно дотронется! Никому не давал, и сам на него дышать боялся!

— Можешь у Бюрга спросить, если мне не веришь. У него Диснеевский карандаш. Даже потрогать можешь и порисовать… если не боишься, что потом тоже… как Дисней.

Вся столовая приглушенно гудела. Вместо привычного ржания и позерских криков народ перешел на шепот. Но зато уж шептались — даже последние молчуны.

А вот наш самый говорливый говорун…

— Ты чего, Лис? — шепнул Туз.

Но Лис только дернул головой, чтобы отстали, и глядел в тарелку. Мучает овсянку. Ни словечка за все утро.

— Правда, Лис, — сказал я. — В чем дело?

— Да понимаешь… Я тут выклянчил у Бюрга Диснеевский блокнотик…

— На фига? — спросил Туз. — Рисовать, что ли, собрался?

Рисунков–то там все равно нет. Все рисунки Диснея в блокноте не задерживались, быстро по рукам расходились, пока не рвались и не зажиливались где–нибудь. Хорошо рисовал. Реально хорошо.

— Ну там остались два последних… Которые он после похода к психологу нарисовал…

— Это как? Он разве не у психолога…

— Нет! — раздраженно оборвал Лис. — На самом деле, от психолога он пришел. Разделся, прихватил блокнотик свой и пошел на толчке посидеть перед сном.

— А блокнот ему зачем?

— А читают люди зачем?! — Лис тихо зверел. — Бюрг говорит, он всегда так делал. Вроде как очищал от шлаков сразу обе системы. И пищеварительную, и мыслебродильную.

— И что?

— Да ничего… Они уже привыкли, что он в уборную ходит как в арт–студию, практически с ночевкой. Сначала не беспокоились даже…

— Сначала?

— Ну, час… Потом второй проходит… Им уже реально интересно стало, не заснул ли он там, прямо на толчке. Ну и решили ему какую–то подлянку устроить…

Лис замолк.

— Ну давай, Лис! Не тяни кота за яйца!

— Ну чего? Крадутся они в туалет… Обувь сняли, на носочках семенят, входную дверь прикрывают тихонько… Ползут почти на корячках, чтобы заглянуть под двери отделений: где Диснеевские ноги? По какой двери пинать с воплями?

— Ну? И где?

— А нету ног. Вообще ничего нету. Только на полу, под раковинами, его растрепанный блокнотик и карандаш…

— А рисунки? — спросил я. — Ты сказал, два последних рисунка осталось?

— А рисунки странные…

— Ну у него вообще странные рисуночки бывали, — Туз пожал плечами.

Лис поморщился. Будто хотел бы объяснить, да не получается.

— Они даже для Диснея странные. Один… — Лис сморщился еще сильнее. — Он даже для Диснея слишком заумный. А второй… второй тупой, как пробка. Будто и не Дисней его рисовал. Но…

— А кто тогда?

— Покажи, — попросил я.

— Только осторожно, — Лис покосился на соседний стол. — А то налетят, привяжутся, а потом занякает кто–нибудь…

— А они тебе важны как память?

— Они меня бесят, как зубная боль! С одним я разобрался, а вот второй… Чувствую, что что–то там не то. А что, понять не могу! И как я это пойму, если какая–нибудь сука занякает рисунки?

— Ладно, показывай.

Рисунок в самом деле странный. Улица. Обычная, вроде бы. Витрина какого–то магазина, люди идут под зонтами… Все, вроде бы, обычное — а только что–то напрягает. Дурацкое ощущение, будто кто–то в спину глядит, и хочется оглянуться. Только тут — куда оглядываться?

Только через минуту понимаешь, в чем дело. В мокрой витрине — вроде бы размытые отражения людей, идущих по

улице, да не совсем. Пешеходы боком, а отражения — почти смотрят на улицу. И позы чуть другие… И даже не совсем люди, кажется… И внимательно, пристально наблюдают за улицей. А их никто не замечает.

— А второй? — спросил Туз.

— Вот.

— Да, будто и не Дисней… И рисуночек, и оформление… Он так густо никогда не штриховал… Он обычно только линиями набрасывал, а тут…

— Но рука–то явно его… И еще… Чувствуете?

На этом листке все очень просто. Лицо во весь листок. Буш–младший анфас. Густой штриховкой, какой прежде ни на одном рисунке Диснея не было.

— Странно… — поежился Пацак. — Вот смотрите. Он ведь почти улыбается, да? А у меня почему–то мороз по коже… Будто на кладбище ночью идешь, а у тропинки разрытая могила…

Если честно, то у меня этот рисунок тоже ничего хорошего не вызывает. Тоже какое–то странное чувство, будто гуляешь по лесу, но подозреваешь, что где–то на тропинке стоит капкан.

— Не нравится мне это все… — пробормотал Лис. — И чем дальше, тем сильнее не нравится!

Он вдруг вскочил, с грохотом отодвинув стул, и смотрел куда–то сквозь меня, глаза дикие…

Нет, еще не слетел с катушек. Это Перископ в столовой появился. Идет по рядам, своим палмом помахивает, сбрасывает на догтэбы маршруты на сегодняшний день. Они каждый раз новые почему–то.

Лис к нему. Решительно, как эсминец на торчащий из воды перископ. И пожалуй, правильно рыжий рассудил. Пора уже майора распотрошить.

Туз с Пацаком еще тормозят, я нашему великану киваю — пошли–ка прикроем Лиса. Возьмем так ненавязчиво майора в коробочку, чтобы быстро не убежал, пока Лис его пытать будет.

И вовремя. На лице у Перископа уже кислая гримаса.

— Куда делся, говоришь… — тянет, а сам глазами по сторонам шарит, как бы половчее отвязаться от Лиса.

— Да, — Лис не отстает. — Куда?

— Умный ты, гляжу, парень… Отговорки про то, что перевели, тебя не устроят, конечно?

— Конечно.

Вздыхает майор тяжело. Оглядывается по сторонам. На меня недовольно глянул, я ему проход перекрыл. Теперь ему либо рявкать, как последнему солдафону, чтобы проход освободили, либо объясняться. Вдруг махнул рукой:

— А, ладно! В конце концов, через пару дней вы бы все равно узнали все сами? Чего уж теперь…

— А конкретнее? — Туз давит.

— Ну тише, тише… — Перископ на соседние столы оглядывается. — Не все здесь умные, не все всё правильно понимают…

— Вы в конце концов объясните, зачем нас держат в этом бункере?

— Бункере?.. Хм, ну называй бункером, если хочешь… А где еще вас держать? Эксперимент–то здесь был…

— Какой эксперимент?

— Да пытались тут одни умельцы делать асимметричный ответ из того, что есть… Мы должны делать добро из зла, потому что больше не из чего… Читал?

— Читал. А конкретнее?

— Конкретнее… Да просто, как все гениальное. Берется солдат покрепче, вставляется ему в голову чип, биологически сращивается с подкорковыми отделами. С гипоталамусом там, с мозжечком. Чтобы эффективнее управлять соматическими и моторными реакциями. Улучшается скорость в бою, уменьшается кровопотеря при ранении, на короткое время можно в разы увеличить мускульную силу… Идеальный солдат, в общем… Хотя кто–то может сказать, что и не солдат уже, а зомби. Они же должны оставаться на ходу, даже когда почти мертвы, если судить по стандартным медицинским критериям. Да они и будут мертвы, если отключить чип… Ну кто мог подумать заранее, что сбой при попытке ускорить метаболизм вызовет у некоторых зверский голод и неконтролируемую агрессию?.. Все вышло из–под контроля, все, все… Хорошо хоть, здесь проводили. На свободу им отсюда не вырваться. Правда, и перебить пока всех не удается… Самые умные затаились где–то на неиспользуемых уровнях, лишь изредка наведываются в жилые. Утащат кого–нибудь, и снова затаятся… Для чего, думаешь, вас дрессируют? Сейчас натренируетесь в тактике и командных действиях, получите винторезы, и айда чистить нижние уровни… Там своего Диснея и найдете, если от него что–то осталось еще… Вас уже водили на наше спец–стрельбище?

— Нет… — очумело пробормотал Лис.

— Не води–или?.. — У Перископа глаза стали больше очков. — Ни разу?..

Лис медленно помотал головой.

Майор аж по–индюшачьи шеей дернул. Брови задрал.

— Что, и винторезы еще не выдали? Сборка–разборка, принцип действия?.. Нет?.. Ничего себе! Вот раздолбаи! Ну

подожди, я сейчас схожу, узнаю, в чем дело, — взяв Лиса за плечо, он отстранил его с прохода и почти бросился к выходу. — Ну я им сейчас навставляю фитилей!

Лис только очумело глядел ему вслед. Потом нахмурился и закусил губу:

— О, черт…

— Сдается мне, джентльмены, — заметил наш великан, — здесь нужен другой подход…

Лис тут же окрысился:

— Может, ты знаешь, какой?

— Может, и знаю…

Прищурился Лис, но смолчал.

Потому что наш великан, может, и в самом деле знает, какой подход к майору нужен… Ко многим уже нашел.

***

Первые дни нашу каюту выносили сразу. В других–то каютах — по пять прогеймеров набилось. В некоторых вообще сыгранные команды. Звери!

А у нас? Только Туз и спасал. Но он один. Зато потом…

Конечно, мы с Лисом тоже играть получше стали. Но Парижанин! Дело даже не в том, что Парижанин оказался шустрым стрелком. Первые дни пугался мышки и мимо клавиш попадал, а потом клава к левой руке приросла, мышка — продолжение правой. Глазомер отличный. На открытом пространстве, в «ковбойку» — он и Туза делал, и кого хочешь. Но дело не в этом.

Первые дни в сетевых рубках нами Туз командовал. А потом, как–то само собой… Парижанин гаркнет:

— Сир, слева!

— Кто?

— Магнумец! Фокс! С эмкой!

Я влево, на угол дома. И через миг — тут как тут силуэт. В распятновке Магнумцев. Фокс, точно. Со штурмовкой. Но он меня только увидел — а я его уже жду. Только мышкой щелкнуть. Получите в голову, как доктор прописал.

— Лис, за дом! Не бойся, быстрее! Он у другого угла, меня ждет, к тебе спиной!

— Ты их сквозь стены видишь?

— Это очень просто, на самом деле… Туз, подожди! Не лезь. Они тебя в клещи берут.

— Они? Меня? Кровавыми соплями умоются! Смотри, французик! Учись! Р–раз! Два! Видел? Как я этих ове… А!.. Эй, я же их обоих!

— Третий. По рампе обошел.

— Крысы! Со спины! А ты чего не снял, если видел?!

— Я не видел.

— Ну да! А узнал тогда откуда?!

— Ну, как же… Лис сказал, что видел того в кишке? А до этого Сир второго перед зигзагом. А потом…

А потом, вот так же, кусочек за кусочком, пересказывает передвижения всех наших противников в обратную сторону, как преферансист высчитывает, у кого какие карты остались на руках.

Поначалу, конечно, ошибался — как и хороший преферансист может ошибиться, когда с неизвестным партнером играет. Ты его ходы рассчитываешь, исходя из того, что он оптимально играет — а он, может, и играть–то толком не умеет? Наобум карты выкидывает. Так что надо понять, дурак или умный. Подсмотреть привычки–повадочки…

И так всех. Все семьдесят с лишним душ. Через неделю от нас уже разбегались. Это в сетевухе. А в реале — волчьи взгляды, вперемешку с восхищенным шепотком: Батый то, Батый се… Батый. Иначе нашего Парижанина уже никто и не называл.

Ну и мы. Мы–то — тем более. Им, со стороны, только вершина айсберга видна. Видят, что меня, Лиса или Туза иногда еще случается пристрелить, а Батыя — хрен возьмешь. А мы точно знаем, кто в доме хозяин. Перечисляем вслух, где кого–то заметили, да не успели пристрелить. И не просто, что один пробежал за угол, — а лучше скин разглядеть и имя вспомнить.

Батый всех помнит, у кого какие замашки и ухваточки. А в голове — натуральный Deep Fritz: клац–клац–клац! На входе — где кого видели, а на выходе — почему именно там пробегал и что собирается делать. Нам — ценные указания. Батый и за себя успевает подумать, и за всю каюту. Кому куда идти, где кого и как брать.

Если бы не его подсказки, нас с Лисом подстреливали бы раза в два чаще. Да и Туз… Раньше–то — Ту–у–уз, протяжно и с придыханием. И заслуженно. Прогеймер! Но рядом с Батыем… Ох, и злился же Туз поначалу! Завидовал дико. Спорил, упирался, и вообще плохо себя вел. Но Батый не только в виртуале кого хочешь по полочкам разложит. В реале он на голову выше, в плечах вдвое шире, и рос на природе. Нрав у него покладистый, да, улыбчивый, да. Но уж если достанут… Туз пару раз огреб по шее, и потихоньку такой уважухой к Батыю проникся!

А вечером, когда компы и свет уже отключили — могильная

темнота и тишина, но еще не спим, Батый к кому–нибудь привяжется и давай пытать, что да как в мире устроено. Особенно про компьютеры и программирование, или как мозг работает. Это он как губка впитывал. Понимал все с первого раза, с полунамека. Только нетерпеливо: да, да, ясно! дальше, дальше?

Один раз я что–то брякнул про программирование нейросетей, так он меня отжал досуха. Заставил рассказать все: от простейшего и реального — до красивых сказок про будущее, где самоассоциативные иерархии, которые будут работать как кора человеческого мозга, только еще лучше. Уж и не рад был, что брякнул.

А тут вдруг Лис сам начал:

— Это все, конечно, замечательно, Батый. Только лучше бы нам сменить американосовский прикид на родной, а «эмки» на «калаши».

— Почему?

— Ну… Мало ли…

— Не стоит. У них самое лучшее оружие.

— Разве? — вскинулся Туз. — А мне казалось, там баланс ровный. Хоть за наших, хоть за пиндосов, хоть за узкоглазых.

— Это на первый взгляд, — сказал Батый. — Но если играть командой правильно, то у американцев будет больше шансов. Дело в том, что…

— Да верим, верим! — взмолился Лис. — Только… Все равно, Батый. Давай лучше на нашу форму перейдем.

— Зачем?

— Затем, что ты деревня дикая! Даже про Кровавую Контру никогда не слышал…

— Контра — это от Counter Strike? Во что мы играем?

— Почти. У Контры много модификаций и сетов. Мы играем в какой–то странный, совершенно левый, графика куда лучше, и вообще такое ощущение, будто и движок неродной. А есть и еще… разные… В общем, два брата были. Отец у них был офицером, и жили они в военном городке. И вот…

2. Compушки

Чем сложнее система, тем больше у нее слабых мест, через которые могут работать вирусы, и тем изощреннее может быть их действие. При этом самая сложная из всех существующих систем обработки информации есть буквально у каждого. Да–да, я говорю о неокортексе в ваших головах.

А. П. Касперский

(плакат в учебном секторе Ковчега)

Жили два брата. Отец у них был офицером, и жили они в военном городке. Делать нечего, скукота, и оба на «Контру» подсели, постоянно в нее резались. И вот однажды летом, когда их отец уехал проводить сборы, они нашли какой–то американский сайт с модами для «Контры», а там линки на похожую игрушку, типа тренажер для американских спецназовцев. Еще круче «Контры», и, главное, совершенно фриварная. А игрушка реально классная. И графика почти фотореалистичная, и уровни огромные, и сценарии интересные. Старший брат от нее совсем голову потерял.

А младший не стал играть. Там можно было играть только за американцев, и почему–то всегда против русских. Младший сказал, что да пошли они, звездно-полосатожопые, со своей пропагандой… А старший хмыкнул, пальцем у виска покрутил — подумаешь, против русских! это же условности! И давай дальше долбиться в игрушку.

Целыми днями.

И всегда за американцев.

И всегда так выходило, что против русских — хотя, вроде, и китайцы с арабами должны были попадаться, судя по месту действия. Но получалось так, что почему–то всегда против русских…

И чем дальше кампания, тем интереснее. Уровней до хрена, а дойдешь их все — на сайте игры постоянно обновления выкладывают. Но уже в закрытом доступе. Чтобы их скачивать, надо зарегистрироваться.

Не просто логин с паролем и пол с возрастом, которые какие хочешь вбивай, все равно бот запросы обрабатывает, и никто твои данные толком не проверяет, — нет. Тут настоящие, подробные анкеты, и обрабатывают их явно люди. На фу–фу не проскочишь. Надо всю анкету, честно, вдумчиво заполнить. Потом ждать подтверждения. Сначала что просто дошло. Через несколько часов, что проверили. Если где–то невнятно ответил, придется уточнить. Хорошо хоть, отвечать можно не обязательно на английском, а и на родном языке. Уточняющие вопросы приходили уже на русском. Правда, и отвечать на них надо было куда подробнее…

Возни много, но игрушка того стоит. Каждое дополнение — одно другого интереснее. Так что старший брат все анкеты заполнял. Потом оказалось, что надо к анкетам фоты добавлять. Брат и фотки отсканировал. Сначала только лицо, потом в полный рост, дома, на улице, с друзьями, потом родственников…

Неделя проходит, другая. Старший брат все рубится в эту игру, и чем дальше, тем больше. Вообще из–за компа почти не вылазит. Ну, только чтобы младшему по уху дать, чтобы насчет компа не канючил дать поиграть, — комп у них один был. Младший вообще лишился доступа к машинке. Ну, только когда старший брат на кухню убежит за бутербродом, или отлучится на толчок.

А один раз брат в сортире засел, младший смотрит, а на экране, среди убитых врагов — они там долго не исчезали — один ну прямо вылитый их дядька. Он майором был в том же военном городке. И, главное, в игре — он тоже майор. И форма в точности такая же, в какой он ходил. Он всегда в старой полевой форме ходил, так как любил поддать, и частенько перебирал. И вот в игре он тоже в старой форме. Ну совсем точно такая же. И лицо, и фигура, — все точно такое же, тютелька в тютельку.

Младший у старшего брата спрашивает — что это? А старшему все равно, лишь бы новое обновление получить. Отогнал брата, и дальше в игру рубится.

Проходит еще дней пять. Как–то младший брат случайно глянул на экран, пока старший на кухне холодильником гремел — а там, среди убитых русских… Один то ли так упал, что кажется похож, — но будто их отец… А рядом другой — точно как их дядька… И почему–то у него пулевое ранение в ногу, а добит — штыком в грудь.

И брат, когда в сортир заседал, вместо книжки стал брать штык–нож, который еще от деда остался. Раньше просто на ковре висел, рядом с саблей, а теперь брат его каждый день снимал и на пояс примеривал. Сам уж месяц не мылся, воняет как от козла,

зато каждый день любовно правит штык на точиле, лезвие уже сверкает, как новенькое.

Младший брат хотел кому–нибудь рассказать — но кому? Он своим друзьям начал рассказывать, но те только посмеялись. От кого–то даже до директора школы дошло. Хоть и каникулы, а директор позвонил, выговорил и заставил сходить к психологу в поликлинике, чтобы больше не выдумывал. Хорошо еще, телефон взял сам младший брат. А если бы старший брат узнал?

В игре, когда он от компа отрывается, уже все убитые русские — либо как дядька их, либо как отец. И все заколоты штыком…

Отцу бы рассказать, но тот еще месяц на сборах будет, а по сотовому… во Владик–то, на роуминге? Часа два объяснять? Да отец его прямо по телефону съест за такой счет.

Дядьке? Пришел он к дядьке — но там открывает его жена, и говорит, что дядьки уж с утра нет. Натянул свою самую старую форму и сказался, что пошел племянников наведать. А сам, свинья старая, выходит, с друзьями заквасил. Ну а если он в запой уйдет, то может и неделю не объявляться…

Брат совсем убитый возвращается домой — и о, чудо! Старший брат — чистенький, расчесанный, благоухает шампунем. И одежду выстирал, и в комнате прибрался, и даже пол помыл. Чудеса в решете! Только вот на паркете в прихожей, в одном месте возле двери… Сверху чисто, но в щели между старыми паркетинами… Будто что–то черное попало.

Тут в дверь звонок. Отец со сборов явился. Заходит, прямо в полевой форме…

Лис замолчал.

— И что? — поторопил Пацак.

Лис молчал.

— Эй, Лис! Уснул?

Но Лис упрямо молчал.

— Ну что дальше–то было?!

Лис устало вздохнул в темноте.

— А никто не знает, что дальше было. Соседи слышали, как кричали там по–дикому. А когда в квартиру сунулись — везде кровища. Два трупа и один безумный. Отец весь истыкан штыком, прямо рубленая котлета, а у старшего брата горло перерезано. Рядом штык–нож валяется, отточенный как хирургический скальпель. А младший брат над отцом сидит, и все руки у него в крови. Он потом рассказывал, что старший брат сначала на отца набросился, а потом себе горло перерезал. Да только ему, конечно, никто не поверил. Потому что он еще много чего рассказывал. И про то, что его брат будто бы и дядьку тоже убил, а еще в какую–то странную игру играл, — но на компе никакой

игры не нашли, конечно. Там вообще ничего не нашли. Оба винта отформатированы начисто. А дядька, наверно, просто где–то за городом загулял да и сдох под забором…

***

— Бывают B–moves, а бывают D–tales, — заметил Туз. — Чтобы сын военного набросился на человека в нашей форме? Да еще — на своих родных?.. Что у него при этом должно твориться в голове? Как ты себе это представляешь? Нереально.

— Нереально? — в голосе Лиса прорезалась обида. — А ты думаешь, ты все о себе знаешь? Контролируешь все, что происходит в твоей голове? А в снах как? Когда ты во сне видишь кого–то, и вдруг тебе говорят что–то совершенно неожиданное? И настолько умное и по делу, что ты даже после того, как проснулся, еще долго размышляешь об этом? Кто это все выдумывает? Кто этот чертовски хитрый сукин сын, который режиссирует твои сны и сочиняет диалоги?

— Подсознание… — пробормотал Туз.

— Но это же не чужой дядя со стороны! Это ведь тоже из твоей головы берется! Это тоже ты! Только не осознаешь этого. Потому что даже в своей голове ты не везде хозяин. Так, живешь в уголке первого этажа. А есть еще чуланы, чердаки и подвалы, и оттуда иногда тоже доносятся разные звуки… Ты — только один из процессов, выполняемых твоим мозгом. А таких процессов в твоей башке — десятки и сотни, может быть… И таскменеджера, чтобы контролировать все эти процессы, у тебя нет… Пока во сне лоб в лоб не столкнешься, можешь вообще не подозревать, что это существует…

Туз раздраженно фыркнул:

— Даже если это теоретически и можно использовать, в играх–то это откуда возьмется?

— Да проще некуда, — сказал Лис. — Подваливают два человека в черном к тому, кто в игродельческой конторе отвечает за сведение графики и звука на последних стадиях, и делают предложение, от которого невозможно отказаться: ты нам весь матерьяльчик принеси, а мы тебе его утречком вернем. Никто и не заметит, что что–то изменилось. Даже размер файлов не изменится. А Дядя Сэм будет доволен, и у тебя проблем не будет.

— Запугать сотни игроделов? И чтобы не было никаких слухов об этом? Чтобы никто ничего не сболтнул ни разу, даже в баре по пьяни или личному психоаналитику? Да нереально!

— Зачем кого–то пугать? — мрачно сказал Лис. — Все куда проще. Сам подумай: если кто–то научился зомбировать других через игры, то что можно сделать с живым человеком при общении в реале?.. Тут уж растроение личности организовать не проблема! А нужно–то — всего маленький пробел в памяти…

***

— КАКОГО ХРЕНА!

Крик ударил по ушам, едва включился свет.

— Что случилось?

— КТО… — у Пацака перехватило горло, он судорожно хватал ртом воздух. — КТО БЫЛ ЗДЕСЬ НОЧЬЮ?!!

— Да что…

— КТО ЗАХОДИЛ В НАШУ КАЮТУ?!!

— Не ори… — процедил Лис, садясь на кровати. — Кто к нам мог заходить, если я клал ложку на ручку? Она бы загремела, если бы кто–то попытался… Вон! Лежит, как лежала. Никто к нам не мог зайти. Успокойся.

— Заходил! — Пацак даже не оглянулся на Лиса. По–прежнему стоял, худой и трясущийся, стиснув в руках простыню, и дико пялился на дверь.

— Да с чего ты взял–то? Пацак! — Лис пощелкал пальцами. — Паца–ак!

Но тут и Туз озабоченно пробормотал:

— Заходил… Смотри, — он указал на дверь.

Не на ручку с ложкой поверх, а выше, где на двери висел календарь под стеклом.

Здесь везде что–то висит. В столовой — с десяток забавных плакатов. И просто надписи, и с рисунками. В нашем коридоре в стенах даже есть специальные ниши, вроде окон в никуда, там висят доски под плакаты, но еще пустые, — кажется, будто черные зеркала. А на дверях во все каюты, с внутренней стороны, месячные календари под стеклом. Чуть разные, но все из одной серии. Числа на фоне бледных узоров. Что–то вроде фрактальной графики.

— Теперь другой… — глухо пробормотал Туз.

— К–кто ег–го пом–ме–менял? — проблеял Пацак. — Кто здесь ночью…

— Тихо! — шикнул Лис.

На цыпочках скользнул к двери, снял ложку и выглянул в коридор.

Где–то за поворотом оживленно говорили, но тут же затихло. И вдруг снова, гораздо ближе: кто–то что–то спросил, другой голос ответил. Стихло. Быстрые шаги, как–то странно звучащие. Из–за поворота появился Артур — босиком, в одних трусах.

— Игорян и Стас не у вас?

Лис смерил его хмурым взглядом. Не стал интересоваться, с какой стати их Игоряну и Стасу быть у нас. Только спросил:

— Когда? Вечером? Пошли к психологу, и?..

— Не накаркай, придурок! Ничего с ними не случилось! Все вместе спать ложились!

— А куда же делись?

— Н–не знаю… Проснулись — их нету… И одежды их нету… — он махнул на Лиса рукой и бросился дальше по коридору.

Лис послушал, как Артур справлялся у соседей. Затем закрыл дверь и оглядел нас.

— Легли спать все вместе… — повторил Туз.

Лис посмотрел на ложку в своей руке, потом на календарик.

— Кажется, — сказал Батый, — узор чуть сдвинут, и масштаб стал больше?

Туз с Пацаком, забыв про одежду, уже деловито обстукивали стены.

— Лис, а в остальных каютах? — спросил я.

Лис кивнул и шмыгнул в коридор.

— Ну где, где же они могли пройти–то, если не в дверь… — бормотал Туз. Закончив со стенами, он изучал трещинки на потолке.

Пацак уже стучал во второй комнате.

— А никого и не было, — вдруг сказал Батый.

— Ну да, как же… Оно само поменялось…

— Почему бы и нет? — мягко заметил Батый.

Он все стоял перед плакатом, внимательно разглядывая его. Сощурился, почти уткнулся носом в стекло.

— Я не знаю, как правильно это назвать, но это не бумага. И не монитор. Зерно очень–очень мелкое, как на мониторе. Но не монитор. Не светится. Просто отражает свет…

В самом деле. Если стекло прижать, и подергать из стороны в сторону — есть люфт — то с одной стороны можно сделать щель в пару миллиметров. А в щели — шлейф угадывается, еще проводки…

— Электронная бумага!

— Вделанная в дверь? И запрограммированная на переключение картинки? — Туз помотал головой, отказываясь верить: — Но зачем?!

А Лис все не возвращался. Я выглянул в коридор. Там

назревала буча.

В самом длинном пролете коридора сгрудились почти все наши:

— Нет, Дисней ведь без одежды пропал…

— Ничего не значит! Может быть, его тоже никто не принуждал, он сам ушел?

— В эти коридоры?! Сам?! По доброй воле?!

— Ну эти–то точно сами! Ведь оделись же, и тихонько! И ушли незаметно! Явно заранее сговорились!

— Нет! Не сами! — перекрыл всех Бюрг. Крупный и объемный, как пивной чан. И голос такой же внушительный, будто по цистерне лупят ломом: — Мне Игорян еще позавчера говорил, только я сначала решил, что он дурака валяет, как обычно…

К нему сдвинулись еще плотнее:

— Что говорил?

— Да не тяни, Бюрг!

— Не что, а кто, — с расстановкой сказал Бюрг. — Кто–то был в нашем коридоре. В военной форме, но не наш Перик. А может быть, и вообще… Игорян сказал, он был странный. Желтый и узкоглазый, но не китаеза, а вроде нашего Батыя. И тоже крупный. А двигается — совершенно бесшумно. Игорян его совершенно не слышал. Просто почувствовал что–то, обернулся — и чуть концы не отдал. Этот узкоглазый у него прямо за спиной стоял. И в руке что–то…

— Палм? Как у Перископа…

— Нет, не палм. Игорян толком не разглядел, он и человека–то нормально не разглядел, не в том состоянии был. Но не палм, крупнее. Типа планшетки, только с каким–то странным отростком. Вроде антенны, как у старых сотовых, только потолще и покрупнее…

К завтраку выяснилось, что человека с планшеткой видели еще двое.

С Кешей было то же, что и с Игоряном. А вот с Тигрой — иначе.

Тигра не только за компом герой, он еще и в страйкбол неплохо играет. Как маскируется и в атаке — не видел, не знаю; но ходить умеет почти бесшумно. Даже в нашем коридоре, где и пол, и стены бетонные, и от любого шага стук с эхом, Тигра ходил едва слышно. И любил этим попижонить. Подойдет со спины, быстро и бесшумно — и пальцами прямо над ухом: щелк! Эффект тот еще.

А тут он по делу пошел в конец коридора — до туалетов. По пути кивнул троим ребятам, они в центре коридора стояли,

трепались тихонько… Тигра нужду справил, и так же тихо, своей фирменной походочкой, крадется обратно, царь бетонных джунглей…

Успел пройти ровно один пролет коридора. И чуть не схватил инфаркт.

Тигра как раз обогнул колено коридора… на автомате скользнул взглядом дальше по стене, туда где следующий поворот, сделал даже еще пару шагов… а потом понял, что слева от него — не сплошная стена.

Человек! Слившийся со стеной человек! Пока Тигра обходил выступ, человека выдавливало из стены…

Он будто вылуплялся из нее, такой же неподвижный, как бетон, такой же безжизненный. Даже зрачки не двигались. Как у манекена…

— А он не сочиняет? — спросил я.

— Ты бы его видел! — обиделся Туз.

— Но антенна? — укорил за несообразительность Батый, но так ласково, будто усюсюкивал младенца: — Мы ниже уровня земли. Даже если мачта с передатчиком стоит прямо над этим местом, железобетонные перекрытия подавят любой сигнал.

— А если это адаптер для беспроводной локалки? — возразил Туз. — В стенах передатчики. Через них что–то скидывает прямо на планшетку.

— Если бы внутри была сеть, — заметил Батый, — приказы на догтэги посылали бы через эту сеть, майор не ходил бы по столовой с палмом.

— Это не антенна, — вдруг сказал Пацак.

— В смысле?

Пацак поглядел на Туза, будто просил подмоги. Туз неохотно пробормотал:

— Бюрг говорит, что Игорян пропал после того, как с этим шаманом повстречался… И Дисней… Может, он тоже с ним встретился?.. Эта не для радиосвязи антенна. И планшетка эта — совсем не планшетка…

— Народ! — вступил я, пока они не договорились до чего–нибудь совсем дикого. — Не надо сходить с ума. Этого вашего Шамана, может быть, вообще нет. А если и есть, то ходит здесь не для того, чтобы чем–то облучать нас, своими делами занят.

— Ага! — сказал Туз. — И какие, интересно, у него дела в нашем коридоре?

— Он ею указывает, — сказал Пацак. — Выбирает, кто следующий…

— Пацак! — рявкнул Лис. — Кончай нести дичь!

— Это не дичь! Чем дольше находишься в коридоре, тем

ближе он оказывается, когда его замечаешь… А если ты его так и не заметил, пока он не приблизился вплотную… — Пацак шмыгнул и гулко сглотнул.

***

В столовой на тарелки с овсянкой никто не глядел. Все ждали, когда придет майор.

— Все, ребят! — заявил Фокс. — Не знаю, как вы — а я все! Больше в эти коридоры не пойду!

— Сейчас Перик придет, со своего палма скинет, и пойдешь как миленький…

— Нет! Все, хватит! Прямо сейчас у него все и выясню, что за хрень тут происходит! И пока не объяснит, ни к какому психологу я больше не пойду! Через эти коридоры… Нет уж!

— Плюс один, Фокс.

— Еще плюс!

— Кто еще со мной?..

Только сбивались в отряд сопротивления они зря. Майор на завтрак не пришел.

Прозвенел сигнал на окончание завтрака. Все повалили обратно в наш коридор, но по каютам никто не расходился.

— Не надо играть! — вещал Бюрг. — Я понял, для чего все эти игры, с утра до ночи! Это чтобы отвлекать нас! Чтобы у нас не было времени понять, что происходит, не было времени подумать и разобраться…

Народ поддержал. Даже Туз и Пацак.

— Не нарывайтесь, — шепнул им я. — Не знаю, что здесь с «губой», но, боюсь, если так пойдет дальше, то скоро мы это узнаем…

Но нет, все равно ушли в коридор, вместе со всеми. Кроме нас с Лисом и Батыем, в игре остались еще только две команды. В одной два человека, в другой трое. С Батыем мы их всех выносили на раз–два.

— Ого! — вдруг выдал Лис и пихнул меня локтем.

На мониторах Туза и Пацака вместо игровых менюшек всплыла надпись: «Немедленно вернуться к игре!»

— Сдается мне, Мессир, — сказал Лис, — все как и предсказано… Малые и большие прутняки не за горами.

***

В обед майора опять не было, народ начал роптать. И не только из–за майора. На обед оказалась та же овсянка, что и на завтрак. Впрочем, нам–то и еще паре столов выдали нормальные обеды.

Бюрг разорался на всю столовую:

— Эй! А почему мне один овес?! На завтрак была эта овсянка, и опять одна овсянка, и даже без сахара! А у Батыя вон, солянка! Одно мясо, а пахнет как! И борщ! И компот! А мне — овсянки на донышке блюдца, и пустая вода? Ты хоть смотри, что накладываешь!

— Что надо, то и накладываю, — из окошечка раздачи огрызаются. — Вот, видишь?

Солдат в поварском колпаке разворачивает к Бюргу крошечный мониторчик, как у кассового аппарата. На нем номер, фамилия Бюрга, имя–отчество…

— Вот твое меню. И если не сложно, позови сразу всю свою каюту, давайте вместе, чтобы мне с термосами лишний раз не возиться.

— В каком смысле? — дружки Бюрга лезут. — Нам что, тоже одну овсянку? Как утром? Опять?!

— Ничего не знаю! — солдат их обрывает. — Как написано, так и выдаю…

— Да почему?! — Бюрг совсем звереет.

— Играть нужно лучше, — от входа в столовую раздается.

Перископ пришел.

— Нужно?! — Бюрг ревет. — Да кому, к дьяволу, это нужно?!

— Родине нужно! — Перископ тоже рявкает. — Родине нужно, чтобы ты играл лучше, и ты будешь играть лучше, боец!

— Да не могу я лучше играть!

— Можешь. Тренироваться надо почаще, и все получится.

— Да мы и так только и делаем, что целыми днями гоняем поляну за поляной!

— Значит, плохо гоняешь! Думай не о том, как бы по коридору пошляться, или в креслах подрыхнуть, а об игре! Чтобы с чувством, с толком, с расстановкой!

— Да с каким еще–то чувством! — У Бюрка заиграли желваки. — У меня и так уже чувства… уже крыша едет… все вокруг будто через стекло, через вату, будто и не со мной… Будто я только сижу в этом теле, как наблюдатель, и ни за что уже не отвечаю… Еще неделю такой игры, и я совсем в этой кали–юге растворюсь… Тело само по себе будет ходить и играть, уже без меня…

— Симулируем, боец? Играть надо лучше, а не отговорки

выдумывать! — Перископ упер руки в боки и с чувством продекламировал: — Как хорошо уметь играть! Не надо ныть, не надо врать, не надо к прапору бежать, накинь, мой милый, фрагов пять. Не надо к повару взывать. А можно взять — и обыграть!

Но к Бюргу уже подошла подмога, и с тяжелыми гаубицами: Тигра, за ним и остальные эм–стайловцы.

— А тот алтайский шаман зачем за нами ходит? — наползают на Перископа.

— Какой еще алтайский шаман? — вот теперь, кажется, майор в самом деле растерялся.

Но народ уже просек привычки Перископа. Научились снимать лапшу с ушей. По крайней мере, первую порцию…

— А то сами не знаете! Ну, может, не алтайский, а мансийский или чукотский… Узкоглазый манекен!

Хмурится майор.

— В вашем коридоре, Тигран?

— Да! То тут, то там! Так и крутится!

— Странно… Не положено тут никаких шаманов, здесь я кашеварю… Узкоглазый, говорите? Смуглый такой?

— Вот именно!

Майор вдруг подобрался:

— Нет таких.

Но Тигра прет как «Пантера»:

— Ну да, как же! И облучателя у него тоже нет?

— Облучатель?

— Чем он нас облучает, что у нас у всех крыша уже почти едет?!

— Ну–ка, ну–ка… Вот с этого места подробнее. Явки, пароли, условные знаки… Какой облучатель? Обычная психотронная пушка, или с торсионным излучателем?

Тигру так просто не отошьешь, но Перископ с издевательской улыбочкой отбивал и все его следующие наскоки. И атаку Фокса с магнумцами отбил. И Бюрга. Играет с ребятами в слова, как с котятами веревочкой.

Ни слова правды. Как обычно. И все же…

***

Когда мне отстрелили голову в третий раз, я перестал возить мышкой. Все равно все невпопад. Бросил игру и откинулся в кресле. Было кое–что, что волновало меня куда больше виртуальной пули в затылок.

— Лис, тебе не кажется, что Перископ сегодня был…

— А, тоже заметил? — мигом обернулся Лис. — Малость не в себе наш майорчик, да?

Кивнул и Батый:

— Бледнее, чем обычно, мимика одеревеневшая, словно он с мороза, однако зрачки прыгают очень–очень быстро.

Выходит, не показалось… Тем хуже.

И чувствую на себе взгляд. Это Лис вопросительно на меня глядит. И в его глазах читаю вопрос, над которым и сам думаю:

— Может ли генератор напряжения на пять вольт убить человека?

До сих пор я думал, что лучше не лезть на рожон, просто перетерпеть. Помучают, но отпустят.

Но вот Перископ сегодня… Что с ним случилось, что он стал как боксера после бокового в висок?

А если не только вокруг нашего коридора что–то творится? Если и там, где живет остальной персонал базы, тоже что–то происходит? Что–то, чего не должно быть… И с чем даже они не могут справиться…

— Запросто, если упадет на голову…

— Вы о чем? — Пацак съежился, как напуганный воробей. Глядит то на меня, то на Лиса. — Какой еще генератор, какие пять вольт?..

— О том, — сказал Лис, — что пора взбивать сливки в масло, если хотим выбраться живыми и почти здоровыми.

— Лис, — сказал я, — не может же быть, чтобы никто ничего не знал? В тех каютах, из которых пропадали? Неужели никто совсем ничего?..

Лис кивнул и поднялся.

— Ладно, разведаю. Только и вы уж… Настреляйте фрагов на ужин, а то ведь и нас на овсянку переведут.

***

Но сам Лис с охоты вернулся пустой.

— Что? Совсем никто и ничего?

Лис поморщился.

— Кеша что–то знает, вроде бы… Он сегодня к психологу ходил, и вернулся какой–то… — Лис неопределенно помахал пальцами.

— А что говорит?

— Да ничего он не говорит! Старательно делает вид, что все

нормально. А начинаешь его пытать — так он тут же: «Мне надо играть, мне надо играть!» Если что–то и знает, хрен кому скажет…

***

За ужином выяснилось, что не только Кеша какой–то не такой. Все четверо, кому пришлось после обеда ходить к психологу, были не лучше Кеши. И все упрямо делали вид, что ничего не случилось.

Как и наш майор. Он нам даже улыбался, но слишком уж старательно.

Впервые он был в столовой раньше нас. И не расхаживал по рядам, а стоял у входа. Внимательно оглядывал каждого входящего.

— Он что, — шепнул Туз, — считает нас, что ли?

Пацак зябко поежился:

— А почему у него лицо будто деревянное?.. И глаза… Как у куклы… Скоро совсем как тот Шаман станет…

Но тут наконец–то окошки раздачи открылись, и Пацак тут же кинулся получать еду. В основном из оконца выдавали миски с овсянкой на воде, в лучшем случае — с маленькими лужицами варенья поверх овсянки, но нашему столу — блинчики с мясом.

— М–м, здоровски! — потянул носом Пацак. — Если они и на вкус такие же, как па… А! — У Пацака округлились глаза. — Мессир, ты чего?

А я ничего. Просто врезал ему под столом в колено.

— Положи вилку, — приказал Лис.

— Да чего я…

— Не ори, дурак! — зашипел Лис. И судя по лицу Пацака, ему прилетело и по второй коленке. — И вилку положи! Сказано же! Проголодался он… Мелкий, как хомячок, а жрет, как беременная слониха…

Туз тоже положил вилку, так и не притронувшись к еде.

— Ребят?

А вот Батый уже все понял. Переложил свою порцию к Лису на тарелку и на меня смотрит:

— Я схожу за добавкой?

Если еда по фрагам, то Батыю положен хоть запеченный целиком мамонт.

— Обязательно. Только подожди, пусть Перископ уплывет.

— С кого начнем? — Лис спрашивает, потихоньку

оглядываясь. — С Кеши? Или вон с той лягушки–путешественницы?

На нас тоже поглядывают. Наш столик притягивает и носы, и взгляды. Пять порций нормальной еды — посреди столиков с овсянкой и жидким чаем.

— Не так, — сказал я. — Для начала Бюргу и Тигре.

Подкормим заводил, а уж они сами всех остальных выстроят так, чтобы с нами любезничали…

***

И с нами любезничали. Правда, до Кеши не добрались. Народ гудел от другого — плакаты!

Оказалось, что стекла в нишах, которые вроде бы для плакатов, — не совсем под плакаты предназначены…

Если прижаться к стеклу, и закрыться руками, чтобы не мешал свет от ламп в нашем коридоре, то можно разглядеть, что за стеклами не доска или стена, а…

Это окна. Только с той стороны очень темно. Поэтому и видно нормально только в одну сторону — если смотреть оттуда. С той стороны наш коридор как освещенная сцена. А вот нам зрителей не видно.

Но иногда и по ту сторону можно что–то заметить. Какое–то светлое пятно.

У Батыя, впрочем, повторить эксперимент не получилось:

— Там ничего нет. За стеклом что–то плотное, задняя крышка стенда или стена.

— Нет, — покачал головой Туз. — Просто окна разные, и свет бывает не за всеми. Надо попасть так, чтобы в это время там светилась хоть какая–то лампа… Тогда можно кое–что разглядеть…

— Там огромный ангар, — сказал Пацак. — Такой большой, что ни дальней стены не видно, ни потолка…

— Это на глубине метров в сто? — хмыкнул Лис. — Ангар, у которого потолка не видно?

— Если это ангар… — глухо пробормотал Туз. — Говорят, там вообще потолка нету…

— Ни стен, ни потолка, — сказал Пацак. — И пол не ровный, а с подъемом. Не бетон там, а земля и что–то вроде травы. А вдали — холмы. А главное, в небе…

— Две луны… — пробормотал Туз. — И двигаются быстрее, чем наша луна…

— Лампы на потолке? — осторожно и мягко предположил Батый.

— Перестань сюсюкать, как с даунами! — взорвался Туз. — Лампы, ага! Движущиеся по потолку! На рельсиках? Планетарий, типа? Подземный?! Здесь?!

— Брось, Туз, — сказал Лис. — Прожектора какие–нибудь, или их отражения. Какую–нибудь технику проверяют, или еще что–то… Передвигают ее, вот и меняется…

— Ага! И кто и зачем эту технику ворочает туда–сюда?!

— Возможно, там депо какой–нибудь одноколейки, ведущей отсюда в Москву? Или к какому–нибудь удаленному запасному выходу…

— Ты сам–то себе веришь, Лис?

— А Сова говорит, — сказал Пацак, — что какие–то тени там видел. Силуэты… Похожи на людей, только ростом раза в полтора больше…

***

Когда дали отбой, и остались только темнота и голоса, Пацак пробормотал:

— У меня такое чувство, что мы погружаемся куда–то… В какой–то ад проваливаемся…

— Если всему этому верить, — заметил я.

— Они не врут, — сказал Туз.

— Только не надо сходить с ума.

— Но они не врут! — воскликнул Пацак. — Мессир, это же правда! Я сам…

— Не надо. Сходить. С ума, — медленно повторил я. — Они думают, что не врут.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Туз. — Им все кажется? Но я сам, когда гляжу на эти стекла… А особенно когда к психологу… Там, в коридорах…

— Но когда ты возвращаешься в наш коридор, ты ведь понимаешь, что это все были пустые страхи?

— А я видел! — вдруг сказал Пацак. — Честно, видел! Только не хотел вам говорить, потому что вы… Особенно ты, Лис, и Мессир…

— Перестань сам себя накачивать, Пацак! — рявкнул Лис. — Мало ли, что тебе от страха показалось… У страха глаза велики.

— И мне показалось? — спросил Туз. — И всем им?

— Если кому–то и показалось, не могло же одно и то же

привидеться всем? — задумчиво проговорил Батый. — В таком случае…

Вот это мне уже решительно не понравилось.

— Вот что! — сказал я. — Сегодня у Лиса будет шаббат. А басню с моралью расскажу я.

— И о чем? — хмыкнул Туз. — О черном диске? Или о багряной флешке?

— Об острове Броди.

— Это где? — спросил Пацак.

— Это такой маленький островок в теплых морях. На нем живет человек сто туземцев, и когда–то это были самые счастливые люди на земле. Они ловили рыбу, собирали кокосы, разводили детей и тихо радовались жизни. И самым ужасным, что могло произойти на острове, были рассказы старой бабки про то, как много лет назад один рыбак пропал в море. А еще раньше, когда–то совсем уж давным–давно, два охотника повздорили из–за красотки, и один пырнул другого мачете. А так на острове царят мир, счастье и спокойствие, сущий рай… Царили. Пока однажды на остров не явился человек, который одним махом обратил это рай в ад.

— Кто? — шепнул Пацак дрогнувшим голосом.

— Ну, выглядел он как обычный торговец.

— Ничего себе… — поежился Пацак. Должно быть, живо представил, сколько обычных с виду торговцев он встречал в своей жизни. — И что он сделал?..

— О, это был действительно страшный человек. Он сделал такое…

— Ну что, Мессир?

Я тяжело вздохнул.

— Однажды он привез на остров телевизор.

— Телевизор?.. — кажется, от разочарования Пацак даже приподнялся на кровати, скрипнули пружины. — А при чем тут телевизор–то?

— Оказалось, что таких милых крошечных островков — очень много. Целый огромный архипелаг, и живут на этих островках аж сто миллионов человек. Где–то есть фабрика батареек, где–то фабрика телевизоров, а где–то в центре архипелага — даже всеостровная Телесеть Проверенных Новостей. Каждый день журналисты передают самые важные новости. Только тщательно проверенные. Голую правду. И вот жители островка Броди узнали, что на самом–то деле…

— Что? — потребовал Пацак. — Ну что, Мессир!

— Что их острова уже долгие годы подвергаются атаке морских чудовищ–убийц, а на самих островах постоянно орудуют

кровавые психопаты. Только представь: каждый день десятки трупов. Журналисты отважно передавали репортажи с мест: показывали всех этих погибших людей — тела со вспоротыми животами, отрубленные руки и головы… Только за день, один единственный день — бывало до сотни жертв… Репортажи шли круглые сутки, нон–стоп, журналисты едва поспевали считать, сколько людей растерзано маньяками. А ведь еще атака морских чудовищ… Каждый день акулы–убийцы разрывали на части десятки рыбаков. В самых разных местах. Осаждали архипелаг буквально со всех сторон… Кромешный ад и на суше, и на море…

— Подожди, — попросил Пацак. — Не понял… Журналисты все сочиняли?

— Нет! Я же сказал: все — голая правда.

— Но если акулы атаковали острова со всех сторон, то почему же на том островке… ну, на этом острове Броди, почему его жители ничего не знали о том, что море кишит акулами–убийцами? И об этих маньяках…

— Потому что у них не было телевизора.

— Да при чем тут телевизор–то?!

— И все–таки идиот, прости господи… — вздохнул Лис. — Пацак, у вас в школе вообще арифметике учили?

Пацак обиженно засопел, зато остальных отпустило.

— Иными словами, — подвел мораль Батый, — у нас получилась подобная сеть, только не новостей, а чужих страхов и кошмаров… Но Дисней, Игорь, Стас? Они провали на самом деле.

— Для нас они пропали, — поправил я. — Мы их больше не видели. Мы не знаем, что с ними стало… Но это не значит, что Дисней и Игорян со Стасом в самом деле пропали в этих коридорах.

— Ну да, как же! — сказал Туз. — Перевели их! Одного прямо в трусах, а остальных посреди ночи! И кому они так срочно понадобились? Для чего?!

— Может быть, для того, чтобы мы гадали, куда же они делись…

— Ну да! Разыгрывают нас! И Шаман в нашем коридоре появился тоже только для того, чтобы мы от игр не отвлекались… Да ради чего?! А Перик чего такой напряженный стал? Это тоже розыгрыш? Может быть, ваша светлость заодно еще объяснят, для чего этот розыгрыш?

— Ну, напрашивается только одна версия, — заметил Лис.

— В студию!

— Выглядит все так, будто нас провоцируют.

— На что провоцируют?! И зачем?! И кому это нужно?! — взорвался Туз. — Ты сам–то себе веришь?!

— Первые три вопроса в яблочко, — сказал я, — а вот четвертый я поправлю: как это связано с играми?

— И пиратскими дисками, — сказал Лис.

— И это тоже… Пока мы не поймем, что тут происходит, лучше не паниковать и не делать глупостей… Не надо сходить с ума, Туз. Ладно?

***

Едва включился свет…

— Опять!

От чужого голоса я вскочил с кровати. И только когда увидел Пацака, он уже стоял у двери и напряженно вглядывался в календарь, — только теперь понял, что это был его голос. Только очень напряженный.

— Да… — пробормотал Туз.

Он тоже первым делом вскочил с кровати — и сразу к двери.

— И чего вам так этот плакат… — пробормотал Лис.

Но тут же сам метнулся к двери. Не ради плаката, а чтобы снять ложку с ручки. И выглянул в коридор. Между бетонных стен катилось, как перекличка:

— Все нормально?

— И у нас тихо…

— Так сегодня никто?..

— В пятой.

В пятой каюте…

— На самом деле, пока еще не пропал, — доложил Лис после разведки. — У Зайца догтэг сработал ночью, вот он и пошел. Правда, сначала долго упрашивал, чтобы кто–нибудь сходил с ним, подождал бы под дверью психолога, а потом вместе вернулись бы. Обещал, что потом сам будет каждый раз сопровождать. И Кеша, вроде бы, с ним пошел…

— Так их двое?..

— Нет, Кеша вернулся.

— А что случилось?

— Ну, сказал он, что дошел до конца коридора, и решил зайти в туалет, а Заяц его ждать не стал… Правда, их однокаютники говорят, что для похода в туалет Кеши не было слишком долго… Но может быть, и Заяц еще вернется. Он совсем перед подъемом ушел.

— Раньше догтэги никогда не срабатывали ночью, — заметил Батый.

— Это потому, — вдруг влез Пацак, — что он подобрался к Зайцу вплотную, а Заец его не заметили…

— Заткнись, Пацак! — сказал Лис. — Еще одно слово про твоего Шамана, и ночевать ты будешь в коридоре! Понял?

— А ведь майор опять скажет, что перевели их куда–то… — пробормотал Туз.

***

Вид у Перископа сегодня был еще похлеще, чем вчера. Даже привычная усмешечка не могла скрыть, что он не то растерян, не то зол.

— Может быть, и удастся что–то вытрясти… Лис? — скомандовал я.

Лис с шумом поднялся из–за стола и с размаху гаркнул:

— Товарищ прапорщик, разрешите обратиться!

В столовой наступила гробовая тишина.

— Или огрести по полной, — шепнул Туз краешком губ и на всякий случай уткнулся в свою тарелку.

Майор медленно обернулся.

— Како–ой я тебе прапорщик, салага слепая?

— Нехорошо, товарищ прапорщик, нашивать чужие погоны. Все равно никто не поверит, что за доставку мяса, пусть и пушечного, может отвечать майор.

— А, шутка юмора, боец, — помрачнел Перископ. — Бывает. Овса переел? Вид у тебя такой, будто ты думаешь, что сейчас что–то умное брякнул?

— Не думаю. Точно знаю! А еще я хотел узнать, почему вы все время трусливо юлите и не можете нам прямо, по–мужски сказать, что мы тут делаем?

У майора лицо налилось кровью, вздулись желваки… но нет, уже взял себя в руки. Усмехнулся, прищурился, со злым огоньком в глазах. Не вывел из себя его Лис, а вот на шутку пообиднее нарвался. Майор уже открыл рот… но Лис на опережение:

— Мы тут с друзьями поспорили, сколько ложных версий вы можете выдумать. Я считаю, не больше пяти. Больше пяти — это уже гражданский человек выйдет. Пять, не больше. Из них три уже было. Я бы хотел еще две ложные, а затем настоящую.

Насупился майор.

— Угу–у–у… — тянет с нехорошим прищуром. — Острим, пристаем, пытаем… Настойчивый такой, думаешь? Тонкий психолог?

— Не думаю, товарищ прапорщик. Знаю!

— Хамло ты трамвайное, тупое и упертое, а не психолог! Как, впрочем, и все вы, молодняк. Туповатые до ужаса, уж извини.

Только Лис не тушуется.

— Да ну?

— Не да ну, а так точно, рядовой! Воротничок застегнуть!

Лис стал красный, как рак. Пальцы с пуговицы срываются, пуговица в дырку не попадает.

— Вот та–ак!.. Туповатые, туповатые, — Перископ кивает. — А знаешь, почему? Потому что на гражданке много в игры играли. Хочешь знать, значит, для чего вас собрали? Изволь! Вот для того вас и отобрали, чтобы изучать, как мартышек, насколько вы отупели от этих игр. Еще вопросы есть?

— А разве игры отупляют?

Это Батый с фланга. Подкрался прямо за спину майору. Выдохнул слова ему в затылок, как контрольный выстрел. Майор аж вздрогнул. А Батый, как ни в чем ни бывало, дальше:

— Разве каждая игра не является процессом обучения, в широком смысле этого слова?

Перископа аж перекосило. Окрысился уже по–настоящему.

— Обучают?.. Чему обучают?! Как мышкой дрыгать?! Это, может, в универах на хороших кафедрах, это там делают такие модели виртуальности, которые заставляют мозги включаться. А эти ваши игры — на усредниловку рассчитаны. Построены на простейшем: действие игрока — мгновенный отклик в игре. Дернул мышку — на экране пробежали ступени и дверь стала ближе. Навел крестик, щелкнул мышкой — монстрик упал, лови следующего, вот и вся игра! Чем проще система взаимодействия, чем понятней модель игры самому тупому, чем быстрее и очевиднее мир игры реагирует на дрыганье мышкой, — тем игра успешнее и больше копий. Тетрис и Змейка — и то были интеллектуальнее, чем ваши современные! Прогресс индустрии развлечений, ох ты господи… Заточенность на посредственность! Наркотик примитивнейшей интерактивности!

— Спокойнее, товарищ прапорщик, спокойнее, — справа его Лис подсекает. — Очень артистично. Четвертая версия, мы уже поняли. Пятая будет, или сразу к правде перейдем?

— Версия?.. — майор аж красными пятнами пошел, и вдруг как рявкнет: — Бое–ец! А хорошо ли ты изучил матчасть? А ну–ка перечисли мне поражающие факторы гейминга!

Лис оторопел, но майор не давал передышки:

— Ну? Где? Почему от зубов не отскакивает?! — Он вскинул руку, принялся загибать пальцы: — Потеря самоконтроля! Отрыв от внешнего мира! Зацикленность на игровом процессе до восьми

и более часов дней! А для чего? Я тебя спрашиваю, боец! Для чего нужна эта несущая частота?

— Несущая частоты?.. — на Лиса было жалко смотреть.

— Это что такое, боец?.. — нахмурился майор. — Не знаем даже главного поражающего фактора гейминга?.. А внимательно ли ты вникал в учебные материалы и наглядные пособия, боец?! Для кого висит вот этот вот плакатик, а?

***

Все–таки сбил с толку.

Может быть, еще и из–за Батый, он зачем–то пошел к этому плакату. А мы с Лисом уже привыкли, что Батый обычно глупостей не делает. Тут и остальной народ потянулся к плакату, — все следили, как Лис на Перископа охотится…

Плакат этот — самый тупой из всех, какие есть в столовой. На заднем плане — танки, взрывы, самолеты… Наворочено всего и побольше, сливается и рябит в глазах. Пародия на рекламный плакат к игре про войну.

А впереди на танке, прямо на пушке, сидит тетка, как ведьма на помеле. Этакая белокурая бестия женского пола, в одном кителе и чулках, не считая офицерской фуражки и туфель на шпильках. Коленочки сверкают, китель распирает тугая грудка, а над головой надпись: «КОМПУШКИ ДЕТЯМ НЕ ИГРУШКИ!»

— И что? — Тигран говорит. — Ну, видал я эту бабу… Я так понимаю, это для проверки, нормально ли нам брома докладывают… Нормально! Смотрю я на ее голые ляжки — и начинаю мечтать о селедках… Жирных, в маслице, с лучком…

— Кончай душу травить, извращенец! — взревел Бюрг, как самосвал на холостом ходу. Плюнул и прочь пошел. — Селедочка в маслице… С лучком, блин… Тут бы хоть кильки дали…

Когда про Перископа вспомнили, наш майор уже улизнул. Как растворился.

— Ну что, Лис? — Туз говорит. — Расскажи нам теперь, рыжая, почему виноград не вызрел?

Лис глазами сверкнул и уже рот раскрыл, но тут вдруг раздается:

— Вот она.

Это Батый. Все еще у плаката стоит.

— Вот она, — говорит, и в плакат тычет.

— Что?

— Несущая частота.

Батый не в девку тычет, а куда–то позади танка, на котором девка сидит. Если присмотреться… Там, где за танком должен быть след… Художник был старательный, прорисовал все до мелочей. Но не отпечатки от гусениц, а две такие ломаные змейки. В школьных учебниках так изображают радиосигнал, пришедший на антенну. И такой сигнал за каждой гусеницей тянется. Будто танк несется на двух радиоволнах.

— А вот и то, что на ней несется…

Батый переводит палец на сам танк. На колесо и катки в гусеницах… то есть это обычно, у нормальных танков, там ведущее колесо и катки. А у нашего танка там — компакт–диски. Сразу не заметно, весь танк под густой камуфляжной сеткой. А если присмотреться… Баки горючего — радиоприемники. Бруски активной защиты на броне — не то модемы, не то адаптеры вай–фай.

— И вот, — Батый показывает на пушку.

Пушка на конце не круглая, если приглядеться, а четырехгранная. И дуло на конце — тоже прямоугольное. И будто бы чуть выпуклая эта темнота. Как экран древнего телевизора…

Батый кивнул:

— Компушки…

— А компушки–то тут причем? — спросил Туз. — Компушки детям не игрушки… — Он пожал плечами: — Комп–ушки? Словообразование типа секритутка? Начало от одного слова и конец от другого? Комп–ютерные игр–ушки? Компушки… Но при чем тут игры–то? В них–то как раз дети и играют…

— Не комп–ушки, а ком–пушки, — раздельно проговорил Батый. — Второе слово вовсе не сокращено, просто замыленный глаз не отзывается. Лучше тогда с синонимом: коммуникационные гаубицы. Так яснее?

— Гаубица?.. — нахмурился Лис. — Коммуникационная?..

Туз хмыкнул.

— Черт, правда! Это же не танк, это же самоходка. Башня вон какая… Дуло как жерло, и задрано… Гаубица! По невесной херачит, из–за речки из–за гор. Ка–ак прилетит — и даже не узнаешь, с какой стороны старая косой махнула…

— Н–да. — Лис поджал губы. — Только конкретно эта херачит не из–за речки, видимо, а прямо из–за океана? И не снарядами, а через мониторы… Только что внутри у этого троянского коня индустрии развлечений?.. — Лис огляделся по сторонам, прищурился.

На других стенах разных плакатов еще штук десять.

— Я гляжу, тут вообще плакатики интересные. Я сначала подумал, оно все чисто для хохмы. Оживляж для улучшение

пищеварения. Но если это все не совсем шутки…

Тогда это все уже совсем не шутки. Не просто так нас тут пичкают даровыми играми, как бесплатным сыром? Как бы этот бесплатный сыр не оказался с глистами. Заботливо выращенными в лабораторных условиях, специально отобранными и упакованными… Лорд–пробователь — должность важная, но быстропреходящая. Особенно когда на пиру у заклятого друга…

Наверно, я так задумался, что произнес это вслух. Все четверо уставились на меня.

И тут же завибрировал мой догтэг.

***

Не сходить с ума…

Легко сказать. Это я мог сказать им, и когда в комнате с живыми людьми, и в любой момент можешь вскочить с кровати, три шага, распахнуть дверь — и свет коридора, здесь он даже после отбоя.

Но когда сам идешь по этому лабиринту… Темнота и призрачный оранжевый свет…

Крак! Члу–у…Крак! Члу–у…

Я ничего не с собой поделать: невольно прислушивался, не донесется ли из боковых проходов какой–то звук… Далекие шаги… Ближе, ближе… Настигают меня… Шаги тех, на кого не реагирует реле…

А я ведь знаю, почему пропали Дисней и Игорян со Стасом…

Не сходи с ума! Если они и пропали, то только потому, что их забрали в психушку! Может быть, этих далеких шагов — вообще нет. Фантомы. Галлюцинации. Первые признаки, что сходишь с ума. А Дисней этого не понял, и все рассказал психологу. И психолог быстренько отправил его в психушку.

Надо держаться! Из этого бункера нас рано или поздно выпустят, — срок службы не безграничен. А может, и гораздо раньше. Может быть, совсем скоро! Надо только продержаться… Если отправят в психушку, вот там точно конец. Какая–нибудь военная шарашка–спец. До конца жизни будут гноить в смирительной рубашке, в резиновой камере–одиночке. Если и не был психом, свихнешься. И это еще…

СЛЕВА!

Я бы заорал, если бы мне не перехватило дыхание. Я шарахнулся назад, налетел на стену, но не оторвал глаз от… В боком проходе… Только что…

Пульс отдавался в ушах, я пытался рассмотреть в темноте… Только что видел… Но если там и был огромный силуэт, едва освещенный оранжевыми отблесками, то уже исчез. Словно в том месте пространство прошло рябью, как вода в аквариуме, на миг показало отражение какого–то другого мира — и тут же успокоилось.

Нет, нет, нет! Не сходи с ума! Ничего и не было! Этого не могло быть, потому что этого не может быть никогда!

Но я ясно чувствовал, что за мной наблюдают. А потом…

Шаги.

И так отчетливо… Совсем близко!

Какой–то миг я прислушивался: с какой стороны? А потом понял, что это бесполезно. Он не один! Эти шаги — лишь чтобы отвлечь! А их много… Только остальные крадутся совершенно бесшумно…

Не помню, как я долетел до кабинета психолога.

Свет лампы в глаза, монотонный голос — боже, какие пустяки! Зато здесь человек. Живой человек!

Я готов был уже плюнуть на все, рассказать ему все. И про шаги, и про силуэт… Это не видения! Не могут быть видения! Если это видения — то что же тогда реальность?! И я…

Не сказал.

Наверно, это обострившийся слух. Если уж за лампой мне не видно человека, я хотел хотя бы слышать его: дыхание, как он сглатывает, или откашливается…

Я прислушивался, но…

— Не отвлекаться! Решайте!

Зачем–то мне опять дали решать тест на ай–кью, будто за эти дни я мог сильно поумнеть. Я решал, но почти на автомате. Потому что по ту сторону стола, за слепящей лампой…

Я не слышал ничего. Ни дыхания, ни покашливания. Лишь иногда… Что это за звук? Будто прошуршит что–то. Что–то шершавое медленно, очень медленно движется по какой–то поверхности. А вот чуть иначе. Шершавое — по шершавому. И даже не шершавое, а чешуйчатое. Как кожа змеи… Или… Быстрее, чем одна змея… Щупальца…

— Не отвлекаться!

А за тестом — допрос. Этот вечный допрос, когда и в какие игры я играл. И вдруг:

— Вы в последнее время не заметили ничего странного?

И тихое шуршание за лампой, будто любовные ласки двух змей…

Я вдруг отчетливо понял, что Дисней и Игорян… Психушка? Господи, какие пустяки! Но они не свихнулись, нет. Просто

увидели что–то… Заметили что–то такое, чего не должны были знать…

— Так не заметили ли вы чего–то странного?

Я заставил себя разлепить губы, постарался, чтобы мой голос звучал как можно естественнее:

— Странного? В каком смысле?

Я прислушался. Но теперь в темноте было тихо.

— В последние дни… Не отводить лицо от света!

Господи… А если эти шорохи — тоже чудятся мне?! Те шаги в лабиринте, и теперь это…

Но одно я знаю точно. Начинаю я сходить с ума, или все эти шаги и шорохи есть на самом деле, — я не должен про это говорить, если хочу выбраться отсюда.

***

Свет в нашем коридоре был избавлением.

Наконец–то светло! И все вокруг — знакомо, привычно. Стены, повороты, каждая ниш…

СЛЕВА!

Я замер, в один миг на меня накатило отчаяние — и здесь! Они уже и здесь…

Он проходил прямо через черное стекло в нише. Выбирался с той стороны — ко мне…

Но силуэт вздрогнул, обернулся — и оказалось, что это всего лишь Сова. В такой же, как и у меня, цветастой «пижаме». Забрался на выступ под стеклом, скрючился весь, пытаясь закрыться от света не только ладонями, но и всем корпусом.

Он спрыгнул на пол и, оглядываясь на меня, ушел по коридору. Где–то открылась и закрылась дверь.

Я постоял, переводя дух. Я весь взмок. Холодный, липкий пот.

Но, по крайней мере, наша каюта — вот она! Здесь был теплый свет, и привычно щелкали клавиатуры и мыши, жизнь продол…

Пять кресел, но только два заняты. Туза и Пацака нет.

А Лис и Батый лихо молотили по клавишам и дрыгали мышками, не замечая, что остались вдвоем… Будто заводные куклы, чужие, незнакомые…

Я с трудом удержал порыв выскочить из комнаты обратно в коридор.

— А где Туз и Пацак?

Собственный голос показался мне чужим, каким–то

деревянным.

— А, Мессир… — Лис невесело ухмыльнулся. — В гости ушли. И блокнот у меня отобрали.

— Какой блокнот?

— Да Диснея…

— Зачем?

— Свои клочки у них кончились.

— Они решили составить карту… — задумчиво сказал Батый. — Каждый, кто сегодня ходил к психологу, записывал свой маршрут со всеми поворотами.

— Каждый? — повторил я. Поглядел на нашего разносчика блох и слухов. — Лис?

Почему такие тектонические процессы идут незаметно от нас?

Лис, весь сморщившись, глядел в стол.

— Да как–то… Как–то они… Не знаю даже, как это они мимо меня просочились со своими порывами…

— Совсем ничего не знал? — мне даже забавно стало. Наверно, это потому что после страха.

— Нет, ну теперь–то, от Туза… Это Оркан и Хант замутили. Оркан, он с мехмата, а Хантер на физфаке. У них с пространственным мышлением хорошо. Решили, что смогут составить план. Прикинули, что им для этого надо. Объяснили каждому, что надо записывать и повороты, и боковые проходы, и сколько шагов между каждым проходом… Целую систему разработали…

***

В каюте у шахматистов было людно. Туз и Пацак были здесь. А в центре — Орканоид и Даркхантер. Выдвинув одну кровать как стол, они возились с грудой бумажных клочков.

Вот только особого оживления на лицах я не видел.

И на нас с Лисом как–то не очень приветливо поглядели.

— Зря вы нам не сказали, — Лис уже просочился к самому «столу». — Мессир бы тоже записал, как ходил… Чего такие грустные, не выходит? Мало инфы?

— Я бы не сказал, что ее мало… — пробормотал Оркан.

— А по–русски?

— Что–то не то выходит, — признался Хант.

— Или как раз то, — заметил Туз. — Как раз то, что нужно, чтобы ответить, что же здесь происходит…

— Да в чем дело–то?

— С геометрией здесь что–то не так…

— Если пытаешься обойти вокруг, то…

— Обойти что?

— То, что за стеклами! Зона бункера, которая с той стороны коридора! Что же еще!

— Вы хотите пробраться туда, к этим «окнам», с другой стороны?

— Хотели, да только не судьба. Туда не попасть. Нет ни одного прохода, ведущего туда. Если сворачивать всегда в одну сторону, то рано или поздно вернешься в наш коридор, только с другой стороны… А проходов в то место за стеклами — нет.

— Но как–то же туда попадают?..

— Да это бы еще хрен с ним! — перебил Хант. — Если судить по плану, эта зона… Должна бы быть круглой…

— Должна?

— Да, должна! Только не выходит ни черта! Вот, видишь?

Хант шлепнул по двум листкам. На каждом наброски плана.

— Вот это, — дернул он первый листок, — если выйти с правого конца нашего коридора и идти против часовой. А это — если с левого конца выходить и обходить по часовой. Видишь?

Прорисованные куски лабиринта шли двумя арками, обходя с разных сторон белое пятно. Но когда Хант поднял листки, чтобы стали видны на просвет, и попытался наложить их один на другой, чтобы части планов соединились…

— Видишь? — сказал Оркан. — Не стыкуется ни черта! На одно и то же место — приходятся два разных варианта! Словно там, в коридорах, нет чего–то одного, определенного… А существуют одновременно два разных… И в какой из них попадешь, зависит от того, с какой стороны пойдешь… Выйдешь из нашего коридора слева — попадешь в один вариант, а выйдешь справа — в другой. И чем дальше от нашего коридора, в глубину за эту недоступную зону — тем больше разница… Там, позади этой зоны — уже все коридоры, переходы и ответвления, все совсем разное… Два варианта.

— Или же… — Хант поджал губы и весь сморщился, так не нравилась ему и эта возможность: — В принципе, эти два куска плана можно сшить, но только если периметр взять за полтора пи дэ… Почти два… Исказить метрику пространства, понимаешь?.. Что–то вроде того, как если бы мы обходили черную дыру по радиусу Шварцшильда, на границе разрыва… Но здесь?! Чтобы длина равномерно закругленной границы была не один пи дэ, как у обычного круга, а два?!

— И за стеклом… — вставил кто–то. — Там не просто

ангар…

— Открытое пространство. И холм…

— А вверху — что–то вроде двух лун…

— Или два тусклых солнца?..

***

— Нас перекинуло куда–то, когда входили через тот огромный фоллаутовский шлюз… Или прямо здесь стык миров. Там, за стеклами — параллельный мир…

В темноте после отбоя все кажется возможным… Я встряхнулся.

— Пацак! Ты решил тоже научиться сочинять байки? Только не забудь предупредить, когда смеяться, ладно?

— Мессир, а ты сам–то пробовал смотреть через стекло? — спросил Туз.

— Кончай, Туз! — сказал Лис. — Это просто отражение от ламп в нашем коридоре. И ничего больше.

— А полтора пи дэ? Это тоже — кажется?

— Батый, — позвал я, — а ты можешь перепроверить их расчеты?

И голос Батыя — спокойный, мягкий, бальзам на издерганные нервы:

— Там нечего проверять, Мессир, все и так ясно: они ошиблись.

— Ошиблись? — хмыкнул Туз. — Да они вдвоем, независимо друг от друга план строили! А потом проверяли друг у друга!

— Не они ошиблись, раньше. Те, кто ходили. Ошибка измерения.

— У всех сразу? В один миг считать разучились, да? Не надо ля–ля, Батыйчик! Ошибка — такая штука, которая статистикой устраняется. Один на шаг добавил, другой на шаг отнял…

— Не устраняется, если ошибка систематическая.

— Какая? — влез Пацак.

— У всех в одну сторону.

— С какой стати?

— Диаметр той закрытой зоны они оценили, меряя шагами наш коридор. Здесь светло, много людей, спокойно. Их шаги были нормальной длины. А как их скауты измеряли коридоры? В темноте и одиночестве. А когда человек напряжен, он делает шаги меньше. Если бы они это учли, то куски плана почти сошлись бы.

— Лихо… — заметил Лис. — Я бы не допер.

— Ну да! В стеклах — отражения, в шагах — ошибки! Сами–то себе верите?! — Туз фыркнул. — Вас будут вести на бойню, так вы до последнего будете убеждать себя, что все в порядке, а запах крови — это просто случайно, и ствол в затылок — это тоже так, розыгрыш какой–нибудь… Да?!

— Ну конечно! — ответил Лис. — Лучше как ты! До последнего убеждать себя в том, что диски с играми тут ни при чем!

— Да при чем тут диски?!

— А для чего нас об этом спрашивают постоянно?! — взорвался и Лис. — Или это, по твоему, розыгрыш такой?! Тупо, день за днем, одно и то же выспрашивают по часу с лишним!

— А меня уже не спрашивают… — сказал Пацак.

— И меня больше не спрашивают! — сказал Туз.

— Я бы не спешил этому радоваться, — заметил Лис.

— Да хватит, Лис! Ну бред же! Если бы что–такое и могло быть, то было бы прежде всего в фильмах! В игры не все играют, а уж фильмы–то все смотрят! Но что–то про фильмы нас не спрашивают! С чего бы это?

— А самому подумать? Слабо? Фильм человек глядит полтора часа, да еще может и отвлечься, или смотреть кусками. А игру — проходит несколько дней, и пока одно место не пройдет, в следующее не попадет. Все предсказуемо, каждая картинка, которую он видит. И времени на обработку подсознания куда больше — несколько заходов по несколько часов, и это как минимум. А уж если в игре удачный сетевой режим, и человек годами в одно и то же режется…

— Если это так опасно, тогда почему об этом не трубят во все трубы?

— Это значит показать американосам, что мы знаем. А что будет дальше, ты подумал?

— И что такого будет? Земля налетит на небесную ось?

— Дурак ты, Туз. На два хода вперед подумать не можешь. Гонка вооружений будет, вот что! Технологию начнут активно совершенствовать. На наш щит — будет их новый меч. Вот тогда и до фильмов дойдет, наверно, и до роликов в тырнете… Это должно быть куда труднее, но если других путей не останется…

— На их новый меч — был бы наш новый щит!

— Ага… — хмыкнул Лис. — Только сначала сравни средства и возможности, которые могут бросить на это дело они, и какие возможности противостоять у наших? Пока наши знают про это зомбирование, и разобрались, как с этим можно бороться: все пиратки штампуются под крышей военных, и прежде чем

копировать, во всех играх чуть подправляют фактуры и сэмплы, чтобы размыть какую–нибудь фигню, которая там может быть. Замаскирована под муар и шумы, а на самом деле промывает мозги. А в правильных пиратских дисках этого нет… У китайцев то же самое, по ходу. Уж они–то могли бы побороть пиратство на раз, если бы действительно захотели. Но они не делают этого. Почему, как ты думаешь? Самый удобный способ вытеснить опасные диски — издавать свои безопасные «пиратские», по более низкой цене… Но это хлипкая защита. Вдруг американосы еще чего–то придумают? Еще хитрее?

— Ну и выдумаем защиту еще хитрее…

— Да? А если ты прозеваешь, на что нацелен новый удар? Или вообще не поймешь, как оно действует? Это тебе не стальные чушки на колесах, где все наглядно! Тут–то — информационные технологии. Тут если не знаешь, что именно искать — просто не заметишь. Даже не поймешь, что тебе уже промыли мозги. Может, уже делаешь то, что нужно какому–нибудь Карабасу из Пентагона, а сам и не догадываешься…

— Да все равно это бред! Даже если в игру можно встроить что–то такое — что толку–то?!

— В каком смысле — что толку? — опешил Лис.

— В прямом! Ну вот представь: пусть все новые призывники — зараженные. Зомби, которые перебьют всех офицеров, всех старослужащих… Всю пехоту, короче. Замечательно. Но как это поможет американцам, если у нас есть ядреный северный зверек? Наш удар возмездия никто не отменял. Если начнется серьезная заварушка, воевать будут не пехотой и танками, а ядерными ракетами! А до шахт с ракетами ни один зомбипризывник не доберется. Там дежурят только офицеры. И надо им — всего лишь повернуть пару ключей. А когда они эти ключики повернут, никому мало не покажется…

— Ну да. Если только из нашего ядреного северного зверька еще не сделали набивное чучело.

— Это как?

Лис хмыкнул:

— На любой ядерный ресурс — найдется свой Урановый Craft…

Одного эфэсбэшника отправили в Арзамас–16, проверять работу системы безопасности. Ну так, для галочки, — положено.

Сидеть там надо было все лето, поэтому отправили совсем молодого стажера. Он и поехал вместе с женой–студенткой. Прежде чем отправиться в сборочные цеха, сначала ходил по лабораториям. Там с режимом секретности полный порядок, только… так, мелочь одна: сколько ни пытался, никак не смог

разговорить в курилке ни одного человека. Вроде, все делает как надо, с хитрыми психологическими приемчиками, как учили, — а ни фига. На него все равно настороженно косятся. Он заговорит — а ему пару слов в ответ буркнут, и все, да еще насвистят коротенькую мелодию, будто в насмешку. Стажеру это надоело, и он с досады тоже насвистел эту темку из «X–files» — то есть ему показалось, что это та мелодия. Но тут вся курилка разом затихла. Таращатся на него, как на уродца.

Оказалось, это не из фильма, а из игры. Кто–то из ядерщиков был недавно на конференции в Штатах, и там ему американские коллеги подарили забавный вариант StarCraft'a: танков нет, из пехоты только специалисты, а главное, ядерных бомб не один вид, а много, самые разные, и после взрывов остается заражение. У специалистов же есть счетчики Гейгера, можно апгрейдить против радиации… ну, в общем, специально для ядерщиков мод. И не поделка на скорую руку, а очень хорошо все сбалансировано, даже движок подправлен, модельки крупнее прорисованы, куча новых заставок…

Тут же притащили ему диск с игрой, всучили, наперебой нахваливая, и взяли торжественное обещание, что он обязательно, вот прямо сегодня же вечером, убедится сам, какая отличная игра.

На следующее утро, едва зашел в институт, к нему сразу: ну что, играл? понравилась? И насвистывают ту мелодию. В игре она — если выделить ядерную пристройку. Ну, стажер, ясное дело, кивает. Понравилось, а как же. И даже мелодию подсвистывает — он ее хорошо заучил за вечер. Сам он не играл, ему надо было рапорты строчить, а на втором ноуте его жена играла. Вообще она игры не любила, но в этой глухомани скучно, вот и решила попробовать…

Вечером стажер приходит в общежитие, где их с женой устроили — а обычного ужина нет. Вместо еды: милый, милый! поиграй! ужас, какая прелесть! А у самой глаза красные, целый день играла.

На следующий день в институте — опять про игру, каждый разговор начинается с насвиста мелодии. А вечером в общаге — жена от компьютера не отлезает. Хотя раньше никогда запоем не играла. Так, от случая к случаю… На третий день, когда опять ни завтрака, ни ужина, стажер начал потихоньку звереть и скандалы закатывать — но все равно. Только отвлечется — как жена уже за вторым ноутом сидит, и из динамиков раз за разом эта прилипчивая мелодия…

И вдруг стихло. Ни музыки, ни взрывов, ни рапортов. Он глядит — жена за ноутом сидит, очень сосредоточенная, будто

читает что–то важное. Так увлечена, что он даже решил ее не отвлекать. Потом, когда они наспех бутербродами ужинали, спрашивает ее: что читала–то такое интересное? Она на него смотрит, как овца на новые ворота. Читала? Я? Я играла. Ну да, он говорит, играла, а потом читала. Я же видел. Нет, она говорит. Играла, и только. Ты, милый, верно, переутомился с этими своими отчетами и документацией по техпроцессам?

И следующим вечером: играла, играла, и вдруг затихла за ноутом. Опять что–то читает. И опять с таким сосредоточенным видом, будто не здесь сидит, а где–то по ту сторону экрана витает. Ну, он тихонько поднялся, хотел к ней подойти и через плечо заглянуть — но тут старый паркет под ногой скрипнул, жена тут же рукой дернула — и на экране все изменилось. Стажер сбоку был, ничего не успел разглядеть. Из динамиков уже музыка раздается, стрельба, разрывы, прямо разгар битвы, а жена мышкой шустро–шустро команды раздает, будто и не читала миг назад…

А в институте, в курилке: ну что, вчера играл? Крутая игрушка, да? И мелодию насвистывают. А дома жена… Играет–играет, потом вдруг затихнет… Но только он попытается к ней подойти — как тут же играть начинает. А когда он ее спрашивает, что же она только что читала, — она только смеется и пальцем у виска крутит. Ты переутомился, милый. Как же ты мог видеть, будто я что–то читала — когда я играла? Уж мне ли не знать, что я делала?

А сама стала садиться так, чтобы к мужу всегда лицом. От ноута — одна крышка видна.

Тогда стажер, пока жены не было, поставил на подоконнике, за ее креслом, мобильный. Газетками прикрыл, только глазок камеры оставил. А утром стал смотреть, что же наснимал…

Лис вдруг затих, прислушивался к чему–то в коридоре.

— И что? — шепотом поторопил Пацак.

— Да почти ничего. В телефоне же камера лажовая, да еще снималось издали, и под углом. Попробуй разбери, что было на мониторе… Но точно не игра. Какие–то разводы, а поверх них надпись. И еще какая–то рябь по экрану бегает: туда–сюда, туда–сюда…

— И что сказала жена, когда он ей это показал?

— Да жена как раз под душ залезла, а ему надо было уже убегать. Его сегодня должны были везти на сам завод. А там режим секретности, пропуска строго по времени — опаздывать нельзя. И вот подъезжает он к сборочным цехам, к проходной. Там автоматчики, рамки, детекторы радиоактивности, все дела… Вдруг видит, прямо за его машиной пристроилась другая.

Странная такая. Сама белая, но со всех сторон разрисованная будто огромными оранжевыми печатями: такие прямоугольные рамки, а внутри одно слово.

— Что за слово?

Но Лис продолжал:

— И вот идет он к проходной, дает пропуск охранникам, их там сразу четверо, а из той машины вылезает человек. Одет в комбинезон, вроде полевой формы, только расцветка странная — сам комбинезон белый, а вместо распятновки — оранжевые оттиски, такие же как и на машине, только поменьше. И идет следом за стажером.

Охранника у стажера пропуск взяли, по расписанию проверили, но обратно не отдают. Смотрят на стажера внимательно, ничего не говоря, только автоматы крепче стискивают, и вдруг все четверо начинают насвистывать одну и ту же мелодию…

— Из той игры?

— Насвистели до середины, и вдруг замолкли. И как–то странно смотрят на стажера. Будто ждут чего–то… Ну, стажер на всякий случай досвистел конец мелодии. Тогда они оттаяли малость, улыбаться начали, и начинают проверять, как полагается: сканируют отпечатки пальцев, радужку глаза, тепловое фото лица, — ну, все дела, разве что кровь из пальца на анализ ДНК не берут… И тут стажер видит, что тот человек в белом комбинезоне — уже в проходной стоит. Охранники на него внимания не обращают, а человек внимательно смотрит на стажера. Наконец, стажера проверили, пропускают внутрь — а тот, в комбинезоне, следом пристраивается. И прямо так и проходит, безо всякой проверки.

— А охранники?!

— А охранники на него даже внимания не обращают.

— А стажер?!

— Ну, стажер, конечно, помялся… Но решил, что это у местных розыгрыш такой. Ну, военные любят такие шкварки, когда новеньких прописывают. В общем, пожал плечами, и дальше пошел. И вот идет он по заводу…

Лис замолчал. В коридоре мимо нашей двери кто–то прошел.

— И что? — шепотом позвал Пацак.

— И вот идет он по заводу, — тихо заговорил Лис, — и вдруг замечает, что в коридорах, вопреки всем инструкциям, какие–то тележки стоят с коробками, в другом месте вообще штабель ящиков вдоль стены… И все эти ящики и коробки — обтянуты тканью… Белой, но словно в печатях вся. А внутри печатей — одно и то же слово…

— А стажер? Он же должен был проверять режим!

— Ну да. Ему это все очень не понравилось. И он уже дозрел, чтобы потребовать объяснений, в чем дело, — и тут видит, навстречу ему по коридору…

3. Кукушка Langfordi

Все должно быть изложено так просто, как только возможно, — но не проще.

Альберт Эйнштейн

(плакат в отделе безопасности Ковчега)

Навстречу ему человек в белом комбинезоне с печатями. Но не тот, что был на проходной, а другой. Стажер еще подумал, что эти комбинезоны похожи на то, как выглядели спецы в Урановом Craft'e. Там был голубой костюм с оранжевыми разводами, которые пульсировали, когда спецы переходил в режим невидимости… А навстречу ему еще один такой же.

Вокруг инженеры, техники, внутренняя охрана — ходят, суется, но на людей в комбинезонах никакого внимания. Только все поголовно насвистывают ту мелодию: та–да–да, дзынь–дзынь–дзынь, — как коровы с колокольчиками. А главное, тележки с коробками в коридоре… Люди идут на них, будто слепые, бьются лбами — и все равно не замечают… Тыкаются, как тупые боты, пока не обойдут, и идут дальше…

А стажер дошел до главного цеха, где ядерные боеголовки заряжают плутонием, и видит, что цех поделен надвое. В одном углу рабочие заряжают боеголовку плутонием, подвозят ее к проверочной комиссии, там ставят галочки в документах, пломбируют изделие, везут на выход… а на выходе двое людей в комбинезонах накидывают на боеголовку белый, в оранжевых печатях, чехол, и везут назад, в другой угол. Там за ширмой из бело–оранжевой ткани целый рой людей в комбинезонах. Они только что собранную боеголовку разбирают, свежий плутоний вытаскивают, на его место ставят чушки из обедненного урана, собирают, и вот теперь уже вывозят за пределы цеха. А плутоний упаковывают отдельно, в бело–оранжевые контейнеры, и везут к другому выходу…

Тут уж до стажера дошло, что это не розыгрыш. Он начал кричать, руками махать, хватать рабочих — что вы делаете?! Что тут, вообще, происходит?!

А рабочие на него — как на психа: «Люди в комбинезонах?.. Какие люди?.. Ты чего?..» А те, в комбинезонах, от дела отвлеклись, и на стажера нашего стали глядеть… С интересом…

Потом между собой пошептались, и пошли на стажера.

Стажер пытался убежать — но ведь их было много… Они шли на него со всех сторон… А рабочие стояли и только смотрели на него странно. Будто он указывает на пустой воздух перед собой, и все вопит: «Здесь чужие люди! Здесь чужие люди!..» Начал крутиться так, будто кто–то невидимый заламывал ему руки, и все кричал, чтобы на него не надевали халат с печатями… и тут рабочие перестали на него смотреть.

Вдруг начали озираться, будто что–то потеряли из виду. Стажеру показалось, в их глазах наконец–то стало проясняться, и…

Лис замолчал.

— И?.. — едва слышно выдохнул Пацак.

— В этот момент по громкой связи заиграла мелодия, на весь цех. Рабочие замерли. А когда мелодия доиграла, все только терли лбы и хлопали глазами — будто их выдернули с кровати посреди сна.

— А потом?

— А потом пожали плечами. Каждый подумал: что это за наваждение с ним было? И все вместе пошли дальше работать.

— А стажер?!

— Что — стажер?

— С ним–то что дальше было?!

— А кто знает? С завода он куда–то пропал, в общежитие не вернулся… Больше его не видели.

Минуту Пацак неуютно сопел в темноте, потом пропищал:

— Лис… Скажи, что ты это выдумал?.. Ведь так же не бывает, да? Люди не могут не замечать того, что у них перед глазами…

— Да ну? — хмыкнул Лис. — Увы, Пацак. Мозг постоянно себя обманывает. Закрой левый глаз, и смотри только правым — ты видишь дырку в изображении мира?

— Дырку?..

— А ведь она есть, это дырка…

— Дырка?.. Нет! У меня — нет, Лис! Точно!

— Мозгов у тебя нет! А дырка — есть…

— Но ведь ее можно заметить, — сказал Туз. — Какой–то король играл на скучных советах, «рубил» головы министрам.

— После того, как ему рассказали о такой возможности. Если точно знаешь, где искать, можно найти. А если не знаешь?

— Лис, Туз! Вы, вообще, о чем?.. — настороженно пробормотал Пацак.

— О слепом пятне, дитя стеклянной соски! О чем же еще?!

— О каком–каком пятне?..

Рыча от досады, Лис выволок Пацака в коридор и показал на

натуре, как рубить лампочки взглядом.

Пораженный Пацак мычал и блеял, даже когда Лис оставил его и вернулся в каюту.

— Вот тебе, Туз, и живой пример. Это при том, что вот этого вот должны были учить в школе и арифметике, и биологии. А миллиарды людей умирают, так и не узнав, что в их глазу есть «слепое пятно», и зрительная кора обманывала их всю жизнь, домысливая на месте этой дыры то, что там должно было бы быть… Заметь, Туз, это еще на уровне харда и драйверов. А сколько таких дыр должно быть на уровне софта и настроек?

— Их может вообще не быть! — огрызнулся Туз.

— Да? А второй рисунок Диснея помнишь?

— С Бушем? — сунулся в каюту Пацак. — У меня от него до сих пор мурашки, от его улыбки…

— Не от улыбки! Не Джоконда… Я понял, в чем прикол.

Лис снова вышел в коридор. На этот раз мы все сгрудились над рисунком.

— Вот смотри, Туз. Что ты тут видишь?

— Ну Буша я тут вижу, чего еще я могу видеть!

— Только?

— Да! Только!

— А вот у Пацака, наверно, раздвоение личности. Одна из частей его мозга видит еще кое–что, только не может внятно сообщить… Потому Пацаку и не по себе…

Лис перевернул лист и поднял его над собой. Так, чтобы свет лампы проходил сквозь портрет.

Бумага плохо пропускала свет, рисунок с обратной стороны было едва разобрать… и он был совсем другим.

— При смене контраста… — выдохнул Батый. — Вот зачем понадобилось так густо штриховать…

Из рисунка выступило то, чего раньше там не было. Из лица Буша, как в рентгеновском снимке, просвечивал череп.

— Ни хрена себе… — только и смог пробормотать Туз. — Ну Дисней и отжег…

— Господи! — прошептал Пацак. — Я бы не за что не догадался…

— Ты — не догадался, — сказал Лис. — Точнее, твое сознание. Лихой рационализатор труда, он же — ленивый внутренний цензор. Узнал на рисунке Буша, и решил, что больше здесь ничего нет, и искать не стоит. И похерил доклад той части твоего мозга, которая распознала тут что–то еще… И все это произошло без твоего сознательно участия, Пацак. Мурашки по спине гуляют, а откуда они вылезли? Не зна–аешь… Дисней сыграл на струнках твоей души, как на балалайке… И это

простенький портретик, Туз. На который мы глядели всего–то минуту. А теперь представь, что с твоим подсознанием может сделать штука, на которую ты тратишь несколько часов в день? И не один день, а каждый день, год за годом… И там не штриховано карандашом, а в цвете, со звуком, с движением, провоцируя тебя на постоянную реакцию…

— Несущая частота… — пробормотал Батый.

— Да все равно — бред, Лис! Даже если что–то такое там… Не сработает это! Кто–то заразился бы раньше, кто–то позже! А если зомби будут получаться по одному, пока вокруг еще нормальные люди, то таких одиночек сразу повяжут и развезут по психушкам. Выяснят причину, и все, больше в игру никто не играет! А тех, кто уже поиграл, под карантин!

— А если бы они все одновременно?.. — задумчиво пробормотал Батый.

— Да? Это как? Кто заставит сотни взрослых людей играть в дурацкую игру, причем всем одновременно?

— А если… — начал Лис, но Батый схватил его за плечо и стиснул так, что Лис весь скривился и…

Нет, не заорал. Замер с открытым ртом, прислушиваясь.

Сначала показалось, что звук был справа по коридору — шаги. Быстрые, легкие… Но это было эхо. Настоящие шаги прилетели слева — громкие, спешащие, много…

— Они!.. — пискнул Пацак и шарахнулся в нашу каюту.

Попятился и Туз… Мы с Лисом замерли… Только Батый шагнул вперед, чуть согнувшись, выставив руки, как борец…

Они вылетели из–за поворота. Четверо, еще один чуть сзади…

На нас они едва глянули, промчались мимо, остановились только у следующего поворота. Упершись руками в коленки, они тяжело дышали и глядели сквозь нас — назад. Туда, откуда прибежали…

Магнумцы, все пятеро. Только сейчас на самих себя не похожи. Гавайки взмокли от пота, лица болезненно–бледные, глаза — дикие.

— Мы же договаривались: держаться за руки! — просипел Фокс сквозь судорожные вздохи. — Бросили, козлы…

Четверо остальных поглядели на него, но ничего и не сказали. Снова уставились назад.

— Вы откуда? — спросил Туз.

— Шли до края бункера, — просипел Фокс. — Оттуда вдоль. До того шлюза, через который нас вводили…

— Нашли выход?! — воскликнул Туз.

— Хрена тебе, нашли!

— Не нашли?.. — увял Туз.

— Если он вообще еще есть, этот выход…

— Пошли не в ту сторону? — спросил Лис.

— Какая разница, в какую сторону идти?! — оскалился Шарк. — Край–то должен быть у этого бункера?! Уткнуться в стену, и идти вдоль нее! Обойти тут все по периметру — тогда мимо выхода не промахнешься! Если бы только он был, этот край…

— Мы пошли вдоль первого же коридора, не сворачивая… — просипел Фокс. — Шли, шли… Шли, шли…

— И?..

— Нет там края! — рявкнул Шарк. — Не знаю, сколько мы шли, пока обратно не рванули, только нет там края. И самим нам до выхода не добраться…

— А зачем вам выход?

— А вы собрались ждать, пока они решат, что с нами сделать? Хотите здесь подохнуть?!

— Почему — подохнуть? — нахмурился Лис. — Они хоть и военные, но…

Я взял его за локоть.

— Во–первых, — я постарался говорить мягко, — вам все равно не открыть тот шлюз. Во–вторых, что дальше? Даже если вы выберетесь на поверхность — это же дезертирство. Военный суд, приговор, срок…

Магнумцы переглянулись.

— Суд? — недоверчиво хмыкнул Шарк.

— Дезертирство?..

Магнумцы глядели на нас с Лисом, как на придурков.

А Туз косился, как на бедных родственников. Даже отступил на шажок в сторону. Чтобы не так стыдно.

— Они думают, — смущенно кивнул он на меня с Лисом, — что это все — бункер военных… И там, — он кивнул на черное стекло для плаката, — тоже… Военные, типа…

— Вот это все? — спросил Шарк, обводя головой коридор. — Во все стороны, ни конца ни края — военные?..

— На случай ядерной войны… — пробормотал Лис. — Еще в советские годы, наверно… Перед самым развалом…

— Да хоть на случай второго пришествия! Ты думаешь, такое вообще в человеческих силах?!

— Может быть, бункер не круглый, а вытянут в длину? — заметил Лис. — И вы как раз шли по самой длинной оси, практически из одного конца в другой… Уже почти дошли, может быть…

В коридоре уже хлопали двери, издали донесся голос Бюрга:

— Эй, Шарк! Вы где?

Когда магнумцы скрылись за выступом, Батый осторожно заметил:

— Возможно, им показалось, что они шли так долго? Они были напряжены, а когда человек сильно переживает, ощущение времени может…

— И еще шаги делали очень маленькие, да? — с досадой процедил Туз. — Возмо–ожно, может бы–ыть… — передразнил он. — Что угодно выдумаете, лишь бы не видеть того, что у вас под носом!

***

Свет сквозь веки. Подъем.

Я прислушивался, ожидая привычных голосов в коридоре — перекличка разных кают, все ли в порядке…

Я сел на кровати. Мигом проснулся. Батый и Лис тоже напряженно прислушивались — но в коридоре стояла тишина.

— Лис!

Лис кивнул и шмыгнул за дверь.

Туз и Пацак были уже у двери, но с Лисом не пошли. Внимательно разглядывали календарик.

— Опять изменился?

Они не отозвались. В дверь проскользнул Лис. Хмурый.

— Опять?! Кто?..

— Да нет… — пробормотал Лис, косясь на Туза с Пацаком. — Никто не пропал… Но…

— А почему так тихо?

Лис кивнул на дверь:

— Да вон так же… Стоят, изучают свои календарики.

— Что, все?

— Ну, почти… Главные крикуны.

Я внимательно оглядел наших изучателей.

— Туз?..

Туз дернул плечом, чтобы отстали.

— Туз! — гаркнул Лис. — Что вы каждое утро перед ним замираете, как мартышки перед удавом?

— Сам ты хомячок!

— Туз, правда, — позвал я. — По–твоему — это нормально?

Туз медленно обернулся на нас. Подозрительно оглядел, будто подозревал розыгрыш.

— А вы разве сами не чувствуете?

— Чувствуете — что?

— Ну, эти узоры… Вот, — он обвел пальцем завиток, — а вот он повторяется в уменьшенных копиях, только чуть иначе, а вот еще меньше и еще сильнее отличается… Узор как бы развивается…

— Ну, фрактал! — поторопил Лис. — Видим, не слепые!

— Ну каждый же день масштаб приближается?.. — Туз глядел на нас так, будто это все объясняло. — Ну?..

— И что?

— Ну, как же… Он все приближается, приближается, и… Вам разве не хочется узнать, к чему он придет? — Туз все оглядывал нас так, будто ждал, что мы вот–вот расколемся. — Какой он будет в итоге? В самом конце… Хочется же увидеть это… Вы разве не чувствуете, что он будто развивается?

— А еще он… надежный, вот! — сказал Пацак. — Я когда был маленький, у нас был компьютер, и там был такой скринсейвер, там трубы переплетались между собой. И если долго не трогать мышку, то на экране получалось тоже что–то вот такое же… — У Пацака от воспоминаний даже глаза затуманились. — А еще там был один скринсейвер, будто идешь по лабиринту, там еще иногда крыса попадалась, а иногда лабиринт вдруг переворачивался… И тут то же: будто вот–вот дойдешь до того камня, от которого лабиринт переворачивался, и… И все изменится…

Лис пощелкал пальцами перед его носом.

— А? — вскинулся Пацак.

— Пацак, ты еще с нами?

— Да ну вас! Я же честно хотел объяснить, а вы… Туз, ну скажи им!

Туз хмуро глядел на нас.

***

Уж лучше бы кто–нибудь пропал…

Хотя бы ясно, чей жребий выпал на этот раз. Кто угодно — лишь бы не ты!

Но никто не пропал. И Перископ ходил по столовой, как распорядитель жертвоприношений, помахивая своим палмом. Ребята сжимались, складывали руки, чтобы невзначай прикрыть догтэг… Будто это могло спасти.

Мы даже не успели начать играть, только разошлись по каютам.

Первые секунды после крика все просто замерли. Затем

начали осторожно выглядывать в коридор.

Прибежал бледный Перископ.

— Что случилось?! Кто кричал?!

Народ только пожимал плечами.

— В столовую! Все! Живо!

Пересчет по головам показал, что не хватает одного. Майор полез в палм, но тут в коридоре загрохотало, и ввалился Сова. Запыхавшийся и перепуганный, как загнанный заяц.

— Это ты орал?! Чего у тебя там, олух?!

— Н–нет… — Сова никак не мог отдышаться. — Не я… Услышал, как кто–то кричал… Вопил ужасно… Я подумал, что это там, в коридорах что–то…

— Что там может быть, в коридорах?!

— Н–не знаю… Но я подумал, что мне лучше обратно…

— Но если не ты… И не вы… Кто же орал?

Народ переглядывался, пытаясь бравурно отшучиваться — но получалось жалко. Уж больно жуток был вопль. Так кричат от чего–то такого, что и вообразить трудно….

Когда мы наконец разошлись по каютам, Лис признал:

— Все же на кое–что способен и ты, Пацак. Орал очень натурально. Я сам в кресле подпрыгнул. Не знал бы, обязательно повелся бы.

— Думаете, майор купится? — спросил Туз.

— Шанс есть, — сказал я. — В любом случае, это лучше, чем вслепую плутать по темным лабиринтам…

А через два часа Лис вернулся в каюту с победным видом:

— Есть, Мессир! Все как ты и рассчитал!

***

Тигра и Кеша были уже в начале лабиринта, когда майор уходил из нашего коридора. Ждали как раз там, где еще шаг — и вспыхнет первый светляк. Замерли в темноте, стянув ботинки… Перископ проплыл, и они за ним засеменили… Майор даже ни разу не обернулся. Пацак своим воплем вогнал его в задумчивость. Да и Тигра свое дело знает…

— Куда он их вывел? — спросил я.

— Как ты и говорил. Есть другой светлый остров, где живет персонал… — тут Лис нахмурился.

— Тигра запомнил, как они шли?

— Да. Кеша пытался мне пересказать все повороты, но у меня не его память. Мы с ним договорились, что он сейчас на бумажку

запишет, а я у него заберу…

— А ты чего хмурый?

— Да, понимаешь… Они когда вышли к этой Большой Земле, дальше идти не рискнули… Остановились на краю светлого коридора. Там голоса слышались, и вообще…

— Правильно, — кивнул я.

— Да, но пока они там стояли, подглядывая из–за угла… Майор еще не успел далеко уйти… И они говорят… — тут Лис пожал плечами и улыбнулся, почти извиняясь: — Они говорят, видели Шамана.

— Шамана? — изумился Батый. — Разве это не… выдумка?..

— Тигра его узнал. — Лис хмыкнул: — Правда, оказалось, Шаман умеет говорить. Он требовал от Перископа завершить проверку, а Перик…

— Завершить проверку? — перебил я. — Какую проверку?

— Господи, мало ему того, что он уже сделал с нами?.. — прошептал Пацак. — Что он еще задумал…

Лис пожал плечами.

— Вроде бы, так: завершить проверку. Или испытание. Они говорили про какой–то эффект второго порядка, или второго дна… Шаман говорил, что стало слишком опасно, и они должны быть осторожнее, и требовал от Перископа заканчивать тут все, а потом они стали спорить про персонал базы. С руганью, почти до драки.

— Персонал? А при чем тут персонал?

— Да я сам толком не понял! Я только с Кешей успел переговорить, а он почти ничего не расслышал, это у Тигры слух хороший.

— Проверка?.. — задумчиво повторил Батый. — Персонал?.. Он хочет ставить опыты и над персоналом?..

— А Тигра? — спросил я.

— Да они как вернулись, у Тигры догтэг сработал, к психологу пришлось идти… Придет, тогда уж уточним, что за проверка.

И маршрут.

Впрочем, вслух я этого не сказал. Надеюсь, до этого не дойдет, и маршрут нам не понадобится…

— Странно… — сказал Батый.

— Что?

— Слишком гладко у них все получилось. Все же в коридорах лампы зажигаются по определенным правилам. Неужели майор мог не заметить, что лампы за его спиной гаснут иначе, чем обычно?

— Ты думаешь, они врут? — спросил я. — Но зачем?

— За еду? А возможно, в последний момент испугались идти за майором. Отсиделись недалеко от входа в наш коридор, а теперь им стыдно признаться, что струсили.

— Лис?

— Да нет, не врал мне Кеша…

— А мог Тигра ему солгать? — спросил Батый.

— Ну, мы–то Тигру сами допросим, уж нам–то он не соврет…

— А если соврет?

— Не соврет! Это только Туз не хочет признать, что человек хуже компа, — уже рождается с прошитыми вирусами… А все нормальные люди знают: хомо сапиенс — он как модем, постоянно индикаторами подмигивает. Надо только уметь считывать. Глазные сигналы доступа называется.

— Как это? — спросил Батый.

— Очень просто, но лучше на пальцах… — Лис огляделся, чего–то ему не хватало. — Или на кошках… Пацак!

— Что?

— Иди сюда.

— Зачем? — насторожился Пацак.

— Иди, я сказал! Так. Морду подними… Батый, следи за его зрачками. Пацак у нас правша, так что запоминай по правому глазу… А ты, Пацак, вспомни, как выглядит входная дверь твоей квартиры. Можешь? Железная или с обивкой?

— Железная…

— А цвет какой?

— Ну… Темная…

— Точнее! Черная, коричневая? Блестит, не блестит? Шершавая?

— Ну…

— Хватит! Заметил, Батый? Куда зрачок прыгал?

— Вверх и к переносице?

— Вот! Это когда мозг честно достает из памяти зрительную информацию… А теперь, Пацак, представь, что на месте замка из двери — растет мухомор.

— Из замка — мухомор?.. — Пацак прыснул от смеха. — Это еще зачем?

— Представь, я сказал!

— Ну…

— Головка красная, на ней — три белых пятна! Посчитал?

— Д–да…

— Видел, Батый?

— Вверх и наружу?

— Ага. Так при подделке видео. Со слухом точно так же, только по горизонтали. А если человек напряженно выдумывает,

что бы такое соврать, чтобы вывернуться, — то глаза вниз и к переносице.

— Baby NLP… — презрительно процедил Туз.

***

Только учили глазные коды доступа они зря. Тигра не явился ни к обеду, ни к ужину.

— Ладно, а Кеша? — спросил я.

Лис мотнул головой.

— Не могу найти. К психологу, вроде, не вызывали. Но как я ни ходил, ни в коридоре, ни в столовой, ни в душевых — нигде нету…

— Может быть, он прячется от нас? — предположил Батый.

— Где? Я весь коридор обошел!

— А если он не в коридоре? Далеко в лабиринт не уходит, но…

Лис поежился.

— Даже если он там сидит… Кто туда пойдет?

Батый ответил ему мрачным взглядом, затем поднялся и вышел из каюты.

Но не прошло и часа, как наш охотник вернулся. Угрюмый и тревожный, сам не свой… Почти следом в каюту ввалился Лис:

— Есть! Быстрее со мной! Да быстрей же, пока и этот никуда не делся!

— Куда? — шепнул я, пока он тащил нас по коридору. — Нашел Кешу?

— Не Кеша, но определенно кое–что… — шептал Лис. — Иду я по коридору тихонько: может, правда он от нас прячется? И тут вижу… Кто–то еще крадется, прямо передо мной… Тоже ко входу в лабиринт… На углу вдруг замер, прижался к стене, в начало лабиринта выглядывает…

— Кеша?

— Да нет! Сова.

— У левого края коридора? — спросил Батый, вдруг нахмурившись.

— У левого, у левого… Стоит, глядит в лабиринт. Так увлеченно, что меня не замечает. А морда — как киноэкран. Сначала хмурый. Потом глаза — дикие, а сам чуть назад не отпрыгнул. Стоял так на углу, весь дрожал. Видно, отскочил бы назад, да шелохнуться боится… А потом вдруг — хлоп, по лицу будто рукой провели и все стерли. Полегчало Сове в миг.

Озираться начал, будто проснулся…

— А ты?

— Я в душевые заскочил, пока он меня не заметил. Вдруг запрется, если я его один расспрашивать буду? И бегать начнет от нас, потом хрен найдешь… Батый, ты знаешь игру в хорошего полицейского и плохого?

— Не в плохого и хорошего, а в доброго и злого.

— Значит, знаешь… Вон он!

Сова тихонько крался вдоль коридора. Заметил нас. Сжался, замер… Понял, что мы по его душу, и бросился назад — но Батый уже схватил его за одну руку, Туз за вторую.

— Ребят, вы чего… Не надо, пожалуйста… Я ничего не знаю… Я ничего не видел, правда!

Когда мы затащили его в каюту, Лис прикрыл дверь, Батый сделал зверское лицо и сграбастал Сову за воротник. Встряхнул. Аккуратно так, но его ручищами можно медведей душить. У Совы только зубы клацнули.

— Кто там был? — потребовал я. — Тигра? Кеша?

— Да не знаю я, правда! Я даже не успел рассмотреть, кто… Оно все так быстро случилось…

— Случилось? Что?

— Там по коридору… Прямо на него… Из темноты… — Сова замолчал, у него дрожали губы.

Батый еще разок его встряхнул, Сова залопотал, глядя в его узкие глаза:

— Он сначала попытался убежать, вырваться, но… Пытался кричать… Только рот уже зажало…

— Кто ему зажал рот? Их ты рассмотрел?

Сова перевел очумелый взгляд на меня.

— Их?..

— Кто на него набросился?

Сова нахмурился.

— Набросился?.. — как–то неуверенно пробормотал он.

— Ну ты же видел, кто это были! — не выдержал Лис. — Кто?

На лице Совы отразилось искреннее замешательство.

— Кто… — повторил он.

— Кто, да! Кто?! — вышел из себя Лис. — Ты же их видел? От кого он убегал и пытался вырваться? Кто–то же это был?!

Сова потер лоб.

— Да… Должно быть, был… Но…

Зрачки у него прыгали, как бисер по бетону.

— Сколько их было?

— А?..

— Сколько. Их! Было!

— Много… Очень много! — Сова облизнул губы и вдруг смутился: — Кажется…

— Ты же их видел?

— Там темно… Далеко, уже должны быть светляки, но почему–то не зажигались… Почти ничего не видно… Я только чувствовал, что это что–то плохое… Очень плохое… Оно шло из темноты, а он… Он не успел…

— Кто шло–то?! — почти прорычал Лис. — Люди?!

Сова не мог этого сказать. Он лишь знал, что это были… Было… Что–то… Появилось из темноты, из теней…

Сова вдруг заозирался.

— Спокойно, спокойно… Все нормально, здесь с тобой ничего не случится… Что было потом? С тем нашим, который был в коридоре?

— С нашим?.. — Сова страдальчески сморщился, пытаясь нащупать ответ. Вдруг его лицо прояснилось: — А потом все кончилось!

— Как? Они ушли?

— Ушли?.. — Сова потер лоб. — Нет. Оно… Изменилось?… — Его зрачки метались туда–сюда. — Перестало! Плохое кончилось! Оно… Или нет… Там… Там наши! Наши пришли!

— Наши? Кто–то прибежал из нашего коридора?

— Бюрг? — подключился Лис.

— Да нет! Там… — Сова опять сбился, беспомощно тер лоб. — Там…

— Кто–то ему помог?

— Они были в таких же куртках, как наши? — спросил я.

— Нет! Не наши куртки…

— Ты же сам сказал, что пришли наши! — рявкнул Лис.

— Наши, да! Но… Не наши…

— Да как же!.. — начал Лис, но я положил руку ему на плечо.

— А тот парень? — мягко спросил я. — Которого они схватили? Он был наш? В нашей куртке?

— В куртке… — бессильно кивнул Сова.

— С ним что стало? Он куда делся?

Но что с ним стало, этого Сова тоже сказать не мог. Лишь мямлил, что пришел в себя, когда понял, что все кончилось. Когда стало легко… Плохое ушло…

— Но делся–то он куда?! — зверел Лис. — Он тебе что, в тенях растворился?! Как сахар в чае?!

Сова, со страдальческой улыбкой, соглашался с Лисом: действительно, не мог человек раствориться в темноте… Но… Сова честно пытался вспомнить. Он пыхтел, как штангист под штангой, на его лбу вздувались жилы, — но ничего путного

выдавить из себя не мог.

— Ну хотя бы можешь вспомнить, что…

— Да не знаю я! — вдруг заорал Сова. — Не знаю!!! И вспоминать не хочу! Когда я пришел в себя, я был уже один! И слава богу!

— А Кеша? — спросил Туз. — Его ты бросил? Даже не попытался помочь?

— Хотя бы просто пройти чуть дальше и заглянуть за угол, куда его утащили?.. — с надеждой спросил Лис.

— Заглянуть?.. — повторил Сова, обводя нас взглядом. — Помочь?.. — он все наливался дурной кровью, да как заорет: — Это вам что?! Гребаная игра, что ли, чтобы бесстрашно лезть в любой темный коридор?! Это жизнь, придурки! Реал! Тут сейвов не бывает! Я чуть не обоссался, пока просто тихой мышкой стоял и молился, чтобы оно все кончилось и меня не заметило! Шелохнуться боялся! У меня еще чердак не настолько протекает, чтобы реал с игрой путать!

Я тихонько ткнул Батыя. Самое время для возвращения на сцену злого полицейского. Но Батый все стоял, какой–то задумчивый и потерянный… Сова грохнул дверью и был таков.

— Странно… — пробормотал Лис. — А ведь он не врет…

— Значит, тогда у меня галлюцинации, — вдруг сказал Батый.

— Что? Ты тоже это видел?

— Видел, но не совсем это.

— Как это?

— Когда искал Кешу и заглянул в лабиринт, мне послышались шаги, я прошел чуть дальше… Решил, что это может быть Кеша, и тихо шел вдоль стены, чтобы он меня не заметил… Прошел шагов пятьдесят, когда Кеша появился. Но не впереди, а позади меня, вышел из нашего коридора, позвал Тигру. Потом медленно пошел в мою сторону, и все звал: «Тигра? Тигра?» Я прижался к стене, свернул в боковой проход… Кеша медленно шел, поравнялся со мной. Я уже хотел его схватить…

Батый опустил глаза и замолчал.

— Что?

— Я следил за тем, как идет Кеша, — сказал Батый, будто стыдясь чего–то. — Не сразу заметил, что он напряженно следит за чем–то. Он вдруг попятился, а лицо исказилось от ужаса. Навстречу ему из лабиринта…

— Они! — громко прошептал Пацак. — Это…

В этот миг звучно щелкнуло, и свет в каюте погас.

— Свет! — вскрикнул Пацак. — Они уже…

— Не ори, дурак! — зашипел Лис. — Это просто отбой!

Лис приоткрыл дверь в коридор, где было по–прежнему светло, и поманил Батыя поближе к свету.

— Так кто его схватил?

— Его не схватили. Из коридоров вышли несколько… — Батый замялся.

— Не люди? — шепнул Туз.

— Люди, только…

— Крупнее?

— Нет же, обычные люди, но… В неподходящей одежде: в касках, в плащах, под ними бронежилеты…

— В форме? А чья?

— Наша. Но Кеша перепугался насмерть. Мне кажется, он бросился бы прочь, но от испуга не мог двинуться. Пытался что–то проговорить или закричать, но мог лишь сипеть. А они вокруг него сходились, Кеша попятился, и тут… — Батый замолчал и помотал головой.

— Ты мне в глаза смотри, — мягко попросил Лис и пальцем поднял подбородок Батыя. — Что было дальше?

— Кеша… Он как будто выключился. Лицо разгладилось, он расслабился… Спокойно стоял, пока они подходили. Дал взять себя под руки. Пошел с ними. Они свернули в боковой коридор напротив. Шли медленно, будто несли что–то хрупкое…

— Ни с того ни с сего Кеша выключился? — нахмурился я. — Ты ничего не пропустил?

Батый вздохнул и отвел глаза.

— Батый!

— Наверно, мне это просто показалось… Померещилось…

— Да говори, Батый! — зашипел Туз. — Если уж Сове поверили, то и твои откровения как–нибудь переживем!

— Те люди вдруг разделись.

— То есть как?.. Совсем?..

— Сбросили плащи, каски и бронежилеты, а под ними… Это была как форма, только… Материя и цвет… Слишком яркий, чтобы это было настоящей формой…

— Пустынная, что ли? — спросил Туз. — Желтая такая?

— Нет. Оранжевая. Ядовитого цвета, даже в темноте почти светилась… Но может быть, — вдруг быстро поправился Батый, — мне просто показалось. Там были темно! Я же не мог рассмотреть все это в сумраке? — он с надеждой, почти мольбой обвел нас взглядом.

— Нет, и ты тоже не врешь… — пробормотал Лис и отпустил его подбородок.

Лис вдруг как–то обмяк, бессильно прошлепал к койке. Закрылась дверь, погрузив нас в темноту. Скрипнули пружины

кровати.

— Лис? — позвал я. — В чем дело?

— Батый, полностью оранжевая? — спросил Лис, каким–то не своим голосом. — Совсем–совсем?

— Да… Только на груди и на спине…

— Большие буквы, — сказал Лис.

— Так ты их тоже видел?! — ожил Батый. — Я думал, что схожу с ума!

— А ты где их видел?! — удивился Туз.

— Я их слышал… — зло пробормотал Лис.

— Когда?

Но Лис потребовал от Батыя:

— Белые буквы?

— Да… Так странно… Прямо…

— На груди?

— И на спине тоже. По две большие заглавные буквы. Кажется, одинаковые… Не то «ИИ», не то «ЫЫ», в темноте трудно…

— Мы, — сказал Лис.

— Что?

— Там было: «Мы».

— Черт побери, Лис! — рявкнул Туз. — Ты–то откуда знаешь?!

— Весной позапрошлого года проскакивало в сети… В Штатах был скандал. В Техасе горели военные склады, все взрывало–разлеталось, и вместе со снарядами раскидало склады с одеждой. Вроде, сшита как полевая форма, но вместо зеленой или пустынной распятновки — она вся огненно–оранжевая, как у служб спасения. Это для военных–то, которые должны быть незаметны… И никаких знаков различия. Только на груди и спине — жирные белые значки. На некоторых русские буквы — «Мы». На других на китайском. Иероглиф, который обозначает «родной». Журналистов и возмутило, что совсем генералы страх потеряли, раз закупают такие оранжевые поделки, как нормальную форму. Судя по размеру складов, там таких оранжевых форм — на всю штатовскую армию, на каждого по два комплекта, да еще на канадцев с англичанами оставалось…

— Бред…

— Да, Туз. Именно так потом и сказали: снаряды взрывались, но никаких складов с одеждой не было. Неудачная первоапрельская шутка. К тому же, пока шутка размножалась по сети, она сильно мутировала, и вообще смешно такому верить… Только почему–то в поисковиках застряли первые сообщения с датами еще от середины марта.

— Да хватит, Лис! — сказал Туз. — Ты зациклился на этих американцах! Будто ужаснее них в мире ничего нет! А это не американцы… Это…

— Они, — шепнул Пацак.

— Они? — переспросил Лис. — Кто — они?

— Они! — упрямо повторил Пацак.

— Да кто?! Роботы из будущего? Сирены с Титана? Ктулхи со дна океана? Посланцы ада?!

— Я ведь серьезно, Лис… — обиделся Пацак.

— И я серьезно! Ну кто? Кто?! Ты можешь внятно сформулировать?!

— Хант говорит, что это какой–то… Ну, вроде параллельного мира… А это вроде плацдарма у них… Они пытаются имитировать людей, только пока плохо выходит, получаются как куклы… тот Шаман… Он у них главный… А стекла — чтобы наблюдать за нами…

— А–а, большие снежные люди из параллельного мира… — обрадовался Лис. — Нас исследуют, а потом поработят… Да НАХРЕНА?!!

— Ну, как же… — растерялся Пацак. — Ну… Земля… Пространство для жизни… А из людей они сделают рабов…

— Пацак, ну ты включи мозги–то, если есть! Если кто–то крут настолько, что может перемещаться по разным мирам, и играючи сделал вот этот бункер, и имитирует людей, как нечего делать… НАХРЕНА таким крутым тварям — кого–то порабощать? Тем более — тебя! Что ты можешь сделать ценного для них?!

— Ну…

— Только не говори мне, что они пустят нашу кровь на удобрение, или что мы живые аккумуляторы, а человеческий мозг — батарейка с лучшим на свете КПД!

— Ну–у…

— А тогда нахрена бы им была нужна вся эта мышиная возня с бункером и куклами под людей? Да они бы всех людей передавили легко и просто, как муравьев! И делал бы здесь дальше, что хотят! Они… Вот ведь в каша в голове…

— Это не люди, — сказал Туз.

— Туз, ну ты–то… Ну Пацак и эти — ладно, у них в голове опилки. Но ты–то?..

— Это не люди.

— Не сходи с ума, Туз, — сказал я.

— Это не люди! Они только маскируются. Они, и весь этот бункер… Разве такое под силу сделать человеческими руками?!

— Н–дя… — хмыкнул Лис. — Все–таки опилки… Даже не смешно.

— А ты думаешь, — вдруг зло сказал Туз, — что все знаешь о том, как устроен мир?

— В смысле?..

— Для существа, которое не владеет даже картой собственной головы, ты не слишком ли самоуверен, обсуждая вселенную, Лис? Ты уверен, что знаешь абсолютно все о том, как устроен мир?

— Что–то я не очень понимаю, куда ты клонишь…

— Вот ты нам столько интересно рассказал, — подозрительно подобострастно промурлыкал Туз, — а сам–то, значит, про доктора Катлмана никогда не слышал?

— Про кого, кого?.. — насторожился Лис.

— Доктор Катлман. Был такой нацистский врач, ставил эксперименты над детьми в концлагерях…

— Что–то я ни разу не слышал.

— Ну, начинал работать он еще в лаборатории Павлова, только его оттуда выгнали за чрезмерную жестокость опытов.

— Подожди… — влез Пацак. — Павлов — это который делал собак с двумя головами и разрезал им желудки?

— В частности.

— И из той лаборатории — его выгнали за жестокость опытов?..

— Угу. Только доктор Катлман работал с кошками. Брал котят, когда они только открывают глаза, когда у них начинает формироваться область коры мозга, отвечающая за зрение и распознавание образов, и помещал их в комнату, где все: стены, мебель, миска для еды, да и сами котята, — были выкрашены в мелкую полоску. И даже люди, когда входили в эту комнату, надевали полосатые халаты, ботинки и маски.

— Зачем?

— Потом, когда котята подрастали, он запускал их во вторую комнату. Где все было в мелкий горошек.

— И?

— Кошки сходили с ума. Слепли в один миг. Налетали на мебель, в ужасе отскакивали, — и носились так по комнате, бились о мебель и стены, пока не падали без сил…. Но если их поместить обратно, в полосатую комнату, постепенно приходили в себя.

— А если в первую комнату — поместить один предмет, выкрашенный в клеточку? — язвительно заметил Лис.

— А он делал еще круче, — с готовностью отозвался Туз. — Он брал обычный предмет, ни разу не полосатый или в горошек, самый обычный некрашеный комод. И заносил его в полосатую комнату…

— И что? — жадно спросил Пацак.

— Подросшие котята дыбили шерсть и ходили напряженные, но самого комода упрямо не замечали. Но доктора Катлмана заинтересовало другое. Когда он стал в полосатую комнату к уже подросшим кошкам из первой партии подбрасывать новых котят, только открывавших глаза. А обычный комод так и стоял в углу…

— Новорожденные–то должны были его видеть, — веско заметил Пацак.

— Должны. И они, вроде бы, даже видели — сначала… Но когда пытались подойти к комоду и вскарабкаться на него, остальные кошки, выросшие в полосатой комнате, вдруг становились тревожными, и отгоняли котят в другое место… Месяца через два котята из второго поколения уже не подходили к тому комоду. И даже когда вносили другие обычные вещи, они их совершенно не замечали. Будто их просто не было. Даже тревожиться перестали…

— И за это его выгнали? — спросил Пацак.

— Не совсем за это. Катлман хотел пойти дальше. Но смог продолжить свои опыты только во время войны, когда стал сотрудником доктора Менгеле. Работал с ним в фашистских концлагерях, но для опытов брал не всяких евреев, а только совсем маленьких детей — грудничков. Он пытался повторить свои старые опыты на людях, но…

— Не получилось? — с надеждой спросил Пацак. — Дети все видели нормально?

— Да нет, — сказал Туз. — Получилось, только не совсем так, как ожидал доктор… Катлман вдруг заметил, что дети ведут себя странно… Иногда груднички, когда их только начинали дрессировать в полосатой комнате, и они еще замечали обычные вещи… Иногда дети вдруг вели себя так, будто в комнату внесли неполосатый предмет, — в то время, когда в комнате ничего такого не было, все только полосатое…

— А на что они реагировали? — спросил Пацак.

— Вот и доктор Катлман тоже заинтересовался… Что могут видеть дети в комнате, где он сам и его лаборанты не видят ничего странного?..

— Ты хочешь сказать… — медленно и с натугой, будто пробирался через болото, проговорил Пацак, — что дети начинали видеть что–то… чего не видели сами лаборанты?..

— Не начинали видеть, а все еще видели, — поправил Батый.

— И что это было? — спросил Пацак. — Он выяснил? Туз!

— Он хотел это выяснить, даже начал ставить новые эксперименты… Только однажды утром его сотрудники пришли в лабораторию и увидели, что лаборатория совершенно пуста.

Пропал и доктор Катлман, и все дети, над которыми он экспериментировал, все его установки, картотека, все материалы… И как ни искали, ничего не нашли. Все будто в воздухе растворилось.

— Или как в наших коридорах… — прошептал Пацак и гулко сглотнул. — Он увидел что–то, чего не должен был видеть, да? Это они его забали…

Лис хмыкнул.

— Это все замечательно, Туз… Кроме одного: чего этим тайным, невидимым для нас хозяевам жизни, нужно от нас? Чего мы можем дать им такого, чего бы они не могли сделать сами? Чего такого важного они у нас воруют?

— А с чего ты решил, Лис, что у тебя должны что–то отнимать? Может быть, им от тебя нужно что–то такое, от чего тебе самому никакой пользы? На ферме, где содержат коров, коровы даже рады, когда их доят, иначе больно, может и вымя разорвать. А еще — коров на ферме кормят, чистят, обогревают зимой… Рай небесный. Никто и не думает их обкрадывать или обижать… Во всяком случае, до тех пор, пока коровы стоят в стойле и не пытаются выбраться из коровника в большой мир…

— А мы начали их видеть, — шепнул Пацак едва слышно. — Мы начинаем различать их, когда они притворяются людьми… Наверно, это только теперь нам Шаман кажется манекеном. А раньше он показался бы нам обычным человеком, может быть, вообще ничего странного не заметили бы… Это они…

***

Этой ночью пропали сразу семеро.

Тигра так и не вернулся. Кеши нигде не было. А главное, магнумцы… Утром их каюта была девственно пуста и чиста.

— Это потому, что они ходили, пытаясь найти выход, — шептал Бюрг. Сегодня даже он перешел на шепот с оглядкой по сторонам. — Они поняли, что магнумцы узнали, что это не бункер, что у него нет границы…

В столовой поджидал еще один сюрприз. Столы — пусты. Окошко выдачи закрыто.

Бюрг попробовал стучать — никто не отзывался. Он попробовал открыть силой — но стальной ставень даже не шелохнулся. Задраено намертво.

Народ толпился у входа, поглядывая на двери — Перископ придет, хоть объяснит…

Прозвенел сигнал окончания завтрака, а Перископ так и не пришел.

Наш коридор бурлил. Но одной стаей не сбивались, — мало желающих стоять возле черных окон, которые в любой миг…

Теперь грудились маленьким группками у дверей кают, где рядом не было окон. Но и совсем в каюты не забивались — то и дело по коридору прокатывалась перекличка. Стояли в проемах, в распахнутых дверях. Календарики на дверях — как гербы.

К обеду бурление усилилось:

— А где Сова?

Догтэг у него сработал сразу после завтрака.

— Спекся Сова?..

— И мы скоро тоже…

В столовой с завтрака ничего не изменилось. Те же пустые столы.

Пока народ тупо ходил по огромной столовой, снова стучал в ставень, где раньше было окно раздачи, — из–за стенки с тремя фонтанчиками раздался крик:

— Сюда! Здесь!

Нет, не труп повара. Всего лишь четыре коробки. Даже не запечатанные.

— Тушенка, галеты… Не понял. Это что — сухой паек?

А Перископа опять не было…

— Он же один из них… — шептались в коридоре. — Только лучше маскировался… А сам — как тот Шаман…

— И эти «психологи»…

— Все они…

— Понял, что мы и про него знаем… Потому и не пришел…

— Они. Они поняли, что мы все про них знаем…

— Теперь нас отсюда не выпустят…

Когда у Бюрга сработал догтэг, он побелел, как мел.

Из кают в коридор устремились даже те, кто еще изображал игру. Вокруг Бюрга грудились и торжественно молчали, как при покойнике. Кидали взгляды на конец коридоре, где свет растворялся в темноте, — и куда ему предстояло идти…

— А вот хрена вам, суки! — вдруг заорал Бюрг, белый как простыня. — А вот возьму и не пойду! — Он обогнул выступ коридора, и крикнул в темное окно: — Хотите взять меня? Сами идите сюда!.. Да, на свет! Идите сюда! А я не пойду!

На минуту все оторопели, потом…

— А знаешь, Бюрг… Правильно! Все верно, Бюрг. Я тоже не пойду, если у меня сработает.

— Да, точно! По одному они нас всех передавят. А вот пусть попробуют всех сразу!

— И не в темноте, со спины — а здесь, на свету!

Но продержался этот порыв недолго. Минут через пять все опять были бледные и нервные. Крики сменились шепотом:

— Будет что–то страшное… Я чувствую… Они…

— Да… Совсем скоро… Теперь они… Этого они нам не простят…

— Или сегодня ночью… Они…

Когда Батый осторожно уточнил:

— Они?.. Перископ?.. Военные?.. — у каюты Бюрга стало тихо–тихо.

Через миг затих и весь коридор, прислушиваясь.

— Что у вас там? Бюрг!

— Да так… — сказал Бюрг, нехорошо глядя на Батыя. — Алеут, говоришь… Хотелось бы еще знать, не врешь ли…

Бюрг бросил быстрый взгляд на календарик на двери, и тут же посмотрел на меня. Не лучше, чем на Батыя.

Я уже потихоньку отступал, стиснув край батыевой куртки. Лис отступал с нами…

Лишь в каюте мы почувствовали себя спокойнее.

Всего на миг. На моем рукаве завибрировал догтэг.

Лис и Батый замерли. Уставились на меня.

А я, как в тумане, все теребил догтэг, пытаясь уверить себя, что мне это только показалось…

— Мессир… Миш!

Я перестал теребить догтэг. Поднял глаза на Лиса.

Лис облизнул губы и хрипло проговорил:

— Пойдешь?..

Дверь рывком открылась, заставив нас шарахнуться прочь.

Но это был всего лишь Пацак. Словно пьяный, он мутно оглядел прихожую, нас, и шагнул в спальню. Принялся стаскивать белье со своей кровати, швыряя прямо на пол. Скинул и матрас.

— Пацак?..

Он попытался поднять кровать, но она была привинчена к полу. Он огляделся в поисках помощи — и только теперь по–настоящему заметил нас.

— Пацак?..

— Ломайте, чего стоите! Бюрг уже выломал ножку. Ей можно драться!

— Драться?..

— С кем?..

— С ними! С кем же еще! — Пацак вдруг понизил голос: — Там есть пятна… Понимаете? Кровь… Его не просто взяли. Они его… — Пацак заиграл желваками и опять принялся рвать ножку.

— Кого взяли?

— Пятна — где?

— Пока вы тут штаны протираете, стайлы ходил на разведку в коридоры! Туда, где они магнумцев распотрошили…

Пацак зарычал, вырывая ножку, весь покраснел от натуги, но ножка не поддавалась. Застонав с отчаянием, он окинул каюту взглядом… и вдруг что–то заметил. Пацак отцепился от кровати, выпрямился.

— Распотрошили?.. — промямлил Лис. — Но… Подожди, Пацак!.. Пацак!

Пацак выскочил из каюты так же резво, как и влетел.

Лис оглянулся на меня:

— Что это с ним?..

Потом подошел к двери, послушал, что доносилось из коридора.

— Что там?

Лис прикрыл дверь и прижался к ней спиной.

— Трындец… Кажется, это не только Пацака петух клюнув в задницу по самую маковку…

— А вы видели, — спросил Батый, — как он взглянул на наш календарь?

Батый указал на дверь:

— Это он календарь заметил, и тут же выскочил.

— Господи… — пробормотал Лис. — А если Бюрг со своими окончательно психанут и навалятся на Перископа, когда он придет? Это же военные… Никто не станет разбираться, кто именно Перископа… Всех засудят. Или прямо тут перестреляют… Или по психушкам развезут… Или на опыты лоботомируют, и Шаману отдадут… Или сначала засудят, а потом на опыты… Или сначала на опыты Шаману, потом по психушкам, а потом…

— Лис!

— Да я нормально.

Мой догтэг завибрировал опять, на этот раз настойчивее. Я поднялся.

— Все–таки пойдешь? — спросил Батый.

— Надо их предупредить, — сказал я, пытаясь уговорить прежде всего себя. — Если они и в самом деле кого–то убьют… Батый, не вылезай из каюты! Кажется, ты Бюрга раздражаешь… Лис, а ты походи пока? Поговори с ними. Осторожно… Как ты умеешь… Да?

Лис кивнул.

До туалетов мы шли с ним вместе, затем мне пришлось свернуть в темноту. Одному.

Едва исчезли отблески света из нашего коридора, я понял, что это было ошибкой. Щелкнул первый светляк — и тут же

послышались шаги.

Я старался не замечать их. Их нет! Это просто в моей голове… Только я чувствовал, что меня нагоняют. Сзади! Отрезав от нашего коридора!

Я шел вперед, ускоряя шаги, боясь оглянуться.

СЛЕВА!!!

Он был в боковом проходе — огромный силуэт, тянувшийся ко мне… Нет, это были не руки. Ствол автомата! За ним силуэт каски, бронежилет…

Оскалившись в беззвучном крике, я проскочил мимо. Зажмурившись, чтобы не видеть. Если не замечать галлюцинацию, она не причинит мне вреда…Ведь так?.. Так?!

Я влетел в стену, и удар освежил меня. Наваждение схлынуло.

Полная тишина. Никто не гнался за мной.

Их вообще нет! Только бы дойти до психолога… Сразу ему все выложу! Пока еще не поздно! Пока мне еще можно помочь! Надо смотреть правде в глаза: у меня тот же психоз, что и у Батыя. В темноте нам мерещатся вооруженные люди… В нашей форме… И от этого мне страшно…

Паршиво. Значит, игры все же покорежили мое подсознание.

Но ведь это же — еще не измена родине? За это же не расстреливают?! Пусть исследуют, пусть лечат, только пусть заберут отсюда, из этого лабиринта и от этого Шамана!

Номер кабинета над дверью горел, но дверь…

Дверь была не заперта. А в щели…

Я толкнул дверь шире, но внутри было темно. Даже оранжевый свет от светляка едва просачивался туда. Шага на два. А дальше — могильная темнота…

— Товарищ врач?

— Арищ ач!.. — выскочило из темноты, и я шарахнулся назад.

Спокойно, спокойно. Это всего лишь эхо… Только…

Вслед за эхом донесся еще какой–то звук…

Один из тех звуков, которые я уже слышал в этом кабинете. В темноте, по ту сторону лампы.

Только теперь и лампы не было…

Господи, а если Туз и Бюрг все–таки правы? Если тот, кто был за лампой — теперь просто кончил притворяться? А свет ему и раньше был не нужен…

Я шагнул прочь от двери, но остановился. А если… Если все же… Проверка на вшивость? И вот если убежишь, не зайдя внутрь — то вот тогда–то и запишут в свихнувшихся от игр. И не просто в свихнувшихся, а в опасных для общества. И вот тогда — точно

психушка с изоляцией… До конца дней…

— Товарищ врач!

Тишина.

А может быть, психолог просто вынужден был уйти, не дождавшись меня? Вызвали ответить на экстренный звонок из дома…

Но тогда почему кабинет не заперт?

А может быть… Если эм–стайловцы ходили на разведку как раз сюда? С ножками от кроватей… И там, в темноте, не шуршит — а ползет по полу человек, цепляясь из последних сил?..

Я жадно прислушивался к тишине за дверью.

Но теперь там было тихо.

Надо войти, пусть и на ощупь… Там должна быть лампа. Включить ее, развернуть за стол — и наконец–то увидеть, что же было по ту сторону стола…

Это шанс.

Единственный шанс убедиться, что там, в кабинете, по ту сторону стола, — все то же самое, что было бы и в кабинете обычного психолога. Потертое кресло, графин с водой, стеллаж с обычными медкартами…

Зацепиться за это знание, как за якорь, — чтобы не сойти с ума окончательно…

Я шагнул к двери, я даже сделал два шага внутрь — когда в темноте снова зашуршало. Прямо ко мне! Я отлетел от двери, и теперь уже ничто не могло остановить меня…

В нашем коридоре я рухнул на четвереньки, пытаясь отдышаться… и вдруг понял, что здесь неестественно тихо.

Я поднялся, на цыпочках дошел до изгиба коридора.

Ребята были здесь. Но… Группками они стояли под дверями, как манекены, и только их глаза повернулись ко мне…

Я шел мимо, а они стояли, следя за мной одними глазами. Не отрываясь. Лишь иногда кто–то кидал быстрый взгляд вбок — на дверь с календариком, будто боялся, что дверь могла пропасть, — и тут же снова на меня.

Добравшись до каюты, я захлопнул дверь и прижался к ней спиной. Господи…

Но вон — край кровати и на ней Батый. Вон и Лис. Он сидел на кровати, безвольно ссутулившись. Глядел куда–то в угол тупым взглядом.

— Лис?..

Он поднял на меня убитый взгляд.

— А, Мессир… Хорошо, хоть ты вернулся…

— Ты говорил с ними? Что происходит?

Но Лис лишь пожал плечами. Он качал головой и тер виски.

— Лис! Да что с тобой!

— Все, никакой я нахрен больше не Лис… Сдулся Лис. Был, был, — да весь вышел. Не могу подлезть ни в одну из их стаек. Смотрят на меня — как собаки на волка. Разве что глотку перегрызть не пытаются… Впрочем, я бы не поставил и ломаный грош на то, что они не вцепятся мне в глотку уже ночью…

— С чего это?

— Хрен их знает… Я думал, у них в головах опилки, но у них, оказывается, там стальные стружки… Если меня слух не подвел, у второй каюты шептались… — Он вдруг вскинул голову, посмотрел на меня с дикой надеждой: — Слушай, а давай все вместе уйдем к психологу? Пусть он нас ведет по своему начальству? Только бы подальше от этих…

Лис осекся, глядя на меня.

Батый побледнел.

— Что?.. — шепнул Лис одними губами.

— Нет никакого психолога, Лис… Никого нет…

Туз и Пацак вернулись в нашу каюту после отбоя. Распахнув дверь, окатив нас светом из коридора, долго стояли там, вглядываясь…

Наконец Туз зашел и сразу плюхнулся на свою койку, не раздеваясь. Пацак же сделал шаг, и снова замер, с опаской оглядывая нас…

— Дверь закрой! — прошипел Лис.

— Нет! Пусть свет, чтобы было видно… — силуэт Пацака повернулся в профиль, поднял голову к календарику на двери.

— Либо закрой дверь, либо выметайся.

С явной неохотой Пацак прикрыл дверь. В темноте скрипнула его кровать.

— Туз… — позвал Лис. — Ту–уз!

— Чего тебе?

— Туз, чего вы там, в коридорах?.. Будто ждете?..

— А вы сами разве не понимаете, к чему все идет?

— Что–то надвигается… — прошептал Пацак. — Совсем скоро… Разве не чувствуете?

— Не сходите с ума! — сказал я.

— Туз, ну ладно — Пацак, — сказал Лис. — Ладно Бюрг и его стая… Но ты–то должен понимать, что…

— Да это вы — сектанты! — вдруг яростно бросил Туз. — Вам в детстве нарассказали, что мир плоский и держится на трех слонах: на всесильных спецслужбах, тайном оружии и плохих американцах, — а вы и верите! Даже сейчас, когда вам из космоса привезли фотографию круглой Земли и под нос сунули, — все равно продолжаете молиться на своих трех слонов! По–прежнему

все валите на происки злых пиндосов, да?

— А игры? — осторожно заметил Батый. — Зачем нас заставляли играть столько времени?

— Да чтобы отвлечь!

— А плакаты в столовой на ту же тему? — спросил Лис. — Тоже чтобы отвлекать? Только не слишком ли изощренно они продуманы для этого?.. Допросы про пиратские диски…

— Н–не знаю… Может быть, и не просто так это все… Только совсем не так, как ты себе это представляешь!

— А как?! Как могут быть связаны пиратки — и твои человекокоровы, которые вдруг поумнели, и захотели выбраться из коровника?!

— А так! Если коровы в одном углу коровника в самом деле поумнели… Сначала они не сами бросятся на волю, а подговорят сбежать коров из дальних стойл… Чтобы проверить, не разозлятся ли хозяева? Американцы первыми просекли про них. Но решили пока своих людей массово не разлочивать. Кто знает, что будет с теми, кто прозреет, — когда они заметят, что прозревшие ведут себя как–то не так? Вот американцы и решили пока… Разведку. На чужой территории… То, что есть в играх — оно не зомбирует. Наоборот, это как антивирус. Ставит заплатку на глюк, который вшит в каждого из нас с младенчества. Американцы просто хотят узнать, как на прозревших людей будут реагировать они…

— А этот бункер?! А наши военные?!

— Это не бункер! И не наши военные, как ты не поймешь! Здесь вообще нет людей — кроме нас! Это их лаборатория… Тебе только кажется, что это наши военные… Они так маскируются… Заметили, что американцы что–то мудрят… И теперь пытаются понять, насколько опасны для них эти разработки… Насколько больше мы сможем видеть…

— Туз, не сходи с ума…

— Да это вы сошли с ума, еще в детстве!

— А календари? — спросил Батый.

— Что — календари?! — огрызнулся Туз.

— Почему вы стоите под ними, как под иконами? Смотрите на них, будто ждете откровения.

— Просто забавные рисунки! Что, нельзя?! Мне вот и запах роз нравится — и что теперь? Это тоже подлые американцы для чего–то выдумали?!

— И еще они — надежные, вот, — смущенно сказал Пацак. — Возле них спокойно… Словно кусочек дома… Им доверяешь… Я теперь только под календариком себя и чувствую спокойно…

— Кстати, да! — сказал Лис. — Молодец, Пацак. Чуть не забыл…

Скрипнула кровать, затем в темноте что–то клацнуло.

— А! — вскинулся Пацак. — Что это?!

Звук был такой, будто стальной крот грыз стену нашей каюту, да не просто грыз, а уже прогрыз, уже из стены вылезал…

— Дверь?! — вопил Пацак. — Это в дверь?!

— Тихо, тихо… — проговорил Лис. — Вы что? Тихо же все…

В самом деле, звук почти пропал. Хотя что–то тихо поскрипывало…

— Лис, это у тебя? — напряженно позвал Туз.

— Кажется, это от двери… — сказал Пацак, его голос ощутимо дрожал.

— Что — у меня? — как–то слишком спокойно отозвался Лис. — А, детишки требуют вечернюю сказку на ночь, уснуть не могут… Ну вот вам былица, как раз по вашу душу… Про Балтийское радио.

***

Однажды летом туристы, отдыхавшие в Карелии и на Ладожском озере, когда хотели послушать радио и настраивали приемники, иногда натыкались на странную волну. По ней передавали что–то необычное. Будто комариный писк какой–то, только разложенный по нотам. Как подключающийся модем. И кажется, что вот–вот настройка подключение завершится — да вдруг срывается, раз за разом… И так — все время. Каждый день. Одно и то же. Все длится и длится, будто модем все пытается настроиться, постепенно чуть меняются протоколы, звуки все время чуть разные, но все время — срыв связи, и новая попытка… Должно быть, кто–то из любителей электронной музыки развлекался.

Среди туристов нашелся генерал, который заметил, что радиостанция — явно пиратская. Идет на частотах, зарезервированных для военных. Когда вернулся в город, он написал запрос, что непорядок, и уже собрались послать радистов, чтобы выяснить, откуда идет сигнал — но как раз в этот день сигнал пропал. А на следующий день…

Заметили, впрочем, не сразу. Лишь на третий день.

Один из небольших городков–заводов, что при североморских военных верфях, перестал выходить на связь. Через день на головном заводе обеспокоились. Положенной отгрузки нет ни к вечеру, ни на следующий день. И телефоны не отвечают. А приехали в городок… КПП открыт. Внутри ни души. Пустые

улицы, ни человека…

Только в квартирах нашлись дети. Сидели, спокойно играли на компьютерах.

— А взрослые где?.. — шепнул Пацак.

— Ну да, детей с этого и начали опрашивать: где ваши памы–мамы и дедушки–бабушки? А они говорят, не знают. Ничего не знают, куда те делись. Проснулись — а их нет. Вот — ждут, играют пока…

И никаких следов. Все вещи в квартирах на местах, машины у домов стоят, одежда вся, ценности, техника… Только взрослых нет. А дети — очень спокойные. Особисты из Москвы месяц выясняли, пока все раскрутили. Оказалось, началось–то это все еще в начале лета…

— Что началось?

— Ну, началось с того, что в тот закрытый городок, где делают балки для подлодок, приехал торгаш из Тайваня. Предложил партию левых компов. Отцы города в лице местного эфсбэшника и директора завода сначала думали с него взяток настричь — а потом еще немного подумали, и решили, что можно проще. Сказали торгашу, что из госбюджета проведут какой–то статьей, но схема такая хитрая, что ему не понять, пусть просто поверит, и везет товар, а они ему уже наличными… Торгаш привез им целую фуру компов. Ее через городской КПП пропустили без вопросов, следом он сам на легковушке — а его тормозят: кто такой? с какой целью собираетесь въехать в закрытую зону, гражданин иностранец? Пока он глазами хлопал, КПП закрыли, и всех делов. Ни компов, ни денег.

— А зачем им столько компов? — шепнул Пацак.

— Часть перепродали… А часть — по дешевке раздали своим. Городок — все на одном заводе работают, считай, одна большая семья. Торгаш, конечно, подергался–подергался, там рыпнулся, сюда зашел, — но везде отлуп. Все схвачено. Только через месяц…

Приходит в город контейнер из Тайваня. Сначала отцы города удивились, потом сообразили, что это торгаш отправил контейнер им в подарок заранее, еще когда думал, что у них все на мази, и они будут и дальше содельничать. Там для компов разные безделушки, пачки дисков с программами… Ну, отцы города еще раз посмеялись над доверчивым торгашом, да и роздали это все своим. А среди прочего оказалась стопка дисков с забавной корейской игрушкой… Вроде многопользовательской ролевки, только почему–то сайта в сети — нет. Но в городе своих игроманов нашлось достаточно, дисков с игрой на всех хватило, и они стали по внутригородской сетке играть…

Подсели на игру так, что целыми бы днями играли. Игрушка — совершенно чумовая, восточная шиза во всей красе: длинноухие тетки с вот такими дойками и лицами, как у пятилетних девочек, в одних бронированных трусиках спустились в ад и наводят там порядок. Мочат чертей, которые все из себя такие серые и скучные, как измученные жизнью родители или там учителя из местной школы, профессиональные мучители детей…

А главное, еще и саундтрек в игре просто нереальный. Инструментал, мелодия выстроена вокруг одного риффа, он как бы повторяется, постепенно чуть меняясь, чуть меняясь… Ощущение такое, что этот рифф будто бы… Не завершен, что ли? Все время будто бы чуть–чуть ему чего–то не хватает. Будто раз за разом пропускается какая–то нота, которая сделает его завершенным… Ну как і без точки. Ребята даже хотели выковырять саундтрек из игры, чтобы прослушать конец — уж очень хотелось узнать, как же в финале будет сыграно, — но оказалось, что он как–то хитро синтезировался прямо во время игры. Причем используются и данные из игры, и время…

От музыки не оторваться — но и целый день сидеть за игрой не будешь? Кто ж тебе даст? Родители — половина рабочие, половина — военные. Нравы простые. Мигом по шее надают.

И тогда самый продвинутый из них сообразил: поставил свой запасной комп на круглосуточную работу и подсоединил к любительской радиостанции. А все ребята, когда не играли, просто брали плеер с радио, и слушали через наушники — когда по улице идут, или в магазин, или еще куда…

Родители стали замечать, что дети какие–то странные стали… Будто чужие… К своим родителям — с опаской, будто это призраки какие–то злобные, а не родные мать с отцом… А спросишь, в чем дело — молчат, как партизаны на допросе. Только глядят нехорошо…

Директор завода тоже заметил, что его девочка странная стала. Проследил, что она постоянно в наушниках. Ночью тихонько выяснил, что она слушает… И позвонил психологу, у них на головном заводе был хороший психолог… Только он не успел приехать.

Когда психолог стал слушать радио на той частоте, что ему директор назвал — там уже ничего не было. А попробовал звонить в городок, директору — не отвечает… Никто в городе не отвечает… Только через два дня приехал, вместе с другими с головного завода, разбираться, в чем дело — а там КПП нараспашку, и пустые улицы, только дети в квартирах играют как ни в чем ни бывало… А взрослых — никого…

— Так что, так и не узнали, куда они делись?.. — шепнул

Пацак.

— Может быть, ничего бы так и не узнали, да случай помог… Оказалось, в городок тот, как раз за день до того, как все случилось, с головного завода приехали два сантехника, но за один день не справились, и остались ночевать, прямо в подвалах… Они–то и видели, что ночью произошло… В подвале заперлись, свет погасили, и так отсиделись, пока через три дня не приехали люди с завода… Они–то и помогли эфэсбэшникам узнать, что произошло в последний день…

— Что?

— Сначала они услышали, как из открытого окна лилась странная мелодия, не мелодия… Все пищало, пищало, пищало — а потом вдруг оборвалось, уже поздно ночью, почти перед рассветом, когда в городе ни одного светлого окна не осталось, все спать легли…

— А потом?..

— А потом… Ну, потом сантехники показали, куда дети тащили тела. На краю города, там старый подземный причал для подлодок, уж лет двадцать как заброшенный… Их всех вместе там и нашли. Плавали там, как дохлые рыбы в аквариуме… Они даже не сопротивлялись, как выяснилось, — их всех во сне задушили…

Минуту было тихо, затем Пацак тревожно сказал:

— Туз, а ты помнишь, как ты рассказывал им… Ну, про календарик? Я бы так точно не смог, а ты им рассказал. А теперь.. У тебя тогда получилось прям слово в слово, как Лис сейчас про ту музыку… Да?..

— Дур–рак! — неожиданно зло рявкнул Туз. — Это не я почти теми же словами! Это он почти теми же словами! Наша рыжая морда решила поиграть в постмодернизм, сказочница доморощенная! Городок тот случайно не Гаммелинкой звался? А, Лис?

Лис молчал.

— Сволочь ты все–таки, Лис…

Но Лис не ответил.

Мы все слишком вымотались за этот день — и эту ночь. Наверно, уж подъем скоро…

***

— КАКОГО ХРЕНА!!!

Кажется, я только закрыл глаза, только уснул…

— КАКОГО ХРЕНА?!! — все вопил надо мной Пацак. —

КАКОГО ХРЕНА?!!

— О, черт… — сказал Туз.

Я сел. Включившийся свет резал глаза, в голове все мешалось, а Туз и Пацак были уже у двери. Изучали календарь.

— Нет?.. — спросил Пацак.

— Нет…

Они глядели друг на друга. Говорили друг с другом так, будто нас с Лисом и Батыем тут вообще не было.

— Туз?.. — позвал я.

Туз все–таки обернулся.

— Туз, что…

— Оно не изменилось… — Туз в отчаянии кусал губы. — Не изменилось… Оно…

Он снова уставился на календарик, провел по нему дрожащей рукой.

Лис сидел на кровати, обняв колени, — и внимательно, слишком внимательно глядел на Туза и Пацака. Кажется, он что–то понимал…

— Нет, не может быть… — сказал Пацак и обвел каюту таким взглядом, будто ему только что сказали, что маньяк вырезал всю его семью.

— Подожди–ка… — вдруг сказал Туз и почти вплотную приблизился к двери. — Тут… Суки!!! Гады!!!

Он крутанулся, прижавшись к двери спиной, и дико смотрел на нас.

— Так вы тоже… Из них…

— Туз?.. — мяукнул Пацак несчастно.

Секунду Туз глядел на него так, будто готов был убить, затем схватил за рукав и подтащил к себе. Вбок. За спину. Чтобы не мешался.

Теперь он переводил взгляд с меня на Лиса, с Лиса на Батыя.

— Так вот вы, значит, почему не со всеми… Подсадные… Замаскированные…

Пацак уже выпорхнул за дверь, и вдруг заголосил:

— Туз! Туз! Да! Да! Уже!

Забыв про нас, Туз метнулся наружу:

— Уже?!

В полуоткрытую дверь было слышно, как он бежал по коридору. Скрипнула дверь соседней каюты…

— Пора, — донесся изменившийся, неожиданно холодный и деловитый голос.

Одними губами Лис прошептал:

— Трындец…

— Что ты сделал?

— Вот, — он достал из–под матраса ложку, край которой где–то уже успел заточить. Указал ею на дверь. На календарик. — Там в щели виднеется шлейф, ну и я его…

— Так это ты вчера в темноте?..

— Как чувствовал…

— Они там! — донесся из коридора голос Туза. — Они там, в нашей каюте! Это они!

— Трындец… — прошептал Лис, побледнев.

Первым среагировал Батый. Он вскочил и пронесся до двери — как раз вовремя, чтобы захлопнуть перед носом у Туза и Бюрга. В дверь замолотило, она поддалась… Оскалившись от натуги, Батый вжал ее на место. Уперся ногами в стену, почти растянувшись на полу прихожей.

— Сильнее! — взревел Бюрг за дверью.

— Бюрг! — крикнул я. — Какого дьявола?! Бюрг, что вы делаете?!

— Мессир?.. — кажется, на миг Бюрг опешил.

— А кто еще?!

— Тогда пошли!.. Пошли… С нами!

— Куда?

— Зачем? — прибавил Батый, и тут же за дверью крикнул Туз:

— Бюрг! Это же они! Там тоже они, только маскировались! Они хотели нам с Пацаком помешать! Сломали наш индикатор… Там — они!

На дверь навалилось с новыми силами…

— Бюрг, Бюрг! — заголосило в коридоре. — Мы только что!.. Смотри!..

— Два?

— Бюрг! Бюрг! Там…

— Держите выход! — рявкнул Бюрг. — Дай мне!

Напор по ту сторону двери ослаб.

Звук бегущих шагов… Крики…

И вдруг дикий вопль:

— ЛЕ–ЗУ–У–УТ!!!

Грохот, и звон осыпающегося стекла…

***

Крики и шаги…

Они то приближались к нашей двери, и тогда мы наваливались на дверь, — но шаги затихали в стороне или

проносились мимо.

Иногда были вопли. Иногда кто–то стонал…

Старенькие механические часы Батыя показывали, что прошло сорок минут, но они определенно врали. Прошла целая вечность.

И снова шаги…

— Навались!

Но Батый вдруг вскинул руку. Прижался к двери ухом. Побледнел.

— Стреляют… — шепнул он.

Теперь и я различил. И еще голоса…

— Что там? — шепнул Лис, пробиваясь к двери.

— Тихо ты…

Но кажется, все стихло.

— Батый?..

Батый напряженно вслушивался, наконец оторвал ухо от двери — и в этот миг с той стороны на дверь навалилось так резко, что нас троих отбросило, дверь пошла внутрь…

Батый с разгону бухнулся в дверь плечом, навалился, загоняя ее обратно.

— Кровати! Тащите кровати!

— По–хорошему откройте, суки! — заорало в щель. — Автомат! Дайте сюда! Дай сюда очередь!

— Господи, — побелел Лис. — У них там автомат… Они кого–то уже…

— Кровати!!! — заорал Батый. — Иначе они через дверь…

— Лис!!! — заорал я.

Я был уже в спальне, пытался выдрать из пола привинченную кровать…

— Сюда, сюда! — надрывался кто–то за дверью. — Они там! Сюда! Автомат — сюда!

Мы с Лисом пытались протащить кровать в проход, когда где–то вдали за дверью проорало:

— Коридор! Держи коридор! — кажется, это был голос Бюрга, и тут же вдали ударила короткая очередь, и еще одна. — Не дай им взять в клещи! Пробивайтесь во второй боковой!..

Мы притащили вторую кровать и соорудили баррикаду, теперь от двери можно было отвалиться, и даже стреляй они через дверь… Но в дверь больше не ломились.

Крики постепенно стихали, выстрелы стали дальше и реже…

Батый утер лоб. Еще раз проверил, крепко ли кровати держат дверь. Я хотел ему сказать, что лучше не трогать, пока все… но вдруг понял, что Лиса уже давно нет рядом.

Батый, следивший за мной, тоже побледнел. Одновременно

мы поглядели в проем спальни.

Тихо.

Только какое–то непонятное шуршание…

— Лис?.. — позвал я.

Мы с Батыем дернулись прочь, когда в двери… но это был всего лишь Лис. Обычный. Привычный. Только малость задумчивый. А в руке у него…

— Из кроватей выпало, — сказал он.

Присел рядом с нами, прислушиваясь к подозрительной тишине за дверью, разглаживая на полу стопку клочков, исписанных крохотными, как полоски песчинок, строками.

— Дневник, вроде.

— Чей?

— Мы здесь не первые. До нас была как минимум еще одна… — Лис осекся, когда Батый поднял палец к губам.

— Что?..

— Совсем стихло… — шепнул Батый. — Только… — Батый нахмурился.

— Они до нас были, ровно столько же, — прошептал Лис. — И в каюты их так же заселяли, и пропадать стали так же…

— Дай! — потянулся я.

— Подожди, не сбей! Только разложил…

Батый вдруг затряс руками, требуя заткнуться.

— Да дай же! — прошипел я Лису. — Конец! Что в конце?! У них тоже было… это?..

Лис судорожно залистал, нашел листок, не заполненный до конца.

— Выстрелы… — бегал он глазами. — Крики… Да! У них тоже…

— А после?!

«Да тихо же!» — беззвучно заорал Батый.

Я ничего не слышал, но я чувствовал, что он прав, и что–то наползало по коридору, все ближе к нам…

— Конец, Лис! — орал я одними губами. — Конец! Что с ними стало?

Батый весь напрягся, напряженно вслушиваясь к тому, что за дверью…

Лис пробежал глазами место, где строки обрывались — и на его лице появилось удивление.

— Стук…

— Что?

— Стук.

— Что — стук?!

— Стук, — повторил Лис. — Протянул бумажку, доказывая

мне. — Вот, последнее слово…

Стук!

Что–то стукнуло в дверь с той стороны, сухо и резко.

Батый отскочил от двери, прижался к стене напротив.

Листки в руке Лиса затряслись.

Я замер.

В дверь стукнуло еще раз, настойчивее: стук, стук! Стук!

4. Лицом к лицу

ВНИМАНИЕ! Если все проще некуда, вы все пропустили.

Хардпи Ксельхантинг

(плакат в исследовательском секторе Ковчега)

Удар в дверь.

Батый сжал стальную ножку от кровати. Одними губами шепнул:

— Лис, от двери!

Удар!

Лис, распластавшись по стене рядом с дверью, чтобы не зацепило, если будут стрелять, прижался ухом к щели…

Хотя не уверен, что те, кто по ту сторону, будут стрелять… И эта ножка от кровати, и Батый, со всеми его мускулами, все будет бесполезно против них…

Удар!!!

Баррикада из разобранных кроватей жалобно заскрипела. Без нее дверь уже давно выбило бы. Но и с ней недолго осталось…

— Лис, от двери! — прорычал Батый.

Жилы у него на шее напряглись, под кожей словно натянулись веревки. Пальцы на железной ножке побелели.

И тут Лис…

Он повернул к нам лицо, и Батый замер. Замер и я.

Лис, чуть сдвинув брови, глядел на нас — но не видел.

— Лис?..

— Они говорят… — шепнул он. Теперь я понял, что он просто прислушивался к тому, что за дверь. — Вменяемо…

Я шагнул к двери. Батый попытался удержать меня, но я сбросил его руку. Прижался к щели с другой стороны двери.

Да, там были тихие голоса… Незнакомые, не кто–то из ребят. Напряженные. Но совершенно точно человеческие — и не сумасшедшие!

Не сговариваясь, мы с Лисом стали разбирать баррикаду.

— Эй! — Батый бросил взгляд на меня, потом на Лиса, будто решал, кого оттаскивать от баррикады первым. — Вы… Ребят, вы…

— Все, Батый! — воскликнул Лис. — Тех психов

перестреляли! Это спасательная команда!

— Или не спасательная, — сказал я, — а для зачистки оставшихся психов. Лучше нам открыть самим. Быстрее, Батый! Если не хочешь, чтобы и нас положили, как их всех!

Лис уже смог приоткрыть дверь. Выглянул.

— Спокойно, — произнес размеренный голос по ту сторону двери. — Выходим по одному. Оружие, палки, железки оставить в комнате.

— Батый? — шепнул я.

Батый с явной неохотой расстался с ножкой от кровати. Когда он протиснулся в приоткрытую дверь, я еще раз огляделся и тоже вышел.

— Все? — спросил меня незнакомый капитан в полевой форме.

— Да, — сказал я.

— Андрей, проверь!

Двое автоматчиков порхнули в каюту.

Оставшиеся оглядывали нас, мы оглядывали их…

Трое стояли вокруг нас, наизготовку, нацелив автоматы на нас. Четверо других были без автоматов. В странных серых комбинезонах, из оружия только пистолеты, да и те в кобурах. Эти четверо странно держали руки: приподняв к воротникам, будто их знобило, и они хотели поплотнее закутаться, — комбинезоны на них сидели мешками. На несколько размеров больше, чем надо.

Нет, все–таки это был не озноб. Они не кутались. Лишь держали пальцы у застежек, — напряженно, как ковбои в вестернах держат пальцы над рукоятью револьвера в кобуре на бедре. За миг до того, как на ратуше ударят часы, и тогда будет решено, кто тут самый проворный…

Один из них вздрогнул, дернул было руками — но тут же зашипел его сосед:

— Не снимать!

У этого были прозрачные, рыбьи глаза убийцы. Нацеленные на нас. Его пальцы медленно перебирали воздух у воротника, как плавники пираньи перед броском.

— А если они…

— Не снимать! Приказ Омуля. Глушить только в крайнем случае.

— Ему легко… Там…

— Не снимать! — сквозь зубы повторил бесцветноглазый. — У них может быть что–то сложнее. А от глушения — перегруз, полный… Концов не найдем.

Мы с Лисом переглянулись.

Это не очень обнадеживает, когда тебя при тебе же обсуждают в третьем лице. Будто ты уже разделан и расфасован по пакетикам, и даже бирочки с полным химическим составом аккуратно наклеены…

Слева из коридора послышался хруст битого стекла, быстрые шаги, и вышли еще два автоматчика, а за ними Перископ. Лис бросился к нему, как к отцу родному:

— Товарищ майор! Скажите им, что мы…

— Стоять!!! — рявкнул капитан автоматчиков.

Все солдаты отшатнулись от нас, расширяя круг, но удерживая нас на прицеле. А те четверо, что были в серых комбинезонах, стиснули воротники.

— Ни с места!!! — повторил капитан.

На шум из нашей каюты выскочили двое автоматчиков, и я почувствовал, как мне в затылок уперся ствол.

— А–атставить! — скомандовал Перископ. — Спокойнее, ребята… — Он внимательно оглядел нас. — Живые, не кусаются?

— Чисто, — доложил тот, который вжимал дуло мне в затылок. — Ни трупов, ни оружия, лишь баррикада перед дверью.

Перископ грустно покивал, разглядывая нас.

— Только трое, значит… Выводите их, быстро!

***

Сначала под ногами хрустело стекло, — все доски под плакаты были разбиты. И стекла, и сами железные задники был пробит или разодраны, виднелась глухой бетонной стены за ними.

Потом мы шагнули в темноту лабиринта…

— Быстрее, быстрее!

Оранжевые светляки вспыхивали и гасли. Стук шагов прыгал между бетонных стен как горох. Мы все ускоряя шаги, почти бежали.

Солдаты больше не смотрели на нас. Автоматчики целились в провалы темноты на перекрестках, едва озаренных оранжевыми светляками…

— Вы еще не всех наших поймали? — шепнул.

— Да здесь не только ваши бродят, — шепнул ближний автоматчик.

— А кто ещ…

Меня схватили за руку, я рванулся прочь — но меня схватили намертво, не отпускали, а горл перехватило, я онемел, ни звука

не вырывалось из горла…

Только это оказался Батый.

— Видел? — шепнул он.

— О, господи… — прошипел я. Меня трясло. — Что?

— У этих, — Батый быстро дернул головой на солдата в сером комбинезоне. — Под комбинезоном…

— Что?

— Оранжевое что–то…

Но я уже увидел другое — как из оранжевого сумрака выплывало белое пятнышко. Ближе, ярче, крупнее… Дошли! Вот она, их Большая земля! Второй обитаемый коридор в этом огромном бункере. И наше спасение! Наверх, в нормальный мир!

***

Но сразу за поворотом стояли рифленые стальные пластины. Из амбразур торчали дула.

— Через металлоискатель и лицом к стене, руки на бетон, ноги расставить!

На нас рявкали, грубо хлопали, обыскивая, — но вокруг был свет. Ярко освещенный коридор! После темного лабиринта это казалось невероятным чудом.

И размеренная возня солдат… Деловитая. Надежная!

По ту сторону заграждения подошел солдатик даже без бронежилета — и даже без оружия. Не обращая на нас внимания, он шагнул к нише, где висел плакат, и стал его сдирать, я успел рассмотреть только начало, да конец подписи: «ВНИМАНИЕ!…..пи Ксельхантинг», и тут же повесил на его место новый, на лиловой бумаге: «Любопытство есть десант, настойчивость плацдарм знания!»

И от это незамысловатой сентенции мне вдруг сделалось…

Ведь все позади! Я огляделся, будто только теперь пришел в себя.

Светло, спокойно…

Дышать будто легче стало. Будто мир изменился…

— А вы чувствуете? — я потер лоб. — Будто наши все, родные?..

— Ну я чувствую, — Лис шмыгнул. — Как будто в наш мир вернулось солнце…

И даже Перископ нам ухмылялся. Но не ехидно, как раньше, — а как добрым приятелям.

— Я… Я тоже рад, что хоть с вами мы свиделись… — мягко

улыбнулся он и потрепал Лиса за плечо. — Ну пошли, мои салажки.

И вот мы по другую сторону заграждения… Наконец–то!

Автоматчики и серые осталась у блокпоста, дальше нас вел один Перископ. Мы крутили головами, пытаясь издали углядеть, где же проход в тот великанский зал с теми огромными воротам, через которые нас выведут на поверхность.

И только Батый глядел букой.

— Батый, а ты чего как не родной?

Нет, он был не зол… Скорее, какой–то осоловевший, как выброшенная на берег рыба.

— Батый?..

— Н–не знаю… Какое–то предчувствие нехорошее…

— Предчувствие? — хмыкнул Лис, не поверив. — У тебя?!

— Расслабься, Батый, — шепнул я. — Все позади. Теперь все будет нормально.

— Happy end, — кивнул Лис. — Спорим, вон за тем поворотом тот зал и фоллаутовские ворота?

— Н–не знаю… Я даже в книгах не верил в счастливые концы…

— Э, э, Батый! — возмутился Лис. — Ты это кончай! В счастливые концы он не верит… Если ты будешь так думать, никогда у тебя в жизни счастья не будет! Это еще дедушка Берн учил… — Тут Лис даже остановился. Круто развернулся к Батыю и театрально вгляделся ему в лицо. — Подожди–ка… Ну–ка, вспомни хорошенько: ты не верил в счастливые концы и до того, как сюда попал — или только теперь начал так считать?

Лис все больше строгости на себя напускает, уже суровый дознаватель:

— Может быть, кто–то вбил тебе эту установку? Уж не хочешь ли ты сказать, Батыюшка, что плохой конец случится при твоем деятельном участии?

— Эй, салаги! — окликнул Перископ. — Чего встали? Хотите остаться?

— Лис, отвяжись от Батыя, — шепнул я. — Пошли лучше! Батый, и ты тоже… Расслабься! Уже все позади. Мы не в книжке и не в учебнике психологии, и дурацкие жанровые правила к нам неприменимы. Если бы мы были в книжке, помощь не подоспела бы к нам раньше, чем мы сами сошлись бы в бою лицом к лицу с главным зло…

Я налетел на спину Лиса.

Он встал как вкопанный. Как повернул за очередной выступ, так и встал.

— О, нет… — прошептал Лис с таким отчаянием, что я

похолодел.

На вмиг онемевших ногах я обошел его и заглянул за угол. И тоже превратился в соляной столб.

Все позади?

Нет, не кончено…

Ни черта еще не кончено…

***

В первый миг мне показалось, что это манекен. Лишь когда он моргнул, я поверил, что он в самом деле живой.

— Шаман?.. — не веря самому себе, пробормотал Батый над моим ухом.

Мы глядели на него, он смотрел на нас.

Прямо на нас. И его планшетка была с ним.

На миг накатило отчаяние…

Я пихнул Лису в спину и прошипел:

— Быстрее! Быстрее мимо него, черт тебя дери!

И бросился вперед, прихватив за руку Батыя. Вслед за удаляющимся Перископом, быстрее за ним, и к черту все, что тут! Бункер, Шамана, бойню… К черту все, только выведи нас к тому шлюзу, майорушка! Подними на поверхность!

Я почти пробежал мимо Шамана, стараясь больше не смотреть на него. Но даже кожей, даже спиной я чувствовал его взгляд. А кроме взгляда еще…

Он сидел в нише, на выступе вроде подоконника. На коленях планшетка. А сбоку на планшетке было что–то похожее на… антенну? Что бы это ни было, оно было нацелено прямо на нас. Медленно поворачивалось, вместе с планшеткой, все время целя в нас. Как и глаза Шамана.

Рано, рано отстали автоматчики! Не коридоров им надо бояться!

Я промчался мимо него. Вперед! Только дойти до поворота коридора! А уж бетон защитит. Надеюсь…

Лис семенил еще быстрее меня, а вот Батый…

— Быстрее! — прошипел я, не оборачиваясь. — Быстрее!

— Но у него…

— Вот именно! Быстрее!

Схватив Батыя за локоть, я тащил его за собой, но Батый поддавался с неохотой. Большой, тяжелый, и вдруг такой медленный и безвольный, как кукла из студня…

Все–таки я дотащил его до изгиба. За изгиб! Фу–у–у…

Когда я чуть пришел в себя, Лис уже нагнал Перископа и висел у него на руке.

— В–вы… Вы сейчас видели?..

— Что?

— Как восковый… манекен….

— Да о чем ты?

— В нише он сейчас сидел?.. — Лис шмыгнул. — Наблюдал наш коридор?.. Будто робот…

— А, Омуль, что ли? — Перископ мягко улыбнулся: — Нет, этот живее всех живых. — Перископ посерьезнел. — С другой стороны, а каким должен быть идеальный глава службы безопасности? Кремень–человек. Если что решил, своего добьется…

Лис оглянулся на меня. Вид у него был — как у оглушенного.

— Но ведь вы сейчас выведите нас отсюда?..

— Пошли, пошли, — Перископ двинулся дальше, прихватив Лиса за плечо.

— Отпустите на поверхность, да? — все канючил Лис. — Мы же не опасны? Нас…

Он заткнулся.

Я тоже заметил: впереди, в самом центре коридора трое солдат монтировали странную конструкцию. Что–то на треноге, броневые щитки, какие–то моторчики… и крупнокалиберное дуло. Оно уже работало. Над дулом была камера, помигивала красным глазком. Тихо жужжа приводами, пулемет повернулся и нацелился на нас.

И поворачивался вслед за нами, пока мы проходили мимо, вжимаясь спиной в стену.

— Не пластайтесь, — усмехнулся Перископ, — это всего лишь автоматическая турель.

— Зачем? — спросил Лис.

— Последнее слово нашего хай–тека, только вчера привезли. Омуль распорядился тут же установить.

За следующим поворотам было еще две турели. Обе уже глядели на нас дулами, когда мы выходили. Среагировали на звук шагов еще до того, как мы свернули?

— Омуль?.. — пробормотал я.

В моей голове с трудом укладывалось, что наш Шаман — и их глава службы безопасности одно и то же лицо. О, господи…

— Но зачем это здесь?! — Лис попытался вырваться из–под руки Перископа. — Ведь все же кончилось?!

Я тоже остановился.

— А вы нас к воротам ведете?..

— Да мы уже пришли.

Лис все–таки выкрутился из–под его руки:

— Как это — пришли?! Вы же не хотите нас оставить здесь?! Снова?!

— Заходи, заходи.

— Вы что? — попятился назад Лис. — Вы хотите скзать, что мы останемся здесь…

Перископ схватил его за плечо. На этот раз всерьез, не вывернуться. Толкнул в каюту.

— Пока вам сюда, — мягко улыбнулся он. — Мое дело маленькое… А вот он и выслушает, и успокоит, и расскажет все…

***

— Да успокойтесь же вы, расслабьтесь… Вы уже почти свободны, как ветер. Под бескрайним небом и теплым солнцем… У нас прекрасный рекреационный пансионат под Геленджиком, отдохнете у моря, а потом домой…

Психолог говорил мягко, тихо. И весь он был — округлый, приветливый, солнечный. Как и его кабинет. Стены теплого персикового цвета, в нише уютная софа, а в центре, перед старомодным дубовым письменным столом, три мягких кресла.

Но Лис ерзал, будто кресло жгло ему задницу. А у меня, как я ни старался, дрожали руки на подлокотниках. Пальцы покрылись холодным липким потом. Даже через дверь я чувствовал, что в коридорах, совсем близко, ходит Шаман. И его планшетка. И то, что приделано к ней…

— Надолго нас тут? — не выдержал Лис.

— Я–то лично отпустил бы вас хоть сейчас, если бы это зависело только от меня. Но… — он развел руками.

Мы с Лисом переглянулись.

— Но?

— Так, пустая формальность. Пара часов, не больше… — Он прищурился: — А почему вы так напряжены? Ваш дух даже наши красоты не веселят?

— Мы… — Лис шмыгнул, поглядел на меня и опять шмыгнул. — Из нашей каюты двое были вместе с…

Но меня интересовал психолог.

— Что за формальность?

Быстрее, быстрее! Доделывай свои формальности, и отпусти нас уже! Поскорее прочь из этого проклятого бункера, подальше от этого чертова Шамана! Пусть все остальные обследования будут не здесь, а в том пансионате!

Психолог меланхолично пожал плечами.

— Ну, положена проверка — значит, должна быть проверка.

— Проверка?.. — Лис аж в кресле подпрыгнул. — Опять?! Целый месяц мурыжили каждый день, и опять?!

— Ну–ну, спокойнее. Да, вас уже проверяли. Но ведь обстоятельства изменились?

— Но мы же… — начали мы с Лисом в один голос, но психолог поднял ладони:

— Да–да! Я все знаю. С вами ничего не случилось. Верю! Но и вы меня поймите. Есть тут у нас на базе некоторые товарищи… перестраховщики… говорят: вы были в той же обстановке, что и остальная тестовая группа? Были. Так вдруг и у вас проявится тот же самый синдром, пусть и не сразу?

— Вы опасаетесь, — сказал Батый, — что мы тоже зомбированы?

— Думаете, — хмыкнул Лис, — после месяца игр с оригинальных дисков, у нас в мозгах завелось по маленькой злобной твари? Как у тех? Только их мозговые уже вскрылись, а наши — пока маскируются? Ждут лучшего момента?

— О, ну что вы… Теперь в этом не подозревают ни вас, ни кого–либо вообще. Никакого зомбирования, как выяснилось, нет.

— Как это? — Батый даже со стула встал. — Но… Все это, что было там… С ними…

— Да, — кивнул психолог. Мягко улыбнулся. — Мы тоже долго верили в реальность зомбирования. Но теперь ясно, что это были пустые подозрения.

— А… А что же тогда произошло с ними? Всеми, кто были с нами?!

— Боюсь, мы перестарались, когда пытались отыскать условия, при которых включается внедренный вирус. Мнимый триггер, — поправился психолог, — мнимого вируса…

— Мнимого?…

Я незаметно пихнул Батыя локтем, чтобы кончил выпендриваться. Вот уж от кого не ожидал! Нашел, когда выяснять!

Вот Лис все понимает верно, тут же вклинился в паузу:

— Ничего такого даже близко не оказалось, да? — предлагает психологу.

Но Батый моего тычка будто не заметил. Прямо в рот психологу заглядывает:

— Но разве… Они же включились!

— Ну, что вы! Как может включиться то, чего в природе не существует? Это был всего лишь нервный срыв. Массовый психоз. Мы слишком удачно имитировали нервозную обстановку, которая

была бы в случае начала войны, и могла оказаться тем самым триггером — мнимым триггером. Увы, мы сами, невольно, повредили рассудок вполне нормальным ребятам. Увы!

— А те фигуры… — снова начал Батый, и хотя мы с Лисом уже с двух сторон пинали его по ногам, он только окинул нас мутным взглядом, как что–то досадливое, но неизбежное, и опять к психологу: — Но те фигуры в коридорах…

— Всего лишь обычные солдаты. Правда, в полной выкладке. Возможно, в темноте это слишком сильно исказило привычные человеческие очертания, и у многих разыгралось воображение… и скрытые фобии.

— А оранжевая форма?!

Психолог помрачнел. Пробормотал, выпятив губу, как выплюнул:

— Оранжевая форма…

— Ведь она действовала? Противоположно триггеру? Как выключатель?!

— Ну, что вы! Просто эффект неожиданности, плюс ассоциации на однотипную одежду различных служб спасения.

— Но… — Батый помотал головой. — Как–то же вам пришла в голову идея проверить, как действует оранжевой формы? Значит, те сообщения про пожары на складах — это был не первоапрельский розыгрыш?!

— Розыгрыш, не розыгрыш… — процедил психолог сквозь зубы. — И розыгрыш, и не розыгрыш!

— Как это?

— Вы хотите знать, было ли это на самом деле? Да, было. Да мы сами те склады и взрывали! Оранжевая форма… Да, была там оранжевая форма! И в то же время, это несомненный розыгрыш. И крайне удачный, черт бы их побрал! Это была как раз та последняя спичка, что ломает спину верблюда… Именно склады с формой и убедили нас, что компушки не блеф… Хорошо, что только на время! Теперь–то мы разобрались.

— Блеф?.. — нахмурился Батый. — О чем вы?..

— Блеф, блеф. И один раз им подобное уже удавалось. Двадцать лет назад. СОИ. Или вы слишком молоды, чтобы помнить это? Сеть военных спутников, сверхмощные лазеры, гауссовы пушки и прочие «звездные войны» и ненаучная фантастика…

— Но это же было изначально нереально, и из этого ничего не вышло?

— Вот именно! Изначально. Но не всем это было очевидно. Ни у них, ни у нас ничего не вышло, но они–то и не надеялись! Это был чистый блеф. Они лишь втягивали нас в невообразимые

траты на разработку небывалых типов оружия. Что выдержала экономика американская, не выдержала наша. Мы за ними погнались, да надорвались и опали, как подкошенный цветок… Блеф — и угробили огромную державу без единого выстрела. Разорили, развалили на куски, почти раздавили…

Он вдруг улыбнулся.

— Впрочем, второй раз этот фокус у них не пройдет. Больше не будет гонки исследований компушек — таких же мнимых, как и их «звездные войны». В этот раз мы разобрались во всем раньше. Со дня на день мы свернем здесь все программы, законсервируем наш Ковчег, и будем тратить силы и средства на что–то дельное, а не на поиски в темной комнате черной кошки… которой, как выяснилось, и не было.

— Просто срыв?.. — пробормотал Батый.

— Психоз, — кивнул психолог.

— Всех?..

Психолог кивнул.

— Одинаково?..

Он все глядел на психолога напряженно и исподлобья, будто весь этот рассказ — какой–то обидный розыгрыш.

— Ах, вот что кажется вам странным? Что ж… Рассказать вам о массовых истериях в средние века? Сотни людей одновременно видели то полеты ведьм на помеле, то лики господа в небе…

— А почему у нас не было психоза, такого же, как у всех остальных?

— О, тут все просто! Дело в том, что вы очень умные мальчики. А умные мальчики, в отличие от тупых оболтусов, рефлексируют. И когда накатывает инстинктивный страх перед темнотой и неизвестностью, умные мальчики не поддаются панике. Это другие, те, что поглупее, и не способны на вдумчивый самоанализ, вот они срываются. Быстро превращаются в своих недалеких предков, стайный животных, впавших в панику. Агрессивные, атакуют всё и всех, кто не член их стаи… А у кого интеллект крепкий, тех не сразу срывает с резьбы здравого смысла. Вы удержались. Радуйтесь.

— Страх перед темнотой и неизвестностью?.. — пробормотал Батый. — Но почему они все так внимательно вглядывались в те календа…

— Ладно! — психолог пристукнул ладонями по столу. Нахмурился. — Вот что мы сделаем. Пожалуй, пару дней вы еще у нас тут побудете, и мы не спеша обсудим все накопившиеся у вас вопросы.

Меня холодным потом прошибло. Лис вскочил:

— Вы же сами сказали, что мы здоровы! Так зачем же нас

держать здесь еще пару дней?!

— Ну–ну–ну! — поднял ладони психолог. — Тише, тише. Здоровы, не здоровы… Это все так условно и подвижно.

— Но вы же сами сказали, что мы нормальны! — воскликнул я. — Нас лучше поскорее отправить отсюда в Гелендж…

— Видите ли, юноша! Это не такой простой вопрос — нормальны, не нормальны.

— Но у нас же нет нервного срыва после вашей проверки! — сказал Лис. — Нас психоз не коснулся!

— Кто знает, какие демоны водятся в тихих омутах? Когда случаются критические ситуации…Тот ужас, что пришлось пережить вам в той бойне, вы едва уцелели… После таких потрясений могут быть серьезные последствия, которые проявляются не сразу.

— Но что же… — Лис шмыгнул и жалобно оглянулся на меня. — Ведь мы же… Мы же не можем изменить все то, что там?..

Психолог холодно прищурился:

— Иногда преданнейшие, казалось бы, собаки могут загрызть своих хозяев. У нашего Омуля светлая голова, может быть, он прав, нам лучше не спешить с выводами… — Он вдруг усмехнулся: — Хотя расставить вокруг командного центра автоматические турели, это все же перебор. На людей он совсем не надеется…

Мы с Лисом переглянулись.

— Вы сказали — Омуль?

— Ваш главный особист?

— И человек очень надежный всегда, — прищурился психолог, — когда инцидент опасен для Ковчега… — Он вдруг улыбнулся. — Знаете, а давайте мы, в самом деле, не будем пороть горячку? Не будем ничего мудрить, а вот что мы сделаем: прогоним–ка вас через стандартную процедурку полной проверки. Для начала. А? А там уж… — Тут его улыбка стала извиняющейся: — Если все будет нормально.

***

— Трындец, — сказал Лис, когда за Перископом закрылась дверь, и мы остались одни.

В каюте, которая оказалась копией нашей прежней каюты. Разве что душ с туалетом прямо здесь же, третьей комнаткой.

— Это что значит? — сказал Лис, оглядывая розовенький

кафель. — Нам перестанут докладывать брому?

Но я не усмехнулся даже из вежливости. Я глядел на Батыя. Ловил его взгляд, сдерживаясь из последних сил.

— Ну ты, Батый… — прошипел я. — Ну ты даешь!..

Лис тоже перестал изображать веселого висельника.

— Будто специально с Шаманом сговорился… — процедил он сквозь зубы. — Нас же почти отпустили уже! А теперь что? Опять здесь, и неизвестно сколько еще… А Шаман под боком…

Лис вдруг без сил плюхнулся на кровать. Уронил голову в руки.

— Мне кажется, — едва слышно пробормотал он, — мы не выберемся отсюда… Этот Шаман будет со своей штукой ходить за нами, пока и мы… Как вся наша группа… Они раньше, а теперь и мы…

— Лис! — сказал я. — Завязывай.

Лис поднял лицо и затравленно уставился на меня.

— Думаешь, он даст нам уйти? Мне кажется, он дожмет нас… Батыя, а потом нас с тобой… Пока мы тоже, как те…

— Лис, хватит! Перестань. Лучше думай, как нам выбраться.

— Да никак нам теперь не выбраться! — вдруг рявкнул Лис и оскалился на Батыя: — Какого дьявола тебя за язык тянуло?!

— Да я просто…

— Он нас отпустить хотел! А ты его будто специально подначиваешь, чтобы не отпускал! Какого хрена?!

— Я не подначивал! Просто спросил!

— Зачем?!

— Ну… Мне показалось, что они рано решили, что никакого зомбирования не было…

— Он же тебе все объяснил! Русским языком! Ошибка!

Батый покорно покивал. Но как–то не очень убедительно.

Это мне, если честно, уже совсем не понравилось.

— Батый?

— Что?

— Давай начистоту. Что именно тебя беспокоит?

— Слишком быстро они успокоились, — с готовностью затараторил Батый. — А если они ошиблись не тогда, а как раз сейчас? Когда решили, что игры чисты?

— Но он же объяснил! — сказал Лис. — Что они ошиблись с подозрениями! Они сами переборщили с провокацией! Это был просто срыв. В тревожной обстановке тупые мальчики срываются!

— А Туз? Разве он был глупый? Совсем не рефлексировал? А Даркхантер? А Орканоид? Если бы все было так, как сказал психолог, то они бы сейчас были вместе с нами. Но…

— Ага! А те психологи и военные спецы, которые этим

занимались — типа, лохи? — Лис ухмыльнулся. — Один ты самый умный!

— Батый, — сказал я, — но если бы в играх что–то было, тогда мы бы тоже должны были заразиться?

— Не обязательно.

— Как это?

— Это лишь один из возможных вариантов.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы играли в свежие игры. А Туз — профессиональный игрок. Он много играл в игры, которые выходили раньше.

— И что это меняет?

— Начинка игр могла измениться.

— Помедленнее, Батый. — сказал Лис. — Имена, пароли, явки.

Батый вздохнул. Заговорил медленнее, разжевывая в кашицу:

— Представь, что в играх все же что–то было. Наша разведка что–то заподозрила. Наши военные сделали вот этот институт. Но ведь у американцев тоже есть разведка? А если они узнали про этот институт? — Батый оглядел нас с Лисом. — Узнали про то, что наши военные исследуют их игры? Ищут подсадные психические вирусы? Что бы они тогда сделали?

— То есть ты хочешь сказать, — перевел я с русского на русский, — что раньше игры были заражены, и только в самых последних ничего нет? Специально для того, чтобы проверка ничего не вывела?

— Или заражены, но не тем, чем старые… Чем–то сложнее…

— Батыюшка, кончай! — воскликнул Лис. — Зомбирование… Тебе же объяснили, что это была американская деза, а в играх ничего такого нет, и быть не может! Сам подумай, как что–то такое сложное можно встроить в игру! Бред это все!

Батый мрачно посмотрел на Лиса:

— Кто–то убеждал Туза, что очень даже возможно.

— Ой, ну я тебя прошу! Не надо быть таким доверчивым, Батыюшка. На заборе знаешь, что было написано? А за забором — дрова.

Но Батый продолжал мрачно глядеть на Лиса. Лишь прокомментировал:

— Задачка на логику: можно ли верить человеку, который утверждает, что он лжец?

— Ох, Батый… — Я покрутил головой. — В жизни все проще. Если американцы что–то прознали про эту базу, то они бы просто прислали сюда шпиона, чтобы он все развалил здесь… Запутал процесс исследований. Или убедил в том, чего нет… Создал видимость, будто в игры что–то такое вшито. Чтобы направить

наши усилия по тупиковому пути.

— А надежнее всего, — заметил Лис, — если этот шпион — сам служит тем, кто должен шпионов разоблачать…

— Или даже главой этих разоблачителей, — кивнул я. — Батый, тебе не кажется, что у нас есть куда более реальная проблема, чем выдумывать какие–то невероятные хитрости?

— Может быть, — вежливо сказал Батый. — И все–таки… Мне кажется, они опять чего–то не договаривают…

— Они? — встрепенулся Лис. Поднял бровь, как гончая поднимает ухо: — Ты сказал — они?

— И Перископ, и психолог… — медленно проговорил Батый, скорее самому себе. — Они… — Он морщился, напряженно пытаясь решить что–то.

— О–о–о! — простонал Лис, — Ну вот! Уже началось! Там гонялись за врагами стаи, бунт устроили, — и вот! Полюбуйтесь! Теперь и этому враги всюду мерещатся!

— Лис! — сказал я.

— Ладно, ладно… Молчу. Но честное слово! То у него предчувствия, что все кончится плохо… А теперь уже подозревает кого–то в чем–то!

— А ты разве не заметил, как изменился Перископ? — спросил Батый. — Будто другой человек. Ни разу над тобой не подшутил.

— Надо мной?.. — Лис выпятил челюсть. — Подшутил?.. Я заметил, Батыюшка, что это как раз тебя как подменили. Недоверие, подозрительность, сплошные вопросы и хитроумные построения… Кстати, Батый! — Лис изобразил суровый взгляд прокурора: — Мы когда шли мимо Шамана, ты шел последним. Прикрывал нас своей широкой спиной и большой головой. Что бы там ни было у Шамана присобачено к планшетке, ты должен был словить самую большую дозу. Скажи мне, дружок: ты ничего такого… м–м… странного в себе не чувствуешь?

КЛАЦ!

В прихожей нашей каюты, уже по эту сторону двери…

Мы вскочили — но ничего не успели сделать. Тут же вырубился свет.

***

Когда мы пришли в себя, выяснилось, что это всего лишь отбой. Все как и раньше.

Только дверь каюты теперь запиралась. Это магниты в запоре

клацнули. И изнутри не открыть, пока сам не отопрется.

Впрочем, был и плюс — в душевой был выключатель, и лампы работали даже ночью…

Утром Перископ привел нас в медзону. Большой круглый холл, от которого разбегается дюжина коридоров, — по совместительству это был актовый зал. В центре холла кафедра, вокруг нее полсотни кресел.

На кафедре сейчас высилась турель. Крупнее тех, которые мы уже видели. Сразу с тремя пулеметами.

— Ждите здесь, вас вызовут, — и Перископ ушел.

Ждите…

Я огляделся по сторонам. Лис тоже нервно озирался. Когда мы шли сюда, на одном из перекрестков мне показалось, что мелькнул Шаман…

И кажется, кое–чего он уже добился. Батыя как подменили. Хмурый, он что–то напряженно обдумывал. С утра ни словечка не произнес. И еще…

Я резко обернулся к нему, едва краем глаза заметил, как он искоса глядит на меня. Но он тут же отвел взгляд. И это было уже не в первый раз. Странно…

Или это мне кажется? Пуганая ворона куста боится?

И все–таки Батый был не в себе. Сидел напряженный, чем–то озабоченный.

— Батый, что с тобой?

Он оглядел нас с Лисом, прежде чем отвечать. Затем отвел взгляд и тихо пробормотал:

— Врачей боюсь…

— Ты — врачей?! — Лис аж привстал от удивления. — Да где ты их мог видеть, врачей? На вашем Медном, который дальше Камчатки, что ли? Не смеши мои бахилы!

— Во Владивостоке, в призывной комиссии. Там был зубной врач. А у меня оказались плохие зубы…

— У тебя?! — не поверил Лис. — Да они же у тебя — ровненькие и здоровые, как капкан. Хоть сталь грызи!

— Он сказал, у меня зубы мудрости пока целые, но очень плохие, слишком глубоко в десне, лучше заранее удалить. И… — Батый замолчал, почти всхлипнув.

— Что?

— Наркоз на меня почти не действовал, а зуб мудрости оказался еще хуже, чем врач думал… Корни разросшиеся и сидели очень прочно. Врач два часа… И клещами, и сверлил…

— О–хо–хо! Хватит, хватит! — замахал руками Лис, страдальчески сморщившись.

— И стачивал, и десну резал…

— Верю, верю, что плохой! — Лис чуть не хрюкал от смеха. — Избавьте меня от подробностей!

— Белкин! — рявкнуло прямо над ухом.

Мы вскочили все трое. Человек в халате подобрался к нам совершенно бесшумно!

— Который из вас?

Волоски на затылке у меня встали дыбом. Я узнал голос…

Эти холодные металлические интонации, почти неживые… В кабинете психолога? Не здешнего, а того, куда я ходил целый месяц… через темный лабиринт, в полном одиночестве…

Батый побледнел.

— Ладно, Батый, не тушуйся, — шепнул Лис и пихнул его плечом. — Тут зубного не будет. Тут разные рефлексы и психопрофили… Больно не будет!

Батый судорожно вздохнул.

— Чего ты еще?

Батый ссутулился, опустив глаза.

— Врач говорил то же самое, когда брал клещи… Что больно не будет.

Он пошел за врачом, как на веревочке бычок–двухлетка в скотобойню.

Я внимательно следил за ним, пока они не свернули.

— Мессир?..

— Лис, а ты не замечаешь в Батые ничего странного?

— Второй зуб мудрости еще остался?

— Почему–то мне кажется, что не зубы тревожат Батыя в предстоящем обследовании… Совсем не зубы. Скорее уж, глаза. Ты заметил, как внимательно он смотрит в глаза, когда с ним говоришь?

Лис перестал скалиться:

— Я думал, мне это только кажется… Думал, может, он только со мной так… Подозревает меня в подколках, после всех тех баек…

— Я ему баек не травил, — сказал я. — И еще: сам–то он норовит отвести глаза, когда отвечает на какой–нибудь вопрос…

Лис пнул меня по щиколотке.

— Какого!.. — но я тут же заткнулся, так Лис выпучил глаза.

— Нет, не оборачивайся! — прошипел он. — Не оглядывайся резко! А случайно так… Коридор, который на три часа…

— А полдень — это ты?

Он кивнул.

Я качнул головой, будто разминал шею. Оглянулся невзначай… Там лишь мелькнуло что–то и скрылось за угол коридора. Краешек чего–то.

Но я знал, что это. Планшетка.

Шаман.

Прямо за углом коридора, из которого мы пришли.

И то, что приделано к его планшетке…

— По–моему, здесь сквозит, нет? — громко произнес Лис.

Мы пересели. Прикрывшись от того коридора кафедрой и турелью. Но и тут сидели как на углях, постоянно озираясь. Черт бы их побрал, двенадцать выходов!

— По–моему, — тихо шепнул Лис, — вот в том… За углом кто–то…

Мы пересели, и дула турели, тихо подвывая, повернулись вслед за нами. Но одно осталось нацелено туда, где мы сидели прежде… или дальше. На один из проходов.

Мы затаили дыхание, прислушиваясь. Теперь он оттуда уйдет?

Но откуда зайдет снова?

— Следи за турелью, — шепнул я.

Ее датчики куда чувствительнее наших глаз и ушей.

В напряженном ожидании прошел час, наверно. Мы еще несколько раз пересаживались, но теперь все стволы турели поворачивались вслед за нами.

— Все, вроде? — наконец шепнул Лис. — Понял, что мы его просекли?

— Или уже добился, чего хотел…

Лис поежился.

— Не надо так шутить, Мессир! Нет, не успеет он. Нас если не сегодня, то завтра выпустят, и…

— Думаешь?

— Но… Но как же?.. Ведь нас сейчас проверят — и отпустят?.. — Лис глядел на меня собачьими глазами. — Это же формальная проверка, да?..

— Если это формальная проверка, то почему Батыя все еще мурыжат?

Турель опять вжикнула, но это был всего лишь человек в белом халате. Настала моя очередь.

***

— Формальность! — прорычал Лис, заправляясь. — Крест их накрест и по диагонали! Это он назвал формальностью?! Два часа тестов, да еще в томографе!

— И опять тест на ай–кью… — пробормотал Батый. —

Почему это их так волнует?

— Господи, Батый! Только не начинай все сначала! — взмолился Лис. — Тут Шаман за нами ползает, как удав за мартышками, а ты опять — «их»… Он, а не их!

— О, дьявол… — прошептал я.

Впереди был Шаман. Сидел уже не скрываясь. Пристроился в нише под плакатом, на коленях планшетка…

Мы проскочили, вмиг бледные и взмокшие.

Одно хорошо: выходит, мы еще держимся, что бы там у него ни было.

Но сколько еще выдержим? Если он собрался нас дожать… С его–то возможностями начальника внутренней службы безопасности… Ох, неспроста была эта проверочка, не спроста!

И если не играть на опережение, то дожмет он нас…

— Батый, ты еще с нами? — шепнул я, когда Перископ остановился перед кабинетом психолога. — Делаем, как запланировали?

Мне показалось, он чуть замялся, но все–таки шепнул:

— Да.

***

— У нас все нормально? — спросил я.

Но психолог только мычал какой–то унылый мотивчик и хмуро разглядывал какие–то распечатки.

— Когда нас отсюда увезут? — потребовал я.

Психолог наконец оторвался от бумаг. Задержался взглядом на Батые.

— Ну–с, как мы себя чувствуем сегодня?

— Угу, — мрачно кивнул Лис. — Никак его компушки в покое не оставят. Только про них и говорит.

— Это правда?

— Ну… — Батый замялся… — Просто…

— Да–да?

— Это нелогично. Остановить исследования после всего, что было!

— Ах, вот вы о чем. Ну, может быть, хотя бы это вас успокоит: пока мы думали, что во всем виноваты игры, мы проверили весь персонал базы на устойчивость к подобному срыву. Все, кто сейчас остался в Ковчеге, прошли через то же, через что прошли вы.

Батый пораженно поднял головы.

— Всех?.. — пробормотал он, не веря. — И вы тоже?..

— И я. Нормальный? — улыбнулся психолог. — А ведь больше недели играл по пятнадцать часов в сутки.

— А вы уверены, что это не… опасно? Что это не было ошибкой?

Психолог воздел очи горе.

— Вот и Омуль так же. Тоже во всем ему удится опасность! Даже в обеспечении большей безопасности, и тут саботаж заподозрил… Когда потребовали и его самого пройти это испытание, чуть до драки не дошло… Хорошо хоть, наш новый шеф на своем предложении настоял…

Но тут психолог взглянул на распечатки, и помрачнел.

— Да, Белкин, вы крепкий орешек…

— Мои тесты? — насторожился Батый. — Там что–то не так?

Психолог вздохнул, тасуя листки.

— Это из–за тестов на ай–кью? — спросил Батый. — Зачем вы постоянно тестировали нас на ай–кью, и опять проверяете? Наше состояние заметно меняется?

— Ну, как вы понимаете, игра запоем не может пройти совсем без последствий. Неизбежно своего рода похмелье. Чуть ухудшилась скорость мышления.

— Понизился ай–кью?

— Я уверен, что это временно. Своего рода переутомление. Скоро пройдет.

— Но все еще не исчезло? — не сдавался Батый.

— Ну, прошло не так уж много времени…

— А когда вы проверяли персонал, не было ни одного… м–м… «срыва»?

— Увы, были. И очень много. Особенно у младшего состава.

— Так почему же вы… — начал Батый, но психолог вскинул руки:

— Именно потому, что выявилась четкая закономерность. Так называемый «срыв» бывает только у людей с относительно низким ка–и. У кого ка–и выше, с ними ничего непоправимого не происходит.

— Кроме понижения ай–кью… — пробормотал Батый.

— Это временно.

— А та группа, которая была до нас? Она была самая первая?

Психолог смерил Батыя внимательным взглядом, затем неохотно кивнул.

— И у них… — тут же начал Батый, но я пихнул его локтем, чтобы заткнулся.

Хватит уже вопросов! Не то психолог его точно в маньяки запишет, и нас тут всех сгноят! Но Батый продолжил:

— … у них тоже некоторые избежали «срыва»?

— Трое.

— А можно посмотреть графики измерения их ай–кью? И наших!

Психолог даже опешил:

— Простите, молодой человек, но вы, все–таки…

— Если в играх ничего нет и исследования сворачивают, — с жаром перебил Батый, — то все эти данные теперь ничего не значат? Никаких секретов я не нарушу, а меня это успокоит, своего рода психотерапия!

Психолог хмыкнул:

— Хорошо, если поможет успокоиться. А может ведь и… — но все–таки протянул Батыю распечатки.

И с холодным любопытством следил, как Батый лихорадочно разглядывает графики.

— А почему разница? — спросил Батый. — Почему у тех троих не было спада ай–кью? Никакой «похмелья» после игр.

— Исключения, — пожал плечами психолог. — Остаточная реакция есть не у всех. Кстати, у вас, Белкин, спада ка–и тоже нет. Да еще у Омуля… Все, пожалуй.

Батый нахмурился:

— Из нашей группы одно исключение, из всего персонала базы — тоже только один, а в той группе — сразу трое?..

— Стечение случайностей.

— Да? А… — тут Батый нахмурился.

Поглядел на Лиса, потом на меня.

Я заглянул через его плечо. Батый чуть развел листки распечатки, чтобы сразу видеть и свои результаты, и наши с Лисом.

— Синяя линия — это перевод из того коридора сюда? — спросил Батый.

— Да.

— Почему же тогда «похмелье» возникло только после перевода сюда? — спросил Батый. — А до перевода — никакого «похмелья» не было, ай–кью не падал?

Психолог безнадежно покачал головой.

— Ох, вы прямо как Омуль. Он тоже все этими графиками интересуется… Прямо как прораб — ходом работ…

Мы с Лисом переглянулись.

— Но проверка завершена? — спросил я.

— Нас сейчас вывезут отсюда? — спросил Лис.

— Увы, сегодня не получится.

— А когда? Завтра утром?

— Н–нет…

— Но вы же говорили!.. — с возмущением начал Лис, но психолог поднял ладони:

— Увы, но я здесь не все решаю. — Он прищурился: — Омуль. Все еще считает, что вывоз опасен и вреден, вам лучше оставаться здесь.

— Омуль?..

Опять этот Омуль…

— А если он скажет, что нам хорошо бы тут еще годик пробыть?! — спросил Лис.

— Увы, ребята. Это от меня не зависит. Скажет три года, значит три года… — Психолог прищурился: — А ваш тест, мои друзья… Третий, в принципе, чуть отличается. Если его анализировать… Ну это мы сами потом без вас, а пока…

Он внимательно посмотрел на Батыя.

— Вы, молодой человек, не замечаете ничего… странного?

— В каком смысле? — напрягся Батый.

— Иногда самые привычные вещи оказываются вовсе не тем, за что мы их принимали… Разные мелочи вдруг начинают складываться… будто бы в осмысленную картину… странную, пугающую…

Батый застыл.

Психолог рассмеялся и подмигнул Лису:

— Каждый человек — это вещь в себе. Можно думать, что знаешь кого–то как свои пять пальцев. Но на самом деле есть лишь каналы ввода информации, и каналы отклика. А что внутри?.. Никто не знает. Каждый из нас черный ящик даже для самого себя…

***

Вышли — и, конечно же, Шаман был тут как тут. Стоял у ближайшего плаката, внимательно его разглядывая. Планшетка под мышкой.

Я пихнул Батыя, выводя его из задумчивости. Поймал его взгляд. Батый сообразил, кивнул. И, круто развернувшись, двинулся прочь.

— Эй, Батый! — окликнул Лис. — А ты куда собрался?

— В спортзал. Врачи должны были поговорить с инструктором по самбо. Месяц ничего тяжелее мышки не поднимал, а так охота… Мышцы просят… Пойдемте со мной?

— Не–а, — помотал головой Лис. — Железки баюкать — это без меня.

— А вы куда?

— А у нас тут есть одно дельце… — тихо сказал я.

— Какое? — удивился Батый.

— Ну, так… Да ты иди.

Мы с Лисом развернулись и пошли в другую сторону.

Я старался не оглядываться, но даже спиной чувствовал, как затылок мне жжет взгляд Шамана. А может быть, и не только взгляд…

— За нами пошел, — шепнул Лис, не поворачивая головы.

Мы свернули. И стали петлять по базе, все увеличивая скорость. То и дело натыкаясь на турели посреди коридоров.

— Господи… — прошептал Лис. — Сколько он их здесь наставил?..

— Поэтому заткнись и шагай быстрее! — прошипел я.

Шаман за нами как приклеился.

И мы, и Шаман почти перешли на бег, — когда из бокового прохода ему в бок, как истребитель на таран, вылетел Батый.

Шамана отбросило в одну сторону, планшетку в другую… Батый неожиданно проворно подхватил ее еще в воздухе, не дав разбиться.

А мы с Лисом метнулись к Шаману, помогая подняться. Он хлопал ртом, как вываленная на берег рыба, переводя взгляд с Батыя на нас, с нас на Батыя.

Батый, почти не скрываясь, изучал экран планшетки. Шаман дернулся было к нему, чтобы отобрать планшетку, но мы с Лисом крутились вокруг Шамана, все лепеча извинения за нашего приятеля, и все ли с товарищем полковником нормально? А самое главное, все держали за руки, помогая держаться на ногах, и сбивали с него невидимые пылинки, и опять придерживали, чтобы, не дай бог, не упал опять, вдруг, когда падал, ногу подвернул, или в берде вывих…

Этой вежливой возней мы продержали его секунд десять, затем Шаман отпихнул нас так, что остановить его мы могли бы лишь откровенной дракой. Он рванулся к Батыю. Выдернул планшетку — и звонко треснул излучатель, выступавший из планшетки. Батый хорошо запомнил, что я ему говорил…

Шаман отскочил прочь. Прижавшись спиной к стене и прижав планшетку к себе, как ребенка, он оглядывая нас. Узкие глаза прищурились еще больше.

Два медленных кивка. Обещающих нам мало хорошего. Конечно же, он все понял…

Но мы знали, на что шли. Это была игра ва–банк.

***

— Ну?! — шипел Лис.

— Что у него там? Батый!

— Вы знаете… — Батый казался озадаченным.

Мы наконец–то дошли добрались до нашей каюты. Лис впихнул Батыя внутрь и захлопнул дверь.

— Ну не тяни кота за яйца! — рявкнул уже в полный голос. — Что у него за облучатель?

— Я не уверен, что это…

— Просто опиши, что было на экране! — сказал я. — Ты же говорил, у тебя и зрительная, и слуховая память идеальная!

— Да…

И прикрыв глаза, Батый стал подробно описывать.

И по мере того, как он описывал, уже мы с Лисом впали в недоумение.

— Ничего не понимаю… — пробормотал Лис. — Ты ничего не путаешь?

— Нет.

— Два окна, две программы… — пробормотал Лис.

— То, что в левом окне, — предположил Батый, — это ведь так должна выглядеть программа распознавания речи?

— Или выполняющая обратную функцию, — заметил я. — Синтез голоса по заданным словам… Чтобы модулировать излучение, которое сможет перенести все это…

— Н–не знаю, — с сомнением протянул Батый. — Кажется, то приспособление сбоку больше походило на небольшой…

— Еще раз опиши, что было в правом окне! — скомандовал я.

— Там было несколько полей. В одном поле — какой–то текст, но поле узкое, и от текста видно только одну строку. В соседнем поле — что–то похожее на язык программирования, какие–то условия… А ниже несколько маленьких полей, и в каждом… Словно бы диалоги, только реплики очень короткие, и вместо внятных фраз какой–то случайный набор слов. Надо описывать? Я могу слово в слово, но это бессмысленная абракадабра…

— Н–да… — Лис поглядел на меня. — И что же это такое?

— Может быть, это какой–то лингвистический анализ? — предположил Батый.

— Ну да! Тебя послушать, так это вообще не облучатель, а микрофон!

— Очень похоже…

— Ты переутомился, Батыюшка! — сказал Лис. — Помнишь, что психолог говорил про шизофреников? Начинают видеть то, чего нет, да еще и доказательства всюду мерещатся! То второй

слой там, где и первого не было… Теперь микрофон…

— То массовое помешательство вполне могло быть вызвано играми, — сказал Батый. — И второй слой тоже может быть. — Он склонил голову, как бык перед атакой. — Это логично.

— Самые логичные люди на свете — шизофреники, — сказал Лис. — А самые последовательные из шизофреников — параноики. Так что я тебя прошу, Батыюшка: ты уж не увлекайся, ладно? Не напрягайся, где не нужно, не подозревай разные заговоры. Для здоровья вредно!

— Подожди, Лис… — поморщился я.

— Да если бы что–то такое было в играх, это просто перестали бы встраивать, чтобы проверки ничего не нашли! — рявкнул Лис.

— А старые игры? — возразил Батый. — Они никуда не делись. Их можно исследовать снова и снова, все тщательнее и основательнее. Рано или поздно наши разберутся, что именно в них встроено, и как оно работает… А вот если в новом вирусе сохранены внешние симптомы старого вируса… По крайней мере, некоторые…

— Да зачем нужен новый вирус, если он сохраняет старые симптомы?! — рявкнул Лис.

— Чтобы здесь могли предположить, что дело всего лишь в обстановке, которую создали сами исследователи, а не в играх. Но под старыми симптомами в новом вирусе есть и второе дно…

— СТОП! СТОП! СТОП! — замахал руками Лис.

Потом мягко сказал:

— Знаешь, Батыюшка… Я, конечно, не психопатолог. Но вообще–то… В фильмах, когда такое говорят, обычно это роль математика, который сходит с ума и становится шизофреником.

— Но это же…

— Логично! — договорил я за Батыя. — Спокойно. И ты, Лис, подожди пока! Второе дно? Это ты о чем, Батый?

— Что–то сложнее того зомбирования, которое мы уже видели.

— Во–первых, мы видели срыв, а не зомбирование! — сказал Лис, но Батый упрямо повторил:

— То зомбирование, которое мы видели, способно проникнуть в психику при обычной игре за компьютером. Оно ведь рассчитано на обычных игроков. На тех, кто играет пару часов в день. Так? А теперь представь, если американцы знают об этой исследовательской базе. Знают, что наши расследуют, как устроен вирус, ищут триггеры, которые включают вирус в активное состояние, а для этого заставляют подопытных играть не по два часа в день, и даже не по пять–шесть, как играют

прогеймеры, а почти круглые сутки? И так день за днем? Без выходных? Месяцами?..

Мы с Лисом переглянулись.

— К чему ты клонишь?

— Вирус второго типа, который заточен под условия именно на этой базе. Он гораздо сложнее, и заражение им происходит медленнее и труднее, но здесь созданы тепличные условия для заражения пси–вирусами! И этим можно воспользоваться. Логично?

— Логично, только… Подожди, Батый, не спеши… Ты стал так быстро говорить в последнее время, прямо тараторишь…

У меня было такое ощущение, будто меня заставляют играть в шахматы с Deep Fritz'ем на восьмиядерном серваке. И на кону — вовсе не пять копеек…

— Да? А мне кажется, это вы стали медленнее говорить… — растерялся Батый. — И все вокруг тоже…

— Все?.. — хмыкнул Лис. — Пожалуй, беру свои слова назад. Это не шизофрения… Это чистая паранойя!

— Но это же логично!

— Да ни хрена это не логично! — взорвался Лис. — Даже просто зомбировать ни одна игра не может! Бред это все! Даже если предположить — слышишь? только предположить! — что в музыку можно встроить какие–то скрытые ритмы, и сделать какие–то незаметные сознанию особенности в фактурах, планировке уровней и облике персонажей, а интерфейс и сюжет вдалбливают определенные паттерны поведения… Даже если это все и есть в играх — еще не факт, что это все окажет какой–то эффект на игроков! Да это все не сможет зомбировать даже на то, чтобы сходить к окну и открыть форточку! А ты что выдумал? Второе дно… Чтобы не просто вбить в голову тупую агрессию, а внедрить целый алгоритм поведения? Со всякими разветвленными условиями? Вот при таком–то надо изображать тупого зомбю, а при том–то — делать что–то совсем иное? Так, что ли?! Да ты для начала попробуй написать такую программу без внедрения в психику, просто на уровне алгоритма! Уже пупок надорвешь! Вон, роботов не могут научить нормально ходить — а тут такое! Ты сам–то себе веришь?!

Батый остался холоден как лед:

— Но роботы изначально не умеют ходить? Поэтому и приходится писать программу целиком, с самых азов. Вирус же не обязательно писать с азов, он может использовать встроенные функции операционной системы и блоки из стандартных программ. Он всего лишь перекоммутирует связи между подпрограммами.

— О–о, боже… — простонал Лис.

— Но для чего это все, Батый? — спросил я.

— Но это же очевидно: вирус и по внедрению заточен под условия этой базы, и по действию будет направлен против нее же. Сделать что–то такое, чтобы здесь решили завершить исследования в любом случае.

— Перебить персонал базы? — спросил Лис.

— Нет. Как раз тогда–то исследования и будут продолжены. Нет, должно случиться что–то более сложное. Чтобы причины произошедшего были не так очевидны.

— Ха! Зомби, разрабатывающие хитроумный план! Ну просто доктора наук. Академики!.. Только чтобы что–то сложное сделать, им надо будет действовать сообща, а для этого надо разрабатывать совместные планы и координировать действия, Батыюшка!

— Пожалуй… — медленно протянул Батый, задумавшись.

— Ну и как, мать–перемать, они будут это делать?! — рявкнул Лис. — Когда вирусы на компах устраивают скоординированную атаку, они могут это сделать, потому что обмениваются информацией через сеть! Электрическими сигналами по проводам! Но люди–то встроенных модемов не имеют! И радиосигналы тоже не излучают! Как же твои зомби смогут обмениваться информацией между собой, а?!

Батый замер. Уставился на Лиса, будто громом пораженный.

— Батый?.. — нахмурился я.

Но Батый лишь беззвучно шевелил губами, а потом постучал себя кулаком в лоб.

— Ну да… Ну конечно… Вот что он пытался найти…

— Эй, Батый? Батый! — Лис пощелкал пальцами у него под носом.

Батый поглядел на Лиса, но все еще плавал где–то далеко от нас.

— Батый, давай–ка лучше иди спать, а? — сказал я. — Чтобы хоть твои чудачества нас не отвлекали от главного. — Я поднялся. — Надо рассказать все психологу, пока Шаман не успел починить свою…

С щелчком вырубился свет.

— Черт!

В темноте я все же пробрался к двери, подергал — но дверь была заперта.

— Отбой?

— Да. Не успели…

***

Спал я плохо. В середине ночи проснулся, и уже не мог заснуть. Нам лучше поторапливаться, пока Шаман не нанес ответный удар…

Я растолкал Лиса еще до подъема. И едва включился свет и щелкнул замок в двери, Лис понесся к психологу. Надеюсь, Шаман еще не рыщет по коридорам, и Лис сможет проскочить незамеченным.

Пойти вместе с ним я не рискнул. Батый беспокоил меня все больше. Как бы не наделал глупостей, если оставить его одного…

Пританцовывая от нетерпения, я ждал у приоткрытой двери нашей каюты, глядя то на поворот коридора, откуда должен был вернуться Лис с подмогой, то прислушиваясь к тому, что внутри. Из–за двери санузла шумел душ. Раньше Батый делал все за минуту, а сегодня, казалось, целую вечность моется!

Или это для меня время тянется так ужасно медленно? Ведь из–за поворота коридора может прийти не Лис, а Шаман…

Или психолог, но не с Лисом, а с четверкой крепких ребят и парой смирительных рубах…

Но появился Лис. Один одинешенек.

— А он?..

— Ни фига! — прошипел Лис и врезал кулаком по стене.

— Не поверил?

— Хуже.

— Что еще?..

— Нет его уже!

— Как это? Не открывает? Так надо было выяснить, где он ночует, и…

— Да выяснил! Но его и там нет… Мне кажется, его вообще больше нет… Шаман опередил нас.

Я вздрогнул и оглядел коридор.

Мне показалось, что я чувствую чей–то взгляд. Но коридор был пуст.

— Господи… — затравленно шептал Лис. — Неужели — опять?.. Как тогда?.. Сначала психолог, потом остальные куда–то растворятся, а потом…

Я втащил Лиса в каюту и прикрыл дверь, а он все бормотал, все быстрее, сбиваясь на едва разборчивую скороговорку:

— Надо брать Батыя, и пробиваться самим, пока не поздно! Скорее, Миш! Иначе этот Шаман нас…

— Хватит! — рявкнул я и встряхнул его.

И когда в его глазах появилось осмысленное выражение, сказал уже мягче:

— Тихо, Лис. Спокойно. Без горячки. Лады?

— Лады. Но надо брать Батыя и свали… — Лис вдруг замолчал и нахмурился. Повернулся к двери душа, за которой шуршала вода. — Не понял? Бром еще действует только на меня одного?

— В смысле?

— Он опять в душе?

— Что значит — опять?

— Ну… Ночью, пока ты спал, он уже ходил в душ. Стоял там минут сорок, наверно. И потом уже, под утро, прямо перед тем, как ты меня разбудил… И вот опять, двух часов не прошло…

— Ты серьезно?

Я вгляделся в его хитрую лисью рожицу. С надеждой: разыгрывает? Но уже и сам сообразил, что едва ли. Батый сидел в душе все то время, пока Лис бегал и выяснял… Час с лишним!

Лис поглядел на меня, на дверь душа — и вдруг, тихо застонав, постучал себя кулаком по лбу.

— Ну конечно! Господи, какой же я идиот… Вот он зачем у меня просил бумагу…

— Какую бумагу?

— Да тот блокнот Диснея!

— Рисунки?

— Нет, там еще чистая бумага оставалась. Ему она была нужна.

— Да?.. — Я прикрыл глаза, вспоминая. — А входил в душ он без блокнота… Вроде бы. Ну–ка, Лис, — я дернул подбородком на комнату, но Лис и так уже просеменил в комнату и ощупывал одежду Батыя.

Потом кровать. Под подушкой, под матрасом.

— Ну?

— Нету его здесь… Наверно, он…

Я подлетел к Лису и зажал ладонью рот. Шум в душе стих. И почти тут же щелкнул запор на двери.

Приглаживая пятерней сырые волосы, Батый с какой–то странной опаской оглядел нас, будто пару диких кошек. Глаза у него были странные.

— Батый, с тобой все нормально?

Я поймал себя на том, что слежу за его глазами — как и он сам очень внимательно смотрел мне в глаза, не отрываясь. Будто отслеживал движения зрачков. Но тут он понял, что я это заметил, и хмуро отвернулся. Двинулся к двери.

— Батый, ты куда? — спросил Лис.

— Я… Мне надо… — он потер лоб. — Мне надо пройтись. Иначе…

Не договорив, он вышел. Мы с Лисом переглянулись.

— Так, рыжий, — шепнул я. — Отпускаешь его на тридцать секунд — и следом. Незаметно, но чтобы каждый шаг.

Лис кивнул, а я заглянул в ванную. Здесь было неожиданно холодно. Зеркало не запотело. Все это время душ шумел ледяной водой?

Я потрогал полотенце Батыя. Оно было сухое.

Тогда я стал внимательно осматривать санузел.

Тайник я нашел быстро. Одна из плиток, прикрывавших низ ванны. За ней нашелся и карандаш Диснея, и листки…

***

Когда я наконец–то оторвался от них и поднял голову, чтобы поглядеть в зеркало, то обнаружил, что у меня нервно дергается веко.

Ну, ничего… Сейчас придет наш майор, чтобы вести на завтрак и к психологу. И тогда это станет его проблемой, а не нашей с Лисом!

Только…

О, господи… Время–то сейчас уже… Завтрак был, наверно, час или два назад. Обедать пора! А Перископа — как не было, так и нет…

В коридоре я прицепился к первому же встречному человеку и не отпускал его, пока он не отвел меня к своему начальнику. Это оказался капитан службы связи.

— Майор? — пробасил он. — Это который за вас отвечал? Которого Омуль вчера вечером арестовал?

Капитан нахмурился.

— С тобой все в порядке, парень?

Я сообразил, что стою с открытым ртом. Смог промямлить только:

— Так кто же теперь за нас отвечает?..

— Кто? Ну, Омуль должен знать, что вы здесь, так? Я уверен, он о вас позаботится. Отвести к нему?

— Н–нет! Я сам! Я знаю, где его найти.

***

Только пошел я, конечно, к кабинету психолога. С трудом удерживаясь, чтобы не перейти на бег.

Дверь была заперта. Я стоял, замечая на себе чужие взгляды…

Я упрямо ждал, но психолога не было.

И к кабинету его никто не подходил. Не у кого даже спросить. И кажется… Людей по коридору стало ходить меньше?..

Или это Лис заразил меня паникой?

У тех, кто сгинули при бунте, тоже начиналось со страха и стайных инстинктов. Да?..

А может быть, дело не в панике… Что, если Шаман не смог облучить нас с Лисом потому, что у нас иммунитет? Тогда не поддались, и сейчас удерживаемся… Нас и не возьмет. А вот персонал базы, если он переключится на них…

И где Лис, черт бы его побрал?! Хоть бы он появился!

***

На обеде в столовой его не было. Как и Батыя. И психолога… Лишь столы с незнакомыми людьми, персонал базы. Я старался припомнить, сколько их было в прошлый раз, — не стало ли их меньше? Я даже начал считать их, когда…

Сначала я не поверил своим глазам.

Потом сердце застучало как бешеное.

Шаман шел между рядами столов, со своей планшеткой, и уже не скрывался. Отросток на его планшетке был на месте, и явно работал: Шаман шел по рядам, чуть поводя планшеткой, нацеливая ее на каждого, на всех подряд…

Я шмыгнул за колонну, когда он проходил по соседнему ряду.

Шаман сильно осунулся, а глаза у него были теперь…

Я вдруг понял, что никакой он не шпион. Потому что я уже видел такие глаза… Совсем дикие… Будто он брел не наяву, а через свой ночной кошмар, и каждый встречный человек — это новый вывих этого кошмара. Еще один удар ужаса. Еще одна чудовищная тварь…

***

В каюте меня ждал Лис. Вскочил с кровати, едва я зашел меня. Вцепился мне в рукав.

— Наконец–то! Где ты был! Психологу рассказал?!

— Нет его…

— Ну хотя бы Перископу?!

— Нет Перископа.

— Как?.. И его?..

— Где Батый?

— Да что Батый! — отмахнулся Лис. — Шляется по коридорам все время. То задумчивый, встанет у стены, и чертит по ней пальцем, губами шлепает. То к кому–нибудь подойдет тихонько и стоит, словно подслушивает, пока его не заметят и сами не отойдут… Слушай! Если ни психолога, ни Перископа… кто же имеет право вывести нас отсюда?!

— Хотел бы я знать, кто хотя бы хочет вывести нас отсюда…

— А если Омуль и нас, как Перископа и психолога?.. — прошептал Лис. — Здесь полно темных закоулков, куда годами не заглядывают… Надо выбираться самим! Убедить Батыя, что нам надо выби…

Лис завял под моим взглядом. Побледнел как простыня:

— Что?..

— Ты думаешь, Шаман здесь самый опасный?

— Но…

Я затащил Лиса в ванну и открыл тайник. Сунул ему бумажки Батыя.

Листы поделены на графы, каждая графа исписана бисерным почерком.

— И что это?..

— Мне тоже интересно.

В каждой графе было что–то вроде диалога. Только вместо осмысленных фраз — набор случайных слов. Наименее бредовым было такое:

если: новые неумные, касается лба, резко вздыхает, сладко улыбается, сужает глаза, по центру, то:

есть плацдарм

вы наши? — я наш — я тоже.

он наш? — Омуль нет. вам дело, он расскажет.

вы наши? — мы двое. что мы можем? — загрызть Омуля, очень опасен.

Омуль еще опасен. ваш третий, его сами.

— Прямо как надиктовывает кто–то… — растерянно сказал Лис. — Диалоги с духом, приходящим в душе?…

— Мне тоже очень интересно, с кем, как он думает, он тут шепчется?

— И не говорит нам ни слова…

— А как смотрит? — сказал я. — Ты видел, как он стал на нас смотреть? Как на диких кошек… И это тебе не Шаман. У Батыя

бицепс больше, чем у Шамана бедро. Батый одними голыми руками десяток здешних вояк передавит, как котят. Нас вообще можно в расчет не брать… Лучше верь, Лис, что психолог вернется. Это наша последняя надежда. Самим нам отсюда не выбраться. Нам хотя бы ночь эту пережить…

— О, черт… — простонал Лис и стукнул себя по лбу.

— Что?

— Люди, возле которых он останавливался… Они же почти все были вооруженные! Я думал, чего это он как бы невзначай к ним подбирается, словно не хочет, чтобы на него обратили внимание… А он проверял, к кому сможет подобраться незаметно! Свернуть шею, взять оружие… — Лис в ужасе уставился на меня: — Помнишь, он рассказывал про охоту? Как бьет белку в глаз? Навскидку?

— А еще я помню, — шепнул я, — как в сетевухе мы под его ценными указаниями всех остальных разводили, как хомячков…

— Так вот зачем он все коридоры обходил… Запоминал планировку…

— И всех вооруженных людей. Пересчитал. Узнал, кто где обычно ходит. А может быть, уже и их повадки частично угадал?..

Батый сам рассказывал, что у него абсолютная память. На лица, на места, на слова. Может хоть дословно вспомнить, кто и что ему говорил за последний год…

За входной дверью раздались шаги, прямо к нашей двери, и я толкнул Лиса навстречу. Сам метнулся в ванную. Заперся, второй рукой уже включая воду. Закрыл тайник, сполоснул лицо, только после этого вышел.

Сначала мне показалось, что это и не Батый вовсе, так он осунулся.

— Батый, ты так скоро будешь выглядеть хуже Шамана, — заметил я.

— Батыюшка, ты зря вчера почти всю ночь не спал… — поддержал Лис. — Учти, последний мухомор ломает мозги лося.

Лис попытался ухмыльнуться, но его улыбка завяла под взглядом Батыя.

Он переводил взгляд с Лиса на меня, когда мы говорили с ним, и взгляд его был…

Я с опаской коснулся его руки. Погладил, успокаивая.

— Батый, ты ничего не хочешь… м–м… рассказать нам?

Батый вдруг шмыгнул носом, будто собрался вот–вот разреветься, и тут же отвернулся к стене.

— Лучше не надо, — глухо пробормотал он. — Если… Если я ошибаюсь, мне потом будет очень стыдно…

— Тогда ляг поспи?

— Но еще нет отбоя…

— Ты вчера почти не спал, — заметил Лис. — А если долго не спать, в голову начинают лезть разные мысли, иногда очень странные… Надо поспать, Батый, если не хочешь слететь с катушек.

Батыя вяло кивнул. Он не сопротивлялся, когда мы с Лисом уложили его. Мы выключили свет, и тоже растянулись на койках.

Но Батый не засыпал. Все ворочался…

Я невольно прислушивался.

Он еще на кровати?

Или уже крадется в темноте к двери, в коридор… Или ко мне. Я вздрогнул, представив его цепкие пальцы — как они сжимают мою шею. Он же и меня и Лиса задавит как мышат, если захочет…

Но звуки раздавались пока из его угла. Батый то ворочался, то сопел.

Первым не выдержал Лис:

— Батый, чего тебе не спится?

— Не знаю… Никак не могу заснуть. Хочу, но не могу… Мысли никак не отпускают…

— А ты за них не держись, они и отпустят.

— Как это?

— Очень просто. Представь себе поярче, понагляднее, овцу… Представь эту овечку очень–очень ярко, а теперь — как она перепрыгивает через барьер… Каждое ее движение, выражение морды… Представил? А теперь вторая… И дальше третья… Считай их… М–м?

Батый тяжело вздохнул.

— Ну?! — не выдержал Лис. — Представил?!

— Честно говоря, на нашем острове никогда не было ни одной…

— А–а, дикарь! Ну тогда представь что–нибудь, что очень хорошо помнишь! Ну вот ты целый месяц мочил в игре солдат! Ну представь одного!

— В нашей форме?

— Лучше в нашей, ее ты должен знать лучше всего, тут главное, чтобы во всех мелочах представлял, очень живо… Теперь представь, как наводишь на него прицел… Хлоп, прямо в лоб! Мозги в стороны! Теперь второй, наводишь прицел на него… И третий, и дальше… Считай их… Представляй очень–очень ярко, и ни на что не отвлекайся… Повторяй их… Раз за разом…

***

Отбой не наступил. Едва Батый затих, и я сам стал проваливаться в дрему…

СТУК!

Я вскинулся на кровати, молясь, чтобы это было во сне…

В дверь стукнуло. Еще раз, настойчивее!

Точно в том же ритме, который уже слышали…

Только на этот раз баррикады не было. И дверь уже медленно открывалась, и сноп света из коридора рос на полу…

Я видел Лиса. Он, как и я, замер на кровати — словно восковая кукла…

А Батый с неожиданным воодушевлением подскочил к двери, распахнул ее до предела, — и на его лице выступило разочарование.

Не знаю, кого уж ожидал увидеть Батый, но в коридоре оказался незнакомый офицер. С ним четверо вооруженных солдат.

— Взять одежду. За мной!

***

А когда Батый увидел, куда нас привели, он совсем сник, как механический кролик, у которого села батарейка…

— Говорят, вы вчера так и рвались ко мне?

Психолог был такой же ласковый, как и в первый раз. Бальзам на душу.

Только Батый и на него хмуро глядел.

Впрочем, он вообще был сейчас какой–то заторможенный, словно не проснулся толком… Только на лбу была напряженная складка, будто он изо всех сил что–то высчитывал.

— Где вы были? — почти обиженно потребовал Лис.

Психолог усмехнулся и поднял палец:

— Ездил наверх!.. Зря хмуритесь. Можно сказать, я старался и для вас. Получал разрешение.

— На что? — вдруг спросил Батый.

— А почему у вас такой измученный и встревоженный вид?

— Да плохой сон у него, — шмыгнул Лис.

Батый кинул на него странный, почти дикий взгляд, но снова повернулся к психологу:

— Разрешение на что?

— Как раз на то, чтобы… — начал психолог, но замер, прислушиваясь.

Даже через звукопоглощающую обивку и толстые стены донеслись выстрелы. И опять: короткая, но тяжелая очередь. Будто где–то в коридоре долбили пушки.

Дверь распахнулась, ворвались два человека с автоматами.

— Его не удалось взять!

— Он был готов! Отстреливается, двоих ранил, а теперь заперся во второй операторской. Три турели под его контролем, и… — Тут автоматчик странно оскалился, лишь одной стороной рта: — Скольких он положит, если мы начнем штурм, бог знает сколько…

За его спиной в коридоре защелкали динамики. Они включались, наверно, по длине всех коридоров.

— Внимание! — череда динамиков превратила один голос в целый хор. — Внутри периметра зараженные, и оранжевая форма их не выключает! Повторяю, костюмы от них не спасают! Никак на них не действуют! Я Омуль, блокирован в операторской, держу оборону. Прилегающие коридоры под моей защитой. Кто слышит… Кто еще может слышать и видеть! Немедленно свяжитесь с шефом. Пусть возьмет охрану и пробивается ко мне! Я должен передать ему сведения о заражении. Внимание! Всем, кто еще может слышать! Опасайтесь зараженных! Они ведут себя не так, как прежде! Теперь они очень естественны и спокойны! Их можно отличить только по…

Говорил Омуль с резким, противным акцентом. Русский для него был явно не родной.

А психолог, оскалившись от досады, что–то выстукивал на своем компе, и наконец динамики заткнулись.

Нет, только в ближних коридорах. Издали все неслось:

— …каждой фразы! Когда зараженные говорят между собой, при первой встрече они передают условный жест, которым маркируют свои фразы с тайными сообщениями! Жест у каждого свой, но строение кода у всех одно: в каждой фразе они…

— Да не стойте же, Белугин! — рявкнул психолог. — Отрубите его от внешней связи! Он же весь Ковчег с ног на уши поставит! Не хватало только еще пары срывов, да внутри периметра, и с оружием! Сообщите шефу, раз так просит! Больше не штурмовать, ради бога! Только жертв нам не хватало!

— Этих увести?

— …повторяющийся жест! — неслось издали. — Для каждого свой! Это маркер! После него в каждой фразе есть по слову, которым они…

— Как вы их поведете?! — оскалился психолог на автоматчика. — А если вместе с ним кто–то еще психанул? И сейчас там, с оружием, бежит к Омулю на подмогу?! Да идите же

обрубите ему внешнюю связь, и закройте дверь, ради бога!

Автоматчики выбежали, хлопнула дверь, стало тихо–тихо.

И все–таки я прислушивался, нет ли опять стрельбы… Может быть, приближаясь к нам…

Господи, неужели это все повторяется… И даже здесь мы…

— Ну, вот… — психолог тяжело вздохнул, поглядел на Батыя. — Видали? А вы в отложенный срыв не верили.

— Шеф… — вдруг проговорил Батый и нахмурился. Поднял глаза на психолога: — Омуль хочет встретиться с новым шефом? Вы говорили, это он предложил, чтобы персонал базы тоже прошел проверку играми…

— Он, — кивнул психолог. — И предложил, и настоял. Но Омуль этого не знает. Омуль думает, что это я предложил. Шеф попросил, чтобы, для солидности, эту идею выдвинул я.

— И разрешение, за которым вы ездили, давал тоже ваш новый шеф?.. На арест Омуля…

— Увы, все зашло слишком далеко. Вчера он арестовал одного майора, чуть не пристрелил его… Так, но мы отвлеклись.

С неожиданным сейчас спокойствием, он оглядел свой стол.

— Ладно. Что случилось, то случилось. Не будет по–бабьи причитать, будем дело делать. Мир может рушиться, но долг превыше всего, не так ли? — Он посмотрел на Батыя. — Мы остановились на том, что у вас плохие сны, мой друг? Пересядьте–ка сюда…

Батый встал, но не шел к психологу. Стоял, как оглушенный…

— Ну–ну! Идите–ка ко мне сюда… Да, вот так. Постарайтесь не закрывать глаз от вот этого объектива, — психолог пододвинул к Батыю камеру на штативе. — А теперь берете вот эти рисунки, — он положил на стол стопку листов, на верхнем из которых виднелись пятна Роршаха, — и рассказываете, что здесь изобразил художник. Вот тут что?

— Ну–у… А это, — Батый бросил быстрый взгляд на треногу с камерой, — полиграф? По зрительным кодам доступа?

— Да, и очень хороший. Что вы видите? Будет лучше, для вашего же блага, чтобы вы не пытались угадать, какой ответ я от вас жду. Лучше честно говорите первое, что приходит вам в голову… Поймите, если есть какое–то отклонение, то на ранней стадии его еще можно остановить. Но если запустить… Вы понимаете?

— Да.

— Так что это?

Батый сглотнул.

— Ну же!

— Маленькие заводные марионетки… Путы тянутся к кукольнику. Их так много, что они словно рыболовная сеть, в узлах которой по марионетке…

— А это?

— Честно?..

— Естественно!

— То же самое… Только все марионетки смотрят на меня… Внимательно смотрят прямо на меня…

Батый подпрыгнул на стуле, когда дверь с грохотом распахнулась.

Несколько солдат втащили в кабинет Омуля.

Его руки и ноги были скованы наручниками, но Омуль яростно бился в чужих руках, как рыба в сети. Вопил с пеной у рта:

— …предатель и шпион! Он предатель и шпион, не меня вяжите, а его! Останавливать проект нельзя!

— Вот, взяли… Бросился на шефа, как бешеный…

— Господи, да вы же все… — причитал Омуль. — Вы все заражены… Кто–нибудь! Кто–нибудь, кто еще может видеть и слышать! Осторожнее! Они все! Все здесь заражены! Среднее слово! Жест–маркер и среднее слово! Осторожнее! Они тут…

Психолог неожиданно легко подскочил к нему и вколол шприц в плечо, прямо сквозь одежду.

— Нельзя останавливать проект… — пробормотал Омуль, но глаза уже затуманились. — Нельзя…

Он затих. Голова свесилась, изо рта сбегала ниточка слюны.

— Унесите и заприте в его каюте, — приказал психолог.

Я оглянулся на Батыя. Что–то он как–то подозрительно затих и подобрался. Я даже спиной почувствовал…

— Середина, — прошептал Батый, и глаза у него были дикие. — Жест–маркер, и середина…

Как зачарованный, он глядел на свежий плакат в углу кабинета.

— Двое! — приказал психолог. — Останьтесь пока на всякий случай… Со мной потом пойдете… Не дай бог, кто–то поверил в его бредни по радиосети. И ждет нас в коридоре с оружием…

Он развернулся к Батыю.

— Ах да! Мы ведь с вами еще не закончили? Ну–с, продолжим… На чем мы остановились?

— Проект будет остановлен… — пробормотал Батый, переведя осоловелый взгляд на психолога.

— Естественно. Вы же сами видите, какие трагичные побочные эффекты у наших исследований… Но вас сейчас должно волновать не это, а ваше собственное состояние. Скажите, что вам

снилось сегодня?

Глаза Батыя расширились от ужаса.

— Только, прошу вас, — улыбнулся психолог, — как можно подробнее. Чем раньше и точнее диагностика, тем проще лечение. И, прошу вас, не лукавьте… Помните, это полиграф. Любая неискренность будет замечена, и сейчас будет истолкована не вашу пользу… Сами понимаете, сейчас мы не можем рисковать…

Он оглянулся на двоих солдат, проверяя, что они на месте, и снова поглядел на Батыя.

— Итак? Что же вам снилось?

Батый вдруг затравленно посмотрел на Лиса. Потом уставился на меня.

— Что с вами? — спросил психолог. — Надеюсь, ничего кровожадного в снах не было? Иногда сны выносят на поверхность наши сокровенные желания…

Батый вдруг пятится, вместе с креслом, до конца не встав, чуть не падая назад — но лишь бы прочь от психолога, прочь от нас с Лисом…

Вдруг вскочил и метнулся к двери, но я был проворнее. Для его же блага! Я выбросил ногу, и Батый растянулся прямо перед автоматчиками. Двое солдат тут же бросились на него, и психолог с новым шприцем…

Я вскинул руки:

— Не!… — я так махал руками, что случайно царапнул себя по виску, от волнения я чуть не заикался, слова путались: — У него срыв легкий только! Не стреляйте его! Осторожнее обязательно прошу! Так убить можно… Не надо его…

Но они просто держали его, Батый уже обмяк. Только в ужасе пучил на меня глаза, быстро мутнеющие.

— Боюсь, нам предстоит очень трудная работа с вашим другом, — прищурился психолог. — До конца расследования как минимум…

Он вздохнул.

Обвел комнату взглядом, как полководец поле битвы. Затем шагнул к шкафу и раскрыл створки. Внутри были две стопки крупных листов.

— Везде на место старых плакатов, — приказал он солдатам.

В одной стопке плакаты были на лиловой бумаге:

«Горьки ошибки и сопротивление на пути исследований, но не сломлено наше стремление!»

В другой на голубой:

«Ну а истина? Если ты остановишься, кто завершит наш путь познания?»

Выписка из истории болезни:

Руслан Белкин, палата психопатологии военного госпиталя.

Также откликается на «Батый». Спокойный, молчаливый, замкнутый. На попытки заговорить отрешенно усмехается. На просьбы что–нибудь нарисовать хмурится, затем рассеянно чертит бессмысленный набор слов, каждый раз новый, но один из вариантов навязчиво повторяется:

— -» — , скошенный оскал:

сон

он знает

не срыв! стреляйте обязательно! убить надо! — боюсь расследования

СОПРОТИВЛЕНИЕ СЛОМЛЕНО!

А ТЫ НАШ?